

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

МОЛЧАНИЕ КОСТЕЙ

АЛАСТЕР
РЕЙНОЛЬДС

Звёзды новой фантастики

Аластер Рейнольдс

Молчание костей

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Рейнольдс А.

Молчание костей / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-21135-3

Сестры Несс сбежали из родного мира, мечтая о бурной, полной приключений жизни космоплавателей, охотников за сокровищами. Мечты сбылись, но за приключения пришлось заплатить собственной кровью и жизнями товарищей, а сокровища не принесли счастья. И теперь Адрана и Арафура вне закона: летящую на черных парусах «Мстительницу» преследует эскадра, нанятая теми, кто не умеет забывать и прощать. А возглавляет эскадру человек, давно привыкший добиваться своего любой ценой – и, что еще опаснее, обладающий необходимыми для этого талантами. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-21135-3

© Рейнольдс А., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	74
Глава 10	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Аластер Рейнольдс

Молчание костей

Alastair Reynolds
Bone Silence

© 2020 by Dendroscopos Ltd

© Н. Г. Осяну, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эта книга также посвящается маме

Глава 1

Сперва они увидели вдалеке мерцающую точку, а теперь сомнений не осталось: впереди мир, и он приближается.

Фура Несс, сидя в штурманском кресле у фронтальных иллюминаторов катера, пыталась вести корабль в точности так же, как это делал бы любой другой потенциальный посетитель. Избыток уверенности привлечет внимание. Чрезмерная осторожность продемонстрирует, что экипажу есть что скрывать.

Разумеется, так оно и было на самом деле.

Подметала посылал локационные импульсы на внешнюю оболочку мира под названием Малграсен. Круглый датчик показывал скорость сближения, которая теперь уменьшилась до каких-то шести тысяч пядей в секунду.

– В самый раз, – сказал Лагганвор, глянув через ее плечо на приборную панель.

Фура не торопилась с комментарием. Она щелкнула несколькими переключателями, повернула рычаг, постучала ногтем по датчику, чья стрелка имела обыкновение застревать.

– Это не первый мой полет, Лаг.

Отражение Лагганвора улыбнулось в ответ с полированного металла пульта управления:

– И мой тоже.

Фура еще немного сбавила тягу, и скорость упала до пяти тысяч пятисот пядей в секунду. Они пересекали орбиты других кораблей, собравшихся вокруг Малграсена: здесь и маленькие катера, подобные их собственному, и полностью оснащенные парусники, обосновавшиеся удивительно близко к гравитационному колодцу поглотителя.

– Весь этот путь ради груды костей, – проворчала Прозор с привычной сварливостью.

– Костей, которые нам, так уж вышло, необходимы, – ответила Фура.

Прозор потеряла вмятину на голове, куда была вставлена металлическая пластина:

– Они необходимы тебе, детка. Остальные вполне довольны тем, что им не приходится приближаться к этим чудищам с лошадиными мордами.

– Разделяю твои сомнения. – Лагганвор доверительно улыбнулся Прозор. – Но также вижу необходимость в актуальных разведданных. Без жизнеспособного черепа мы действуем вслепую.

– Эти твои разведданные... – проговорила Прозор. – Они же не имеют никакого отношения к тому, что ребята из правительства-шмавительства переворачивают в Собрании каждый камешек в надежде, что мы под ним спрятались? Шмавительственные разумники с кораблями, пушками, тайными агентами и множеством собственных разведданных?

Лагганвор почесал подбородок:

– Может быть.

– Тогда почему, клянусь всеми мирами, мы... подошли так близко к одному из них?

– Мы это уже обсуждали, – повернулась к Прозор Адрана Несс, сидевшая сразу за пилотским креслом ее сестры. – Очень приятно топтаться на задворках Собрания, отнимая у других экипажей самое необходимое для нас, – это сослужило нам хорошую службу после происшествия на Скрыге. Но этого мало. Мы стали пиратами временно и не планируем заниматься этим ремеслом всю жизнь.

Прозор кивнула на передние иллюминаторы: Малграсен достаточно увеличился в размерах, чтобы можно было разглядеть детали.

– Намекаешь, что положить башку на плаху, добровольно ступив на поверхность одного из цивилизованных миров, – это к лучшему?

– Так надо, – отрезала Фура с тяжелым вздохом. – Ни один из черепов, найденных нами на других кораблях, не стоил и глотка дыхания к тому времени, когда мы добрались до него.

Нет у нас другого выбора, кроме как пройти по магазинам. Но я не собираюсь рисковать без надобности. Малграсен – на самом деле захолустье, и вряд ли кто-то нас там ждет. Он не похож на Колесо Стриззарди...

- Там тоже шла речь про умеренный риск, – заметила Прозор.
- Он таким и был, – процедила Фура. – Просто его недостаточно умили.

Малграсен представлял собой кружевной мир, вращающийся вокруг Старого Солнца в тридцать четвертой процессии. Он не был ни полностью пустым, как оболочечный мир, ни полностью твердым, как сферический. На самом деле он выглядел кондитерским шедевром. Этот мир состоял из множества тонких и хрупких слоев, изящно вложенных друг в друга, пронизанных пустотами и шахтами, вследствие чего образовались полости со сводчатыми потолками, где катер мог перемещаться почти так же свободно, как в открытом космосе. Внешняя поверхность Малграсена, от которой отражались локационные импульсы подметалы, имела лишь приблизительно сферическую форму. В ней встречались дыры, иные диаметром в несколько лиг. Между пустотами простирались неровные участки сплошной поверхности, соединенные друг с другом то крепкими мостами из того же материала, то узенькими и опасными даже с виду перешейками. Толщина этого поверхностного слоя нигде не превышала одной десятой лиги, а местами он был значительно тоньше. По наиболее твердой поверхности были разбросаны, словно блески, маленькие поселения под куполами, не больше четверти лиги в поперечнике. Время от времени между ними ездил крошечный поезд – светящийся червь спешил по стеклянной трубе.

Когда скорость катера снизилась всего до пятисот пядей в секунду, Фура направила его вниз через одно из отверстий побольше. В иллюминаторах промелькнула толща поверхностного слоя, и они оказались, строго говоря, внутри Малграсена. Ощущения тесноты не возникло. Кое-где все еще можно было увидеть звезды, а также с дюжину близких миров и пурпурно-рубиновое мерцающее ядро Собрания. Внизу, примерно в лиге, простиралась меньшая, вложенная сфера: такая же дырявая, как и наружный слой, пестреющая куполами и рассеченная тонкими блестящими нитями железнодорожных линий. Над катером также виднелись и купола, и железнодорожные линии, потому что некоторые обиталища крепились к нижней стороне внешней оболочки, аналогично тем, что снаружи. Тончайшие соединительные конструкции тянулись от одного слоя к другому, и казалось совершенно немыслимым, чтобы эти хлипкие на вид колонны и стены могли поддерживать хоть что-нибудь, не говоря уже о многих квадратных лигах пригодной для жизни поверхности.

Но они поддерживали, и давно. Малграсен существовал миллионы лет, и он был заселен, утрачен и повторно заселен много раз на протяжении долгих циклов цивилизационного коллапса и возрождения, из которых состояла история Собрания.

Фура еще больше сбавила скорость. Чем дальше они углублялись в Малграсен, тем оживленнее становилось движение. Ракетные катера шныряли во всех направлениях, почти не пытаясь перемещаться организованным потоком. Грузовые шлюпки и буксиры с рычанием ползли мимо по своим неспешным и важным делам. На каждый корабль размером с их собственный катер приходилось десять или двадцать совсем мелких суденышек, которые применялись только для передвижения внутри мира и в непосредственной близости от него, и они оказались уж совсем бесцеремонными в отношении навигационного этикета. А еще склонными к любопытству: подлетали к катеру и сворачивали только в последнюю секунду. Предупреждение о столкновении срабатывало так часто, что в конце концов Фура просто его отключила.

Они спустились еще на один уровень. Теперь космос был почти не виден, и обиталищам на этих глубинах приходилось полагаться на искусственное освещение. Их было больше, они располагались ближе друг к другу, и кое-где поселки слились так основательно, что превратились в районы городов, которые без труда могли соперничать по величине с таковыми

на родном мире сестер Несс. Под куполами высились громадные многоэтажные здания, из бесчисленных окон лился уютный золотой свет, который говорил о процветании и комфорте. На крышах вздымались озаренные прожекторами статуи животных; по бокам зданий мерцала неоновыми огнями реклама; светофоры отбрасывали красные и зеленые блики на тротуары и перекрестки. Люди с такого расстояния выглядели в лучшем случае движущимися точками – даже трамваи и автобусы казались игрушечными, – но было нетрудно вообразить, как они, одетые по моде, прогуливаются по прекрасным мраморным бульварам, вдоль которых выстроились большие витрины магазинов и вывески множества заманчивых мест, где можно пообедать и потанцевать.

Фура посмотрела на сестру, гадая, не испытывает ли Адрана тоски по дому при виде эталона бурной цивилизованной жизни.

– Я совсем забыла... – начала Адрана.

– ...как все может быть красиво, – мрачно закончила Фура. (Сестра встретила с ней взглядом и едва заметно кивнула в знак взаимопонимания.) – Как мило выглядит приличное общество со стороны. Как оно готово удовлетворить любое наше желание. До чего же приятно, заманчиво. Какое коварство! Это ловушка, сестра, и мы в нее не попадемся.

– Я и не говорила, что попадусь.

Фура снова сбавила скорость. Они спустились через щель между двумя куполами, затем нырнули сквозь толщу другой оболочки и миновали ее нижнюю сторону. Внизу был еще один слой, полностью покрытый светящейся массой зданий. Где-то в глубине этой последней сферы находился поглотитель, и поселение располагалось к нему ближе всех. Фура порадовалась, что так далеко им лететь не придется, – значит, получится сберечь топливо.

– Вон там. – Лагганвор ткнул пальцем в окно. – Посадочное колесо.

Фуру предупредили о том, как здесь все устроено, но это не ослабило ее тревогу на последнем этапе путешествия. Посадочная конструкция представляла собой очень странное сооружение. Оно было похоже на колесо обозрения, торчащее из щели в потолке – наружу выставлены только две нижние трети, которые медленно вращаются. На ободе колеса были платформы, на каждой мог поместиться корабль, и неведомые механизмы или противовесы удерживали его ровно, пока само колесо крутилось. Корабли поднимались и исчезали в щели, за которой протекала скрытая от глаз часть цикла вращения.

Треть платформ пустовала. Фура выбрала одну и подвела катер брюхом вперед, выпустив шасси и выключив двигатели в последний момент. Соответствующая часть колеса поднималась, и вскоре они проникли в щель, взобрались на вершину конструкции: там корабли двигались через изолированную приемную зону на платформах, которые плавно поднимались и опускались. Фура и ее команда не были готовы покинуть катер сразу, и к тому моменту, когда проверка скафандров завершилась и все собрались в главном шлюзе, их платформа уже ехала вниз.

– Имена и легенды? – спросила Фура.

– В нас их так вколотили, что я почти забыла свое настоящее имя, – проворчала Прозор. – Кстати говоря... а как меня на самом деле зовут?

– Не имеет значения, – сказала Фура. – Главное, чтобы ты не ляпнула чего не надо.

Прозор присела и выдавила немного масла в коленный сустав скафандра.

– Эх, детка, не жалеешь ты меня.

– Еще чего! – Фура постучала костяшками пальцев по той детали своего медного шлема, что соответствовала подбородку. – Я жалею собственную шею, потому что ей придется рискнуть. А это означает, что мы должны придерживаться своих ролей.

– Я думаю, мы достаточно подготовлены, – встрял Лагганвор. – А теперь, может, обсудим распределение обязанностей? Разрешите мне действовать самостоятельно, и я справлюсь

с любым поручением быстренько и с толком. Очевидно, я не могу помочь с приобретением нового набора костей, но другие предметы в нашем списке покупок...

– Сестры сами займутся своими жуткими игрушками, – перебила Прозор. – А ты, Лаг, держись рядом со мной – ведь ты знаешь местность.

– Я был здесь всего один раз, дорогая Проз; это вряд ли дает мне право писать путеводитель для туристов.

Они в последний раз проверили скафандры друг друга. Платформа, на которой стоял катер, снова приблизилась к вершине. Фура открыла шлюз, и они вместе с багажом спустились по трапу на решетчатую металлическую плоскость. На краю платформы пришлось дожидаться, когда она встанет вровень с неподвижной поверхностью приемного отсека, а затем вся компания быстро переступила с одной плоскости на другую. Трюк требовал некоторой ловкости, но такое испытание было по силам любому экипажу, который только что вернулся из путешествия по шарльерам. Через несколько минут космоплаватели попали в приемный шлюз, где можно было снять шлемы.

Они оказались в конце неспешно ползущей очереди космоплавателей, которых допрашивали иммиграционные клерки и таможенники. Комната была полна бормотания, сквозь которое прорывались задаваемые скучающим тоном вопросы и звуки штампования документов. Изредка клерки засовывали бумаги в трубу пневмопочты и отсылали к вышестоящим чиновникам.

Очередь двигалась вяло. Фура и остальные положили багаж на пол и, перемещаясь вперед, подталкивали его ботинками; позади них пристроилась другая команда, а потом еще одна.

Просто находиться здесь – это уже было верхом наглости. Они месяцами избегали любых контактов с цивилизацией. Малграсен не был каким-нибудь преступным миром, где могли закрыть глаза на их прошлое. Он был процветающим, с давней хорошей репутацией, с налаженными связями: необычное сочетание, особенно если учесть, что его орбита пролегла по так называемым Морозным Окраинам. Здесь шла оживленная торговля, и Фура сделала на нее ставку: она испытала облегчение, а не уныние при виде множества прибывающих и улетающих кораблей, и даже теперь ей было приятно ползти в самом хвосте ворчливой медленной очереди.

Позади кто-то начал хрипло жаловаться, и один из клерков покинул свой стол, выставив табличку «Перерыв», вследствие чего две очереди слились в одну.

– Отличная работа, – прошептала Фура.

Адрана опустила голову и посмотрела на сестру поверх очков:

– Надо же, ты меня хвалишь.

– В кои-то веки выбор делала не я. Тебе полезно проявлять немного... инициативы время от времени.

– Не завышай мои заслуги. Все, что я сделала, – это нашла мир, до которого мы могли добраться, расположенный не слишком далеко и с мало-мальски приличным выбором костяных магазинов. – Она оглянулась на ожидавшую позади команду: космоплаватели брюзжали из-за неработающего стола. – Любые другие преимущества... случайны.

– Случайны или нет, но они сослужат нам хорошую службу. – Фура понизила голос: – Я бы сказала «молодец, сестренка», но, возможно, пора войти в роль.

– Как скажете, капитан.

Процессия двигалась урывками, и примерно через полчаса настал их черед отвечать на вопросы. Фура положила документы на стол и подбоченилась, изображая смесь покорности и нетерпения. Она все еще была в вакуумном скафандре, и на этот раз искусственная рука пряталась под полноценным рукавом с перчаткой вместо привычного – усеченного, с герметичной манжетой.

– Капитан... Тессили... Маранс, – прочитал мужчина с тяжелым подбородком и назойливым тихим кашлем. – Капитан Тессили Маранс. Тессили Маранс.

– Осторожно, не сломайте язык, – саркастически посоветовала Фура.

Он прищурился, сравнивая ее лицо с фотографией в документах.

– Из Пустоши пожаловали?

– Это не запрещено законом.

Клерк лизал кончики пальцев, быстро перелистывая страницы.

– Где зарегистрирован ваш корабль?

– На Индраголе.

– Опишите его.

– Около четырехсот пядей в длину, с помещениями внутри и множеством парусов и таке-лажа снаружи.

Клерк посмотрел на нее с каменным лицом, на котором не отразилось даже намека на юмор.

– Мир, а не корабль.

– А вы планируете отпуск? Ладно. Индрагол. Выгребная яма в двадцать восьмой процессии. Трубный мир. В куцем списке хорошего, что оттуда вышло, моя «Серая леди» и мой отец...

– Как его зовут?

– Даржан. Даржан Маранс.

Клерк перевел взгляд на Адрану:

– Она кто?

– Она может говорить сама за себя, – отрезала Фура.

Адрана посмотрела на него сверху вниз:

– Траген Имбери.

– Род занятий?

– Симпатетик. – Адрана наклонилась и пояснила громким шепотом: – Знаете, это то же самое, что чтец костей.

Он взял другой документ:

– Снимите очки.

Адрана подчинилась, не сводя с клерка свирепого взгляда. Он некоторое время таращился на страницу и хмурился, а потом подозвал коллегу и передал ему бумаги, пробормотав что-то насчет Траген Имбери. Второй клерк сел за стол и начал просматривать бумаги с помощью карманной лупы и сверяясь с образцом – похоже, выискивал малейшие изъяны, способные выдать подделку. Тем временем первый клерк начал задавать вопросы Прозор и Лагганвору.

Небольшой мерцательник над столом демонстрировал зернистые изображения: лица разыскиваемых преступников.

Фура вспотела. Она-то думала, что воинственный настрой и угрюмый вид сыграют им на руку, ведь это последнее, чего стоило ожидать, если бы настоящие сестры Несс попытались обмануть иммиграционную службу. Теперь возник вопрос, не ошиблась ли она с выбором курса.

Второй клерк наклонился к первому и что-то прошептал, приложив ладонь ко рту. Первый клерк почесал подбородок и потянулся за пустой капсулой для пневматической почты. Он начал сворачивать бумаги Фуры, намереваясь засунуть их в капсулу.

– Ты сказала, Даржан Маранс? – спросил хриплый голос позади.

Фура повернулась, изображая высокомерную неторопливость.

– А тебе-то что, разумница?

– В Граубунде некто Даржан Маранс взял у нас двести лиг трехволоконных снастей, да так и не заплатил. – Высокая женщина со шрамами на щеках, грубым голосом и ежиком зеленых волос насмешливо покачала головой, как будто не веря в реальность происходящего. – Даже не мечтала, что этот день настанет. Последние десять лет я следила за командой Маранса –

вдруг наши пути пересекутся? – но никогда не думала, что ты окажешься настолько глупой и назовешься прямо у меня перед носом. – Она протолкалась вперед, встала между Прозор и Лагганвором и воззвала к клеркам иммиграционной службы: – Это воровка! Вы скажете, что такелаж стырил ее папаша, но мне плевать! Она должна понести ответственность за это преступление вместе со своей командой подлецов! – Незнакомка погрозила пальцем Фуру и остальным. – Не вздумайте пускать их в Малграсен. Они удерут, не успею я и глазом моргнуть. Немедленно сажайте всех под замок, а я заполню все нужные бумаги и точно распишу, сколько эта Тессили Маранс нам должна.

Лагганвор вскинул руки, натянуто улыбаясь:

– Послушайте... э-э... капитан! Не могли бы мы договориться полюбовно? Вдруг случилась какая-то... совершенно безобидная путаница? Я не очень хорошо знаком с текущей ставкой за трехволоконный такелаж, но думаю, что шестьсот мер будут вполне честной компенсацией за любое серьезное... э-э... недоразумение?

Зеленоволосая насмешливо фыркнула:

– Шестьсот мер, разумник? Это что, шутка? Ты хоть представляешь, что по сегодняшним ценам на это можно купить?

В широкой ухмылке Лагганвора сквозило отчаяние.

– По-видимому... слишком мало, чтобы уладить дело?

– Арестуйте их! – потребовала капитанша. – Я сделаю все, что потребуется. Дело не в деньгах, а в принципе. Я готова потратить пару часов на изложение этой мерзкой истории. Да хоть шесть часов!

Позади нее застонала вся команда. Очевидно, у них были другие планы на день.

Первый клерк перевел взгляд с зеленоволосой капитанши на Адрану, затем снова на Фуру. Он наклонился и что-то доверительно прошептал коллеге. Второй клерк уныло покачал головой, потер глаза и встал из-за стола. Щекастый по-прежнему держал в руках наполовину скрученные документы, которые собирался засунуть в капсулу пневмопочты. Он колебался еще секунду, затем расправил их, потянулся за своим инструментом и поставил штамп в каждом комплекте личных бумаг.

– Вам повезло, капитан Маранс, – проворчал он, глядя на Фуру. – Обычно мы не относимся к подобным заявлениям с таким скепсисом.

Фура посмотрела на часы над столом клерка. До полудня оставалось всего двадцать минут – должно быть, приближался конец смены. Возможно, не только этого клерка, но и коллеги. Меньше всего им хотелось запустить процесс, подразумевающий дополнительные проверки, новые документы, общение с начальством, комнаты для допросов и прочее, – и все это по сомнительному требованию команды, чье прошлое наверняка столь же небезупречно.

– Ей нужен другой Маранс, – проговорила Фура чуть вежливее. – Но... все равно спасибо, что вы нас не задержали.

– Тратьте свои пистолы, пока можете, – сказал клерк, возвращая документы.

– Это была хорошая попытка, – сказала Адрана Лагганвору, когда они поднялись на уровень улицы в тесной кабине лифта.

Багаж громоздился у ног; из-за него Фура и Прозор остались ждать следующего лифта.

– В смысле?

– Хорошая попытка уговорить, чтобы мы отпустили тебя в город одного.

Живой глаз Лагганвора сверкнул тщеславным весельем. Другой – более тусклый, стеклянный – смотрел сквозь нее с надменным безразличием.

– Я лишь хотел наилучшим образом потратить наше время.

Она положила руку ему на плечо, почти нежно, и провела кончиками пальцев до самого воротника. Теперь на них не было вакуумных скафандров. Их оставили в камере хранения

на том же уровне, где располагался иммиграционный департамент, и переоделись в обычную одежду, которую привезли с собой. Костяшки пальцев Адраны коснулись заросшей щетиной щеки, и Лагганвор улыбнулся, но не без некоторой настороженности. Затем она резко просунула руку к его затылку, схватила прядь густых волос длиной до плеч и сильно дернула.

– Тащить тебя сюда было рискованно, – сказала она, когда Лагганвор скорчил гримасу. – Но это меньший риск, чем оставить на корабле, где ты легко мог бы подать сигнал своим хозяевам.

– Я подаю сигналы, – процедил он, – ради вашего блага, а не своего. Пока мои хозяева знают, что я жив и наблюдаю за вами, они довольны – и не попытаются прикончить кое-кого с большого расстояния.

– Эта логика работает, пока мы в космосе, – возразила Адрана, продолжая выкручивать его волосы. – Но это Малграсен, это мир, и я подумала, что у тебя могут появиться другие идеи. Например, вызвать подкрепление, пока мы заняты покупками. Чтобы взять нас живыми.

– Я о таком даже не мечтал.

– И не мечтай. Мы будем держаться вместе, как приклеенные. Ты и я. Попробуй бросить хоть взгляд в неправильную сторону – не говоря уже о том, чтобы послать туда свой летающий глаз, – и я расскажу Фуре, кто ты на самом деле.

– Это может плохо кончиться для нас обоих.

– Она поймет, почему мне пришлось соврать.

– Рад, что ты так веришь в здравомыслие сестры, – сказал Лагганвор, поднимая руку, чтобы высвободить волосы. – А вот меня пока что убедить в его наличии не удалось. – Он вздохнул и пристально посмотрел Адране в глаза. – Можешь не сомневаться, я сдержу обещание. Я отправил сигнал двадцать дней назад, сообщив ложную позицию и курс; они не будут ждать новостей, пока мы не уберемся подальше от Малграсена. Они не знают ни о том, что вы здесь, ни о ваших дальнейших планах. – Он заметил свое отражение на боковой стене лифта и завозился с челкой. – Кстати... Что это за планы?

– Думаю, будет лучше, – проговорила Адрана, – если эти планы останутся между Фурой и мной. Между прочим, Бриска...

Он моргнул, смущенный тем, что его называли настоящим именем.

– Да?

– Ты совершенно прав: я бы не стала рисковать и объясняться с Фурой. Гораздо проще прикончить тебя самостоятельно.

На площади Вирмири, куда привезли космоплателей лифты, сходилась пять улиц, а сама она располагалась недалеко от центра Стренгазера, одной из самых больших агломераций на этом уровне Малграсена. Фура запрокинула голову и сделала первый полноценный вдох с тех пор, как покинула «Мстительницу». Ароматы города хлынули в ее легкие. Тормозная пыль, уличная грязь, животный жир, обезьяний пот, горячее масло, градирные пары, кухонные запахи, канализационная вонь, кислый смрад пьяницы, вывалившегося из ближайшего бара, запахи из круглосуточной прачечной... В целом это была своеобразная отравка, но после многомесячного пребывания в космосе, когда приходилось довольствоваться дыхалью, прошедшей через растительные мембранные фильтры светового плюща, неизменно отдающей зеленью и чем-то затхлым, это было так же прекрасно и волнующе, как аромат духов или шоколада. Она соскучилась по запаху городов. Она соскучилась по запаху миров, по запаху жизни.

Лучше к нему не привыкать.

– Выпьем по стаканчику, – объявила она, – а потом разойдемся. Мы с Адраной обойдем костяные магазины – слишком рискованно, если нас заметят вместе и вспомнят то, что известно о нашем общем таланте. Будем поддерживать связь по трещальнику и встретимся, когда понадобится что-нибудь обсудить. Так или иначе, мне нужно выпить и...

– Там какая-то катавасия, – перебила Адрана и кивком указала на что-то, расположенное поодаль от ближайшего бара.

На углу – там, где один из главных бульваров выходил на площадь Вирмири, – собралась толпа. Люди теснились, словно зрители в ожидании, когда откроются двери театра. Над ними высилось величественное здание с фасадом, украшенным замысловатой резьбой. Это мог быть огромный универмаг или головной офис страховой компании. На краю толпы подпрыгивал ребенок, желая получше разглядеть, что происходит.

Адрана прошмыгнула между двумя трамваями и присоединилась к задним рядам собравшихся. Фура, Лагганвор и Прозор последовали ее примеру. Адрана запрокинула голову, что-то углядев. Раздался крик; он постепенно нарастал, как будто включилась сирена.

Фура тоже подняла глаза, придерживая шляпу за поля. Над крышами зданий, неоновыми вывесками и пересекающимися, как половинки ножниц, лучами прожекторов, над изящной стеклянной конструкцией герметичного купола, который защищал эту часть города, простиралась в высоту лига вакуума, и там словно проворные мотыльки шныряли катера, а еще дальше находился следующий слой Малграсена, покрытый узором перевернутых городов – здания смахивали на подвески, – который распростерся на изломанной поверхности, будто чудесное созвездие из расплывчатых мерцающих звезд всевозможных оттенков.

Крик – его исторгало чье-то горло, а не машина – зародился на уровне двадцатого этажа. Фура увидела открытое окно – высокое, одностворчатое, выходящее на нелепо узкий балкон. Крошечная бледная фигурка, судорожно схватившись за нижнюю стеклянную панель, смотрела вниз, на толпу, на краю которой теперь стояли сестры Несс. А собралась толпа вокруг того, кто миг назад выбросился в это окно.

На плечо Фуры легла рука. Что-то холодное и острое коснулось шеи.

– Кажется, удача на моей стороне. Вы согласны, капитан Маранс?

Фура медленно повернулась. Холодное острие продолжало прижиматься к коже.

Адрана, Прозор и Лагганвор стояли в стороне с выражением беспомощности на лицах. Они были застигнуты врасплох. Только Лагганвор был вооружен, но не мог пустить свой глаз в ход даже для простой угрозы насилием, поскольку в этом случае привлек бы именно то внимание, которого они пытались избежать.

– Вы никогда не встречались с моим отцом, – сказала Фура.

Зеленоволосая капитанша усмехнулась:

– Я, вообще-то, не уверена, что с ним встречалась ты.

Женщина уже сняла скафандр, избавилась от перчаток. Она провела черным ногтем по своей щеке, покрытой шрамами, огрубелой и морщинистой, как корешок старой книги. Задумчиво склонила голову набок и усмехнулась:

– Хоть что-то было правдой?

Фура на секунду задумалась.

– Справедливости ради, Индрагол – действительно выгребная яма.

– Ну да, с этим не поспоришь.

Фура кивком указала на толпу, которая с момента их прибытия увеличилась на треть. Люди были настолько поглощены происходящим, что напряженное противостояние двух экипажей прошло совершенно незамеченным. Наверху кто-то все еще кричал. Казалось совершенно невероятным, что одна пара легких способна издавать такой долгий душераздирающий вопль.

– На что они смотрят?

– На размазню, – сказала зеленоволосая. – Это сейчас модно – считай, востребованная специальность. Все Собрание сходит с ума. Ты что, совсем за новостями не следишь?

– Я же сказала: мы только что из Пустоши.

Острые чуть отстранилось.

– Тогда я немного введу тебя и остальных в курс дела. Полгода назад каждый пистоль в Собрании – в каждом кармане, в каждом кошельке, в каждой банке, в каждом инвестиционном фонде, в каждой торговой палате – подвергся спонтанной переоценке номинальной стоимости.

– Я что-то такое слышала.

– Было бы трудно не услышать. Это самое большое финансовое бедствие, которое обрушилось на Собрание с начала нынешнего Заселения. По сравнению с такой катастрофой любой экономический спад или кризис кажутся высосанными из пальца. Банки называют случившееся Корректировкой. Слово такое отчужденное, абстрактное, будто никак не связанное с реальными людьми и реальной жизнью. – Тон капитанши стал задумчивым. – Хотя, разумеется, это надо было как-то назвать.

– Да уж.

– Есть один... любопытный нюанс. – Капитанша покачала головой. – Форменная глупость, ага. В общем, ходят слухи, что к Корректировке каким-то образом причастны две сестры.

– Две сестры?

– Две чопорные и благопристойные мамзели с Мазариля. Сбежали из дома, заполучили корабль – очень быстрый темный корабль – и сунули нос туда, куда не стоило его совать. И вот вам результат.

– Об этом я ничего не знаю, – сказала Фура.

– Ну конечно, – сказала капитанша, оценивающе глядя на нее. – Я и не думала, что знаешь.

Наступила тишина. Фура подняла руку и очень осторожно отодвинула лезвие:

– Ты бы выдала этих сестер, узнав, где они находятся?

– Зависит от обстоятельств. Многие на моем месте выдали бы. Корректировка сильно ударила по людям, и не только по тем, кто мог не заметить небольшую потерю. Пусть немалый срок прошел с тех пор, как все случилось, но банки еще не закончили ревизию счетов и не всех клиентов известили о судьбе их сбережений. Если бы проблема свелась к изменению количества мер, которое соответствует каждому пистолю, это было бы само по себе скверно, однако обычная бухгалтерия справляется с такими задачами. Подлинная засада в том, что сейчас никто толком не понимает, какова реальная ценность одной меры. Стоит ли десятимерный пистоль сегодня больше, чем десятимерный шесть месяцев назад? Или меньше? – Она кивком указала вверх толпы. – Одно я знаю точно: этот парень получил весьма неприятные новости.

– Банкротом может стать любой, – сказала Фура.

– Что ж, это правда. Суровая, но бесспорная правда. И дело в том, что, хоть банки и посулили небольшое состояние тому, кто разыщет сестер Несс, эти заведения изначально не пользовались любовью народа. Сама знаешь, как бывает: ты отчаянно нуждаешься в кредите, чтобы поддерживать корабль в исправном состоянии, но никто не желает пойти навстречу.

Фура осторожно кивнула:

– Признаться, мою семью банки тоже не баловали.

– Могу я... вмешаться? – мягко поинтересовался Лагганвор, а потом очень медленно расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана пухлый кошелек, позвякивающий пистоллями.

– Что ты предлагаешь, разумник?

– Благодарность за вашу доброту – вы избавили нас от проблем с иммиграционной службой.

– Ну, кто-то должен был это сделать. Язык вашего капитана определенно навлек бы на вас беду.

Лагганвор подбросил кошелек на ладони, затем протянул зеленоволосой:

– Помните цифру, названную мной в связи с неоплаченными снастями? Здесь примерно столько, может, чуть больше. Достаточно ли такого выражения признательности?

Она выхватила кошелек и сунула в карман, даже не проверив содержимое:

– Допустим.

– Тогда мы в расчете, – сухо сказала Фура.

Раздался щелчок, и лезвие ножа исчезло в миниатюрной брошке, изображающей птицу, – безделушка была намного меньше клинка. Зеленоволосая капитанша приколола украшение к воротнику.

– Да, в расчете. Но проясню два момента, прежде чем мы расстанемся. Во-первых, не каждый экипаж испытывает такое же двойственное отношение к назначенной награде, как мы, поэтому сестрам Несс не мешало бы поменьше высовываться. Во-вторых... сможете передать им сообщение, если ваши пути когда-нибудь пересекутся?

Фура серьезно кивнула:

– И что же это за сообщение?

– Скажите им вот что: у таких выкрутасов просто должна быть какая-то долбаная цель.

В костяном магазине мужчина с белыми бакенбардами оторвал взгляд от верстака и уставился на Адрану поверх сложных очков с множеством сменных линз. Она неторопливо двигалась вдоль полок, рассматривая товары. Большей частью ерунда для туристов, ничего, что имело бы практическую пользу для настоящего чтеца костей. Черепа размером с кулак, собранные из костей крысы, кошки и собаки, соединенных так, чтобы получилось нечто похожее на череп пришельца, а затем набитых светящейся ватой, которая при удачном освещении могла сойти за активное мигальное вещество. Нашлись и фрагменты более крупных черепов, которые, возможно, когда-то принадлежали пришельцам, но представляли ценность разве что в качестве балласта.

– Вижу, у вас глаз наметан на хорошие вещи, моя дорогая, – сказал хозяин магазина, пока Адрана рассматривала один из фальшивых черепов покрупнее.

– У меня глаз наметан на подделки, – спокойно ответила Адрана и вернула череп на полку. – К вашей чести, мистер... – Она сняла с черепа аккуратную этикетку и, шевеля губами, прочитала: «Магазин костей Даркли, Боскл-лейн, шестьдесят два, Вирмири-Уэст, Стрензагер, уровень Пеллис, Малграсен». – Мистер Даркли... Это же вы мистер Даркли? К вашей чести – к очень незначительной чести, – здесь нет ничего, что можно было бы назвать подлинным; вы довольствуетесь тем, что позволяете неосторожным посетителям сделать собственные выводы. И много желающих?

Мистер Даркли отложил инструменты. На верстаке на мягкой подкладке лежал череп, и был он в три раза больше любого из поддельных экземпляров. Если это еще одна фальшивка, то ее соорудили из останков верблюда или ломовой лошади. По стандартам подлинных черепов, по-настоящему древних и инопланетных, он считался бы некрупным. Впрочем, в других магазинах Адрана видела совсем крошечные черепа.

– Нет ничего дурного в том, чтобы удовлетворять спрос на сувениры. Если туристам нужен маленький череп, чтобы увезти его в Солнечные Края и повесить над камином в качестве напоминания о приятном отдыхе в Малграсене, почему я должен отказывать им в этом безобидном удовольствии?

– Это все хлам, обман, – сказала Адрана, изучая продавца сквозь очки. – Бесплезное барахло. Интересно, откуда у вас кости? Заключили сделку с местным ветеринаром? Ставите ловушки в переулках, а потом вывариваете трупы?

Даркли снял сложные очки с большого носа, испещренного красными прожилками, и положил на сложенную пополам газету рядом с черепом. Стряхнул крошки с фартука.

– Лучше подумайте вот о чем: туристы получают сувениры и платят за них. У этих разумников карманы глубоки даже по нынешним меркам – сюда не добираются те, кому едва хватает денег на еду. Вы бы предпочли, чтобы им продали безобидную копию, милую финтифлюшку или чтобы настоящий функционирующий череп вышел из обращения и оказался под замком, без шанса послужить какой-нибудь команде?

Адрана фыркнула: рассуждения торговца были убедительны, и все равно они ей не понравились.

– Полагаю, все зависит от того, есть ли у вас настоящие черепа, которые вы могли бы мне предложить.

– Я мог бы, – сказал Даркли со слабой улыбкой, в которой ощущалось нечто непристойное.

Торговец был старым и тощим, с кожей в печеночных пятнах, с пучками седых волос обочь совершенно лысой макушки, любовно начесанными в подобие широких лебединых крыльев; эффект усиливали похожие на кучевые облака поросли в ушах. – Вопрос в том, моя дорогая, узнали бы вы их, если бы я так поступил? Вы не похожи на симпатетика...

– А симпатетика можно определить на глаз? – резко спросила Адрана, не скрывая изумления.

– Я бы сказал, что вы уже не в том возрасте... или почти на пределе. – Он покачал головой. – Но, похоже, знаете толк в костях. В задней комнате есть... другие товары. Некоторые, я думаю, вам покажутся куда интереснее.

– Превосходно, мистер Даркли. Я хотела бы проверить один-два образца.

Мимо магазина прогрохотал трамвай, и кости поменьше запрыгали на стеклянных полках.

– Можете протестировать любой товар. Должен предупредить, что мы находимся недалеко от поглотителя и еще есть городская суета, так что не судите черепа слишком строго. Все они будут работать гораздо надежнее в открытом космосе. Но... полагаю, вы и так об этом знали.

Адрана достала из кармана мешочек:

– У меня собственный нейронный мост. Надеюсь, не проблема? Не придется тратить время на настройку.

– Как хотите, моя дорогая.

Даркли направился ко входу, чтобы перевернуть табличку, но тут явился клиент, звякнув колокольчиком над дверью. Это был мужчина, черноволосый, высокий, широкоплечий и очень хорошо одетый. Он походил, засунув руки в карманы, оглядел полки и шкафы, а потом круто повернулся, ухмыляясь, как мальчишка, нашедший потайную дверь в кондитерскую:

– Все черепа настоящие?

Даркли кивнул:

– Это действительно настоящие кости, сэр.

Мужчина откинул темную челку. У него были немного разные глаза: один более живой и блестящий, другой – тусклый.

– А они старые?

– Сэр, атомы в них стары, как звезды.

– И что, ими пользовались пришельцы?

– Эти кости изрядно потрудились, сэр. – Даркли повернул табличку и закрыл дверь изнутри, оставив ключ в замке. – Могу я обратить ваше внимание на полку слева? Видите подборку на самом верху? Кое-что из наших лучших товаров. Они не для всех, но я вижу, что вы проницательный разумник и у вас есть вкус... Пожалуйста, не спешите, а я пока займусь с клиенткой. Мы не задержимся.

Оставив Лагганвора в передней части магазина, Адрана прошла через бисерную занавеску и попала в унылый коридор, ведущий в заднюю часть заведения. Хотя она не теряла бдительности, в обстановке не было ничего чересчур зловещего. Большинство владельцев костяных магазинов по-настоящему работали в убогих задних комнатах без окон, с клиентами, которые справедливо презирали побрякушки в витрине. Здесь хранились серьезные, прибыльные экземпляры, и пусть Адрана повела себя резковато, этим она заслужила уважение.

– Сюда, пожалуйста.

Даркли открыл тяжелую металлическую дверь, ведущую в комнату с низким потолком, множеством пыльных шкафов, неустойчивыми штабелями картонных коробок и большими пачками упаковочной бумаги на полу. Он закрыл дверь за Адраной, и все городские звуки мигом смолкли. Комната была акустически и, вероятно, электрически изолирована: до уровня изоляции на корабле она не дотягивала, но по меркам Малграсена была оборудована недурно.

Это была наполовину испытательная камера, наполовину кладовая. На подносе плеснело что-то недоеденное. В углу стояло ведро с чем-то неописуемым. В центре помещения Адрана увидела раскладное кресло с мягким подголовником, а рядом – тележку, заставленную металлическими коробками. Коробки представляли собой электрические устройства, соединенные кабелями и снабженные светящимися циферблатами и экранами. Все это издавало слабый тревожащий гул. Где-то в глубине комнаты булькал старый водопровод.

– Полагаю, не нужно проверять ваши способности?

– Можете, если хотите, – сказала Адрана, усаживаясь в кресло. – Но лучше проверим кости.

Она достала из мешочка нейронный мост и развернула хрупкое устройство.

Даркли отхлебнул неведомую жидкость, оставшуюся в кружке, затем подкатил другую тележку. Вместо металлических ящичков на ней была плоская платформа. Он снял с вершины штабеля большую коробку, едва справившись с этим без посторонней помощи, и водрузил ее на тележку. Отогнув клапаны коробки, частично обнажив череп среднего размера с очень интенсивной окраской в виде коричневых пятен. Череп был тщательно отремонтирован, на нем виднелись швы, похожие на молнии, и множество металлических скоб, вбитых в более слабые части. Одна глазница уцелела, другая частично разрушилась, а передняя часть верхней челюсти полностью отсутствовала. Входные гнезда на разных стадиях коррозии бугрились, как металлические бородавки. Из коробки пахло чем-то влажным, как будто землей. Конечно, это был уродливый экземпляр – ни один остроглазый турист не раскошелится. Но череп почти наверняка настоящий, подумала Адрана, если только она не переоценила собственную доверчивость. Насколько полезной окажется штукавина, будет ли сочетаться с ее талантом – это уже другой вопрос.

– Предложите точку входа? – спросила она, вытягивая контактный провод из нейронного моста, который теперь располагался на ее недавно остриженных волосах.

– Попробуйте вон ту, на средней линии. Я приглушу свет и оставлю вас наедине с черепом. Проверьте несколько входов. Сами скоро узнаете, годная ли вещь. Вам удобно?

Адрана поерзала в кресле:

– Да, неплохо.

– Хорошо. Торопить не буду – другой клиент, возможно, нуждается в моем внимании, – но есть еще два-три черепа, которые можно испытать, если не понравится этот.

– Испытаю, сколько смогу, прежде чем приму решение, – сказала Адрана, не уточнив, что любые многообещающие черепа должна проверить Фура, прежде чем за них будут отданы деньги: не было смысла приобретать череп, который подойдет только одной из них.

Даркли выключил главный свет, оставив только тусклое красное вспомогательное освещение, а потом закрыл Адрану в испытательной комнате. Она не слышала, как повернулся ключ в замке, но тяжелая металлическая дверь преградила единственный выход, так что не

было возможности украсть череп или сбежать, если товар каким-то образом пострадает по ее вине. Адрана не собиралась делать ни того ни другого: пусть ей и приходится скрывать свою личность, сюда она пришла ради честной сделки, считая, что может позволить себе любой череп, выставленный на продажу.

По крайней мере, этот череп был жизнеспособным. В глазницах тусклыми отблесками карнаваловых огней переливалось мигальное вещество. Может, и подделка, но все-таки в подобных заведениях, как правило, есть четкая грань между сомнительными товарами в витрине и подлинными – в задней комнате. Обманывать туристов – это нормально, а вот наживать себе врагов среди космоплавателей – очень плохо в контексте долгосрочной жизнеспособности бизнеса.

Адрана взяла себя в руки, сделала несколько глубоких вдохов, решила, что разум ясен, насколько это возможно, и подключилась ко входу на средней линии.

Там оказалось пусто.

Череп был совершенно мертвым, оглушительно неживым, как отключенный телефон. Она испытала следующий вход, и там что-то нашлось – пожалуй, на абсолютном пределе ее способностей к обнаружению. Хотя, возможно, это был несущий сигнал или какой-то случайный шум, проходящий по цепям. Она отключилась и попробовала снова, воткнув штекер в гнездо, просверленное в тонкой кости за поврежденной глазницей. Что-то промелькнуло – едва уловимое отличие от былой тишины. Зыбкий намек на диалог между двумя далекими кораблями где-то в бескрайних просторах Собрания или Пустоши. Адрана чувствовала себя так, словно прижалась ухом к толстой стене между двумя домами – уловила нечто вроде разговора, однако не смогла разобрать ни единого слова или фразы. Это мог быть любой язык из тех, что были в ходу вокруг Старого Солнца. А может, ей и вовсе померещилось. Но она не слишком расстроилась: если череп работает так близко к поглотителю, велика вероятность, что он работает намного лучше в комнате костей. Адрана отключилась. Оставалось множество непроверенных гнезд, но она покорила интуиции: неразумно тратить слишком много времени на одного претендента, когда можно испытать еще пару черепов. Она откроет несколько коробок, прежде чем вернется владелец. Он ведь ей этого не запрещал...

Она не успела покинуть кресло – вернулся Даркли вместе с Лагганвором.

– Включи свет, – приказал Лагганвор.

Даркли подчинился. У него не было выбора: Лагганвор заломил ему руку за спину и прижал к шее что-то маленькое и острое.

– Ох, ну надо же... – вздохнула Адрана, снимая нейронный мост. Было рискованно оставить Лагганвора в магазине, а самой уйти в заднюю комнату, но, получается, риск оправдался. – Мне показалось, он очень хотел быть полезным.

– Не сомневаюсь. – Лагганвор напрягся, не давая пленнику вырваться. – До того хотел быть полезным, что, едва вернувшись в зал, сразу кинулся к телефону. На верстаке рядом с черепом, в котором он копался, лежит газета. Открытая на небольшой, но броской заметке о продолжающихся поисках сестер Несс – с двумя не очень четкими изображениями упомянутых сестер.

Адрана встала и вернула нейронный мост в стеганный мешочек.

– Он дозволился?

– К счастью, нет.

– Нам повезло. Наверное, мне следовало сразу заговорить о деле, но показалось невежливым не проявить ни малейшего интереса к его товарам.

– Это было бы верхом бестактности, – согласился Лагганвор. – Может, свяжемся с друзьями по трещальнику?

– Не сейчас: думаю, пока мы неплохо справляемся сами. Посади мистера Даркли в кресло, будь любезен. Наверняка тут есть бечевка или что-нибудь попрочнее.

– Бечевка сойдет. – Лагганвор толчком усадил Даркли в кресло, которое только что освободила Адрана.

– Не бейте меня! – взмолился торговец.

– Я и не собираюсь, – сказала Адрана. – При условии, что ты будешь сотрудничать. Можешь приступить прямо сейчас.

– Возьмите череп. Любой череп. Два черепа!

– Буду с вами откровенной, мистер Даркли: на самом деле кости меня не интересуют. Моя сестра отправилась за покупками, и она вполне может самостоятельно разыскать что-нибудь полезное.

У него дрогнул подбородок.

– Я надеялся... надеялся, что вы станете отрицать. Я лишь предположил, что вы одна из сестер...

– И теперь, когда я призналась в этом... вы решили, что вам крышка? – Она сочувственно головой. – Понятия не имею, что напечатали о нас в той газетенке, но сомневаюсь, что хотя бы десятая часть – правда. Вы мне поможете, и с вами ничего не случится.

– Она говорит серьезно, – добавил Лагганвор, роясь в коробках.

Адрана сняла очки и протерла рукавом:

– Вынуждена кое в чем признаться... Я не просто наткнулась на «Магазин костей Даркли, Боскл-лейн, шестьдесят два». Я искала сведущего человека с хорошими связями, и... один информатор подсказал, что вы многообещающий кандидат. Около трех лет назад – сейчас, я полагаю, ближе к четырем – Боса Сеннен послала к вам посредника, чтобы кое-что обсудить.

Даркли сглотнул.

– Разве?

– О, не притворяйтесь, что забыли. Его звали... впрочем, с именами вышла запутанная история, так что обойдемся без них. Однако вы должны были его хорошо запомнить. Он весьма убедительный малый, и если бы вы увидели его рядом с моим спутником в темном переулке, могли бы принять их за братьев-близнецов.

Даркли выглядел растерянным.

– Дело в том, – весело продолжала Адрана, – что этому разумнику поручили расспросить вас о другой персоне, о джентльмене по прозвищу Тот Самый Щелкун. Складывается впечатление – признаться, я не могу со всей уверенностью рассуждать о случившемся, – что посланец Босы с Тем Самым Щелкуном так и не встретился. Что-то помешало их randevu. И я прошу – нет, погодите! – я требую, чтобы меня представили означенному джентльмену.

– Я никогда не встречал Того Самого Щелкуна.

Лагганвор был занят тем, что привязывал Даркли к креслу найденной бечевкой. Он оторвался от работы, чтобы уточнить:

– Но ты о нем знаешь?

– Нет... Она же сама упомянула это имя!

– Гм... – Лагганвор скорчил гримасу сожаления. – У нас другие сведения, мистер Даркли. Тот Самый Щелкун – один из брокеров костей, с которыми вы предпочитаете иметь дело. Он посредник между вами и пришельцами, это такое промежуточное звено на черном рынке. И у вас должен быть номер его телефона.

– Вы ошиблись адресом. Я не знаю этого... Того Самого Щелкуна. Я вообще не веду дел с пришельцами. Щелкуны, ползуны... У них свой бизнес, у меня свой.

– Ну что, пора? – спросил Лагганвор.

– Увы, да, – ответила Адрана.

Лагганвор извлек свой глаз, и пока тот перемещался над ладонью туда-сюда по параболе, медленно увеличивая высоту, на его лице расцвела широкая улыбка коммивояжера. Оказавшись на одном уровне с лицом Даркли, глаз застыл, словно гвоздем прибитый. Лагганвор отсту-

пил, и глаз запульсировал, излучая мягкий розовый свет. Интенсивность свечения нарастала, темп пульсации ускорялся; глазное яблоко приблизилось к Даркли, направляя циклический свет в его глаза. В горле торговца что-то тихо щелкнуло. Око Лагганвора явно оказывало мощное парализующее воздействие: Даркли не мог моргнуть, отвести взгляд или повернуть голову.

Щелчки продолжались, и дрожь распространилась вниз от шеи Даркли. Его конечности затряслись, даром что были связаны. Заскрипело кресло.

– Хватит, – шепнула Адрана.

– Э нет, мы только начали веселиться.

– Довольно!

Лагганвор поднял палец, и глаз отстранился. Свет немного потускнел.

– Все может обернуться хуже, мистер Даркли, – предупредил Лагганвор. – Гораздо хуже.

Торговец пускал слюни. Адрана вытерла ему щеку краем воротника.

– Дайте нам номер телефона Того Самого Щелкуна или, еще лучше, его адрес. Когда мы убедимся, что информация точна, сразу вернемся и освободим вас. А еще лучше, уговорите его приехать сюда. Тем самым вы избавитесь от нашего присутствия в кратчайшие сроки.

– Я не... – Даркли затрясся в приступе влажного кашля, и Адрана снова промокнула ему рот. – Мне не нужно просить, чтобы он приехал сюда.

– Ради вашего же блага, – произнес Лагганвор, прикрывая завесой волос опустевшую глазницу.

– Вы меня неправильно поняли, – ответил Даркли. – Того Самого Щелкуна не надо звать. Он уже здесь.

Глава 2

На расстоянии нескольких кварталов, через одну-две остановки по зеленой и фиолетовой периферийным междугородним линиям, но по-прежнему в районе Вирмири-Уэст города Стрензагер, младшая сестра Несс также занималась делами, которые не принято афишировать.

– Сдается мне, – проговорила Прозор, когда они поднимались по лестнице, – дело вовсе не в костях.

– Дело всегда было в костях, – сурово возразила Фура, оглядываясь. – Нам нужен череп, эта надобность никуда не денется. Но думаю, мы можем положиться на Адрану: она подберет череп, соответствующий нашим требованиям. Это не займет много времени. Я изучу находку и решу, стоит ли ее покупать. Но нет никакого смысла нам обоим заниматься этой тягомотиной. У меня есть...

– Более возвышенные заботы?

– Не совсем та фраза, которую я бы выбрала, но... тоже недалеко от истины.

Лестница привела в короткий коридор, устланный красным ковром, протертым посередине до бежевой полосы. В конце коридора была крепкая деревянная дверь, обочь нее растения в горшках. Фура вытащила из кармана металлический кулак, подняла его, готовясь постучать, а затем посмотрела в глаза Прозор в поисках какого-то знака, подтверждающего, что ей ничего не грозит.

– Что бы ни было за этой дверью, девочка, сама разбирайся с муками совести. Больно уж ты нервная с тех пор, как эта зеленоволосая капитанша приставила клинок к твоей шее. Ты нечасто так трусишь. Неудивительно, что не смогла даже взглянуть на кости, в таком-то состоянии.

– Не люблю, когда меня узнают.

– И я не люблю. Я поняла, что ты применила какой-то нетрадиционный психологический выверт в иммиграционном бюро. Фура Несс, которую я знаю, не вела бы себя так нагло, пытаясь проникнуть в мир... Но в следующий раз – если он будет, этот следующий раз, – советую прибегнуть к классическим методам психологического воздействия. Как знать, детка, вдруг из этого выйдет толк. – На угловатом лице Прозор появилась гримаса, отдаленно напоминающая улыбку. – Я бы не переживала из-за капитанши. Думаю, она не соврала: кто-то против нас, кто-то за нас, и она хотела намекнуть сестрам Несс, что они могут рассчитывать на некоторую поддержку... Если только вы не устроите настоящий бардак.

– Это что, ободрение такое?

– Чем могу, детка.

Фура постучалась – металлический кулак звучал, как молоток. Она спрятала руку в карман и отступила. Стучать еще раз бесполезно – их прибытие не могло пройти незамеченным.

– Дело не только в капитанше, – тихо сказала она.

– Ты про разумника, которого размазало по тротуару?

– Могла бы выразиться чуток деликатнее.

Прозор коснулась вмятины на голове, куда была вставлена металлическая пластина.

– Из меня выбили всю деликатность, когда прикрутили эту штуку к котелку. Впрочем, даже тогда мало что можно было выбить.

– Ты не перестаешь меня изумлять.

– Знаю, ты думаешь, что случившееся с разумником как-то связано с тем, как ты поступила с пистолетами...

Фура приложила палец к губам:

– Проз...

– Мы же не скрываем это друг от друга, детка, а если кто и подслушивает, то лишь потому, что уже знает, кто ты и что натворила. Но о том разумнике горевать не стоит. Я не собираюсь притворяться твоей совестью или здравым смыслом; я лишь хочу сказать, что не все в Собрании происходит по твоей вине.

– Он, наверное, что-то потерял во время краха... Корректировки, или какое там название придумали...

– А может быть, его проблемы назревали задолго до того, как сестры Несс улетели в космос. Дело в том, детка, что ты не могла знать, что произойдет, если собрать те пистолы в одном месте. Конечно, ты могла бы как следует подумать, прежде чем совать нос в чужие делишки, но твоей вины в том, что все так обернулось, нет. Что-то в Собрании прогнило задолго до твоего появления на свет.

– Просто скажи, что я не сделала хуже, – попросила Фура.

– Иногда все должно стать хуже, прежде чем станет лучше.

Щелкнул замок, дверь открылась. За порогом стояла странная девушка с мертвыми глазами, а за ней продолжался коридор. Она была почти одного роста с Фурой, худая как скелет, сутулая и скособоченная – ни дать ни взять марионетка, висящая на невидимых веревочках. Бантики в волосах, красивое платье в розовую и голубую полоску – словно десятилетка в свой день рождения. Хотя Фура не сомневалась, что незнакомке не меньше шестнадцати. Рот – как беззубая щель, обведенная черной помадой.

– Кто? – спросила она хриплым голосом.

– Капитан Тессили Маранс, – сказала Фура.

– Хиртшал, – добавила Прозор.

Девушка достала записную книжку. Полистала, провела пальцем с черным ногтем по колонке имен:

– Аптекарь вас примет.

Фура и Прозор последовали за привратницей. Та была на пуантах и передвигалась на цыпочках, будто едва касаясь пола. В этом коридоре ковер был заменен относительно недавно, а на стенах, обшитых деревянными панелями, висели фотографии и картины. В конце была дверь, почти целиком из матового стекла, сквозь которое проникал дрожащий зеленый свет. Девушка открыла дверь и поманила посетителей в комнату, где было прохладно и сыро, как в склепе.

Это оказался аквариум – точнее, помещение, заполненное множеством отдельных аквариумов. Они покрывали стены и значительную часть пола. Каждый аквариум был освещен изнутри и полон светящихся рыб всевозможных размеров и пород. Они двигались беспокойными косяками среди коралловых зарослей и ныряли в миниатюрные гроты и сказочные затонувшие города из драгоценных камней.

Фура несколько секунд таращила глаза и внимала тихому журчанию насосов, наполовину опечаленная, наполовину обрадованная. Она уже забыла, как любила разглядывать аквариум в Хадрамо, в зоологическом саду. Пребывание в этой комнате, с ее запахами и звуками, с ее сыростью и слабым освещением, заставило вспомнить мороженое и сувениры, вспомнить прекрасные дни вдали от домашних забот.

– К вам капитан Маранс с помощницей, – объявила девушка.

– Очень хорошо, Пэсиди. Подождите минутку, ладно? Извините, капитан, – мои маленькие любимцы нуждаются в заботе.

Говоривший стоял к ним спиной. Он опирался на трость и сыпал корм в один из самых больших аквариумов. Позади него виднелась старомодная инвалидная коляска, сделанная в основном из прутьев. Рыбы – синие дроты с огненными полосками по бокам – высунули рот наружу, когда Аптекарь вытряхивал последние гранулы из сумки.

– Идите сюда, капитан Маранс, я очень хочу с вами познакомиться.

Фура и Прозор подошли к мужчине. Он осторожно опустил крышку на резервуар с рыбами и вернулся в кресло. Пэсиди на несколько мгновений задержалась в дверях – стояла ссутулившись и угрюмо покусывала прядь волос.

– Спасибо, что согласились принять меня так скоро, – сказала Фура.

– Должен поздравить вас с тем, что вы так легко отыскали меня. Не стану вдаваться в подробности, скажу лишь, что в силу некоторых причин я держусь в тени.

Аптекарь набросил на колени узорчатый плед. Этот человек был почти таким же худым, как и привратница, тонкие как палки запястья торчали из рукавов белого хирургического халата, застегнутого по бокам и на плече. На закатанных рукавах остались влажные зеленые ободки – руки недавно окунались в аквариумную воду. На лице застыла улыбка – такая напряженная, что казалась безумной, а не обнадеживающей. Глаза с тяжелыми веками и внушительными мешками как будто стремились расползтись подальше от длинного носа с явно выраженной горбинкой. Пепельные волосы были сильно зачесаны на сторону, образовав асимметричную волну, которая закрывала половину лица. Фура не могла оценить его возраст: это либо рано одряхлевший юноша, либо старик, который сохранил отблески молодости.

– У вас есть список?

Фура протянула сложенный вдвое листок бумаги. Аптекарь взял его двумя пальцами, тщательно понюхал, затем развернул и прочитал составленный Эддралдером перечень.

– О, у вас на корабле имеется врач. Почему он не явился сам? Так было бы быстрее и проще.

– Наш доктор предпочитает оставаться на борту. Он сказал, что в списке нет ничего такого, что было бы трудно найти.

Аптекарь вел пальцем по бумаге, бормоча.

– Транзером, десять стандартных мер обычного раствора. Двадцать ампул терамола. Шесть единиц орального аксанокса... – Он поднял взгляд на Фуру. – Опасная игра, эти ваши странствия по шарльерам?

– Я не говорила, что занимаюсь этим.

– А чем еще может заниматься честный капитан? Это медикаменты для экипажа, который может подвергнуться разнообразным травмам помимо банальных заболеваний, связанных с космическими полетами.

Фура пожала плечами:

– Иногда приходится рисковать.

– Можете ли вы снабдить девочку необходимым, вот в чем вопрос, – встряла Прозор.

– Да... да. – Аптекарь посмотрел на нее с легким раздражением. – В основном.

– В основном? – переспросила Фура.

– Список достаточно простой, но... сами понимаете, платить придется по ценам черного рынка. Я гарантирую качество, и у вас не будет проблем с официальными инстанциями. За разумную дополнительную плату я предоставлю экспортную документацию. Этого хватит, чтобы при отбытии разобраться с любыми затруднениями.

– Мы заплатим, – сказала Фура.

– Единственная трудность в том, что ваш доктор запросил двадцать флаконов мефрозина.

– Если он есть в списке, значит он нам нужен.

– Мефрозин сложно достать. Неимоверно сложно, и он весьма дорог. Я не могу поставить двадцать флаконов в кратчайшие сроки. Десять – максимум, и гарантирую, что вы не добьетесь успеха в других заведениях Малграсена.

Прозор подбоченилась и вложила в свой взгляд весь скепсис, на какой была способна.

– Значит, кто-то подмял под себя рынок?

– Давайте сформулируем это так: небольшое количество мефрозина, циркулирующего через Малграсен, имеет тенденцию проходить через мои руки. Еще кое-что, если позволите... – Он пристально посмотрел на Фуру.

– Что? – спросила она.

– Мефрозин имеет несколько применений... но одно из главных – противодействовать развитию острого прогрессирующего паразитического синдрома, вызванного световым плющом, – этот недуг известен под названием «светлячок». – Аптекарь нахмурился, изучая Фуру с более явным интересом. – Вы больны, не так ли? Рисунок на коже отчасти скрыт, но блеск в глазах не спрячешь, и я его вижу. Споры достигают глазных яблок через зрительный нерв. Следовательно, они уже находятся в вашем мозге и начинают влиять на когнитивные процессы.

Отрицать это было невозможно, поэтому Фура стиснула зубы и пожала плечами:

– Так есть у вас мефрозин или нет?

– Десять флаконов.

– Забираю все.

Фармацевт еще раз просмотрел список:

– Шесть тысяч мер – вот общая стоимость вашего заказа. Шесть тысяч триста, если нужны экспортные документы. В этом случае я добавлю ящик – он избавит вас от необходимости распихивать препараты по карманам.

Фура посмотрела на Прозор, которая полезла под куртку, в сумку с пистолетами, которую ей доверили. Шесть тысяч триста мер – сущее вымогательство, но Фура хотела получить лекарства немедленно и без лишних вопросов. Прозор рылась в сумке, щурясь на узоры, отражающие номинальную стоимость пистолетов, пока не нашла что-то близкое к означенной сумме. Закончив, она протянула Аптекарью двенадцать штуквин, каждая размером с медальон.

– Не хватает двадцати мер, но вы же не собираетесь мелочиться?

– Не собираюсь. – Аптекарь взял кругляши и изучил каждый – быстро, но внимательно. Он подносил пистолеты к колеблющемуся зеленому свету и вглядывался в переплетающийся узор на поверхности – перекрещивающиеся нити как будто висели над пустотой, чья глубина намного превосходила толщину диска. – Пэсиди, возьми список и заполни ящик для транспортировки. Капитан Маранс забирает все десять оставшихся у нас флаконов мефрозина. Нет сомнений, что она нуждается в этом препарате.

Девушка взяла листок и направилась между двумя рядами аквариумов к задней двери.

– Она управится быстро, – пообещал Аптекарь. – Пэсиди очень толковая, благослови ее Господь.

Он ссыпал пистолеты в карман халата, проехал на своем кресле пару метров, затем встал, чтобы покормить рыбу в следующем резервуаре.

– Рискну предположить, что для человека вашей профессии настали трудные времена. Корректировка спровоцировала тьму неприятностей. Когда кредиты замораживают, торговля тоже замирает. Местные экономики в таких мирах, как Малграсен, могут кое-как функционировать, но в других местах дела обстоят гораздо хуже. Предметы роскоши продолжают возить туда-сюда, но что касается более заурядных вещей, где маржинальная прибыль... э-э... никогда не поражала воображение – да, речь о продуктах питания, лекарствах или веществах, необходимых для их производства, – тут все встало почти намертво.

– Несладкие времена для честных капитанов и их экипажей, – сказал Фура. – И для законопослушных оптовиков. А для торговцев на черном рынке все не так уж плохо.

Аптекарь сильнее наклонился над аквариумом, разбрасывая корм:

– Куй железо, пока Старое Солнце не погасло. Капитан, вы бы предпочли, чтобы я прекратил свой бизнес?

Он наклонился еще дальше, и несколько монет выпали из кармана в воду. Фура с едва заметным интересом наблюдала, как они погружаются ребром вниз.

- Вы небрежно обращаетесь с деньгами.
- Ничего страшного, Пэсиди выловит. Ей это по силам.

Фура скрестила руки на груди и начала ковырять пяткой пол, желая, чтобы Пэсиди вернулась с лекарствами поскорее. Она рассеянно наблюдала, как пистолы тонут, один за другим, обращаясь плоскостью к борту аквариума. Вот и последняя прекратила осевое вращение так резко, как будто соприкоснулась с каким-то препятствием. Затем продолжила спуск, пока вместе с другими монетами не погрузилась краем в ил на дне.

От любопытства у Фуры зачесался лоб.

– У аквариума намагниченная рама?

– Почему вы спрашиваете?

– Просто так, – ответила она, понимая, что Аптекарь не увидел ничего странного в том, как пистолы опускались и как расположились на дне.

Дверь снова открылась, и вошла Пэсиди: у ее бедра висел тяжелый деревянный ящик. Аптекарь откинулся на спинку кресла, стряхивая с пальцев крошки рыбьего корма. Он указал на Фуру, и Пэсиди отдала ей ящик – сперва согнулась в талии, словно кукла с грубо сработанными суставами, а затем резко выпрямилась, избавившись от ноши. Теперь ее руки висели плетью, а голова покачивалась, как будто была сломана шея.

– Можете осмотреть товар, – сказал Аптекарь.

Ящик оказался чем-то вроде переносного сундука для инструментов, он открывался посередине и имел четыре раздвижных отделения, доверху набитых лекарствами. Сверху лежала стопка документов, выглядевших вполне правдоподобно. Фура достала упаковку флаконов, подняла к потолку и, щурясь, прочитала этикетку.

– Они либо настоящие, либо нет, – сказала она, повернувшись к Прозору. – В любом случае только Эддралдер в этом разберется.

– Меф есть?

Фура кивнула. Она уже опознала черный футляр с дозами мефрозина.

– Надеюсь, подлинный, – сказала она Аптекарю. – Мы выясним, так ли это. И учтите на всякий случай: Малграсен не сказать что в стороне от проторенной дороги. Найти вас снова будет нетрудно.

– Поэтому я никогда не продаю то, в чем не уверен. Лекарства подлинные. Используйте их осторожно, разумеется... Среди этих препаратов есть очень сильнодействующие. Особенно мефрозин.

Фура сложила все в ящик и закрыла его на защелки:

– Жаль, что вы не смогли продать мне больше.

– Надеюсь, этого хватит – если, конечно, у вас не слишком запущенный случай. – Аптекарь смотрел на нее, не переставая улыбаться, но на лице отразилось сочувствие. – Очень надеюсь, что дело поправимо.

Глава 3

Обе пары встретились в трамвае на обратном пути к стыковочному колесу. Лагганвор связался с Прозор по портативному трещальнику и сообщил, что они с Адраной возвращаются на катер; поход за покупками завершился удачно, и Фуре с Прозор стоило бы к ним присоединиться. Больше он ничего важного не сказал и придерживался вымышленных имен, но Фура без труда уловила спешку.

Фура и Прозор вошли в вагон через заднюю дверь. Там было тесно, сидячих мест не нашлось, но они протиснулись мимо других пассажиров и оказались достаточно близко от Адраны и Лагганвора, чтобы можно было негромко переговариваться. Фура поклялась поменьше общаться с сестрой, пока они будут в Малграсене, но они сели на разных остановках и ехать вместе предстояло недолго. Она решила, что в такой толчее можно ничего не опасаться – здесь многие беседуют или просто ворчат под нос. Фуре никто не обрадовался, поскольку она поднялась на борт со здоровенным медицинским ящиком, однако она была далеко не единственным пассажиром с багажом.

– Я заплатила за билет, разумник, – ответила Фура на чей-то упрек. – Ни один закон не запрещает мне носить личные вещи.

Адрана тоже не вызвала положительных эмоций у пассажиров. У ее ног лежал необычный предмет багажа: большущий прямоугольный контейнер, по краям отделанный металлом. Фура испытала некоторое облегчение, сообразив, что контейнер такого размера можно использовать только для одной цели.

Невзирая на окружающий шум и гам, она проговорила:

– Надеюсь, это хороший экземпляр. Тебе он, должно быть, очень понравился, раз ты его купила без моего разрешения.

– Я в нем уверена, – ответила Адрана, в то время как Лагганвор наблюдал за их разговором с выражением тихого, хотя и напряженного веселья. – Но это не то, о чем ты думаешь. Она бросила взгляд на ящик Фуры. – А результат твоих покупок... Полагаю, ты в нем тоже уверена? Странный контейнер – он меньше, чем я ожидала. Надеюсь, ты потратила деньги с умом.

– Я действительно потратила их очень разумно, – согласилась Фура.

– У нее нет того, о чем ты думаешь, – встряла в разговор Прозор, обращаясь к Адране. – Сдается мне, у тебя тоже.

Адрана посмотрела на сестру поверх очков, как будто собираясь отчитать ее на правах старшей.

– У нас была одна цель. Единственная причина для приезда в Малграсен.

– Да, – кивнула Фура. – И я рассчитывала на то, что ты с нею разберешься.

– А я рассчитывала на тебя. Ты... более искусна. – Адрана поморщилась, как будто это признание стоило ей физической боли. – Я думала, что могу на тебя положиться.

Фура ответила ровным голосом, но в нем чувствовалась резкость:

– А я думала, что могу положиться на тебя.

– Дамы, тише, – сказал Лагганвор дружелюбным, но настойчивым тоном.

Столь напряженный обмен мнениями не остался незамеченным – и пассажиры опускали газеты или отрывались от собственных споров, чтобы понаблюдать за этой гораздо более увлекательной дискуссией.

– Могу я спросить, дорогой капитан Маранс, о содержимом этого великолепного ларца?

– В нем лекарства.

Лагганвор повернулся к Адране, добродушно пожав плечами:

– Ты же не станешь отрицать, что мы нуждаемся в медикаментах, дорогая Траген. Возможно, не так сильно, как в другой вещи, но все равно эту покупку не назовешь легкомысленной.

– А твой ящик? – спросила Фура. – В нем тоже что-то хорошее? Стоит отдать тебе должное: что бы это ни было, оно наверняка большое и тяжелое.

– Ребята! – вдруг сказала Прозор тоном, требующим внимания.

Трамвай остановился, и двое в темных капюшонах проникли в него через заднюю дверь, которой прежде воспользовались Фура и Прозор. Фура поняла, почему Прозор насторожилась: во вновь прибывших было что-то неправильное, что-то опасное ощущалось в пренебрежении, с которым они прокладывали себе путь, совершенно не заботясь о других пассажирах.

– Нужно выйти, – сказала Адрана, протискиваясь в переднюю часть трамвая.

Знак «стоп» над передней дверью уже горел, но Адрана позвонила в колокольчик дважды и потащила дальше свою коробку, задевая лодыжки раздраженных пассажиров, которые стояли между ней и выходом.

– Мне их остановить? – мягко спросил Лагганвор, начиная приподнимать челку.

– Нет! – сказала Фура.

Незнакомцы уже добрались до середины вагона. На них были пепельно-серые брезентовые плащи с накладками на плечах и капюшонами, опущенными так низко, что лица почти целиком скрывались в тени. Фура мельком увидела рябой щетинистый подбородок одного и полумесяц желтых зубов другого. Кто-то возмутился, когда его отпихнули, и ударил зонтиком. Небритый схватил зонт не глядя и швырнул его в открытое вентиляционное отверстие над боковым окном. Другой пассажир держал газету, выставив ее слишком далеко в проход; желтозубый сбил ее кулаком на грязный пол. Трамвай ехал, минуя один перекресток за другим, но очередной остановки все не было.

Адрана вырвалась вперед; Фура и Прозор уже проскользнули мимо Лагганвора. Он продолжал смотреть на мужчин, стоя на месте и ощупывая кожу вокруг глаза.

– Не делай этого, Лаг, – сказала Фура. – Нам не нужны лишние неприятности.

– Похоже, они уже начались.

– Что это за типы?

– Люди, которые предпочли бы, чтобы мы не уходили с ящиком Адраны.

– Вы же заплатили? Разве нет?

– Оплата, – сказал Лагганвор с кривой ухмылкой, – не та проблема, о которой идет речь.

– Да что за ерунда в этом ящике?

Трамвай резко сбавил скорость. Пассажиры повалились друг на друга, и небритый едва не упал. Он схватился за спинку сиденья, затем свободной рукой порывлся под полой серого плаща. Фура успела заметить что-то маленькое и белесое, как кость, в его пальцах – формой оно напоминало универсальный ключ или замысловатую зубочистку.

Трамвай затормозил на светофоре, но это была не запланированная остановка, и когда Адрана попыталась открыть дверь, водитель возмущенно заорал и погрозил пальцем из своей изолированной кабины управления. Прижавшись лицом к стеклу, отделяющему ее от водителя, Адрана что-то кричала. Загорелся зеленый свет, но водитель дождался, когда несколько пешеходов освободят дорогу трамваю, и лишь тогда позвонил в колокольчик. Прозор втиснулась рядом с Адраной и тоже закричала через стекло. Лагганвор прижался к борту трамвая и позволил небритому приблизиться.

Фура обернулась и поняла, что происходящее не имеет отношения к тому, что они сестры Несс, – уж точно не напрямую. Преследователи ни разу не взглянули на нее, как будто вовсе не узнали. Их очевидный интерес к Адране мог быть связан исключительно с предметом в ее ящике.

Она перевела дух, собрала с мыслями и тихо приказала Лагганвору ничего не делать.

Трамвай снова тронулся, преодолел оживленный перекресток и пристроился за другим трамваем. Небритый прошел мимо Лагганвора, даже не взглянув на него. Его спутник, шедший следом, что-то пробормотал в спрятанную за воротником коробочку с решеткой динамика.

Фура ждала подходящего момента. Небритый почти поравнялся с ней, и пространство впереди немного освободилось. Положившись на то, что содержимое надежно закреплено, она вскинула ящик с лекарствами на максимальную высоту, которую допускала теснота, и вложила в удар всю силу.

Она попала небритому в подбородок и сбросила капюшон.

Это зрелище, поняла Фура, ей ни за что на свете не забыть.

Преследователь не был человеком. Две верхние трети его лица – с того места, где мог бы начинаться нос, – представляли собой мозаику из фрагментов насекомоподобных существ, сшитых вместе, как лоскуты тряпичной куклы. Вместо кожи – глянцевые пластинки; вместо носа – хоботок, из которого торчит пучок подергивающихся сенсорных щупалец; две разнокалиберные пары огромных фасеточных глаз втиснуты в мозаику лица без намека на симметрию. Поверхности глаз переливались ультрафиолетом и лазурью.

Это зрелище открылось ей лишь на одно мгновение. Она снова замахнулась аптечкой и ударила ею по руке в перчатке, сжимавшей белую штуковину. Это оказалась не совсем рука, а нечто вроде клешни, покрытой жесткими волосками.

Лагганвор не упустил свой шанс и схватил белую вещь, прежде чем та упала на пол. Он оценил ее в один миг и вонзил более острый конец в шею существа. Преследователь дернулся и рухнул. По всему трамваю распространились негодующие и испуганные вопли. Кто-то отважный сбросил капюшон с другого незнакомца, и обнажилась голова – не менее уродливая, чем первая.

– Мозаичники, – сказал Лагганвор с такой уверенностью, будто это слово отвечало на все вопросы, которые только могли возникнуть.

Фура перевела дыхание. Второй все еще приближался. Он был собран не так, как первый, – будто детали взяли из другой коробки, – но с тем же пренебрежением к форме и гармонии.

Да что же это за существа?

Адрана воспользовалась своим ящиком в качестве тарана, несколько раз ударив им по передней двери. Водитель орал на нее, а Прозор орала на водителя. Они были так поглощены этим, что не заметили произошедшего с мозаичником. Лагганвор все еще держал белую штуковину в руке и, казалось, сравнивал ее эффективность с эффективностью глаза. Мозаичник на полу дергался – возможно, восстанавливал силы. Фура сильно надавила каблуком на грудь, покрытую пепельно-серым плащом. Что-то с хлопаньем проломилось, как гнилая половица; ужасный стон вырвался изо рта мозаичника.

Трамвай резко остановился. Водитель стукнул кулаком по пневматическому регулятору, и передняя дверь со скрежетом открылась. Адрана чуть не выпала, ящик покатился впереди нее. Следующей была Прозор, затем Фура – ее каблук был отвратительно липким, – а затем Лагганвор. Сойдя с подножки, он махнул водителю, как бы извиняясь. В трамвае продолжалась суматоха, которую подогревал второй мозаичник, направляясь к передней двери, а из задней уже выскакивали перепуганные пассажиры.

Лагганвор помог Адране встать, затем схватил ее ящик. Они находились посреди перекрестка. Фура так крепко прижимала к груди аптечку, что заболели ребра. Прозор указала сторону от трамвая – эпицентра суматохи; Лагганвор кивнул, и все дружно двинулись прочь. На улице было оживленно, и они без труда затерялись в безликой толпе. Фура оглянулась поверх голов прохожих. Трамвай стоял на прежнем месте, но теперь никто не обращал на него внимания.

Интуиция Прозор привела их на второстепенную улицу, чуть менее оживленную, чем главная магистраль, по которой ехал трамвай, но не настолько тихую, чтобы четверо чужаков бросались в глаза. Вдоль улицы располагались залитые неоновым светом салуны и рестораны попроще тех, что на главном бульваре, – менее фешенебельные и более запущенные. Над узким ущельем, образованным рядами зданий, виднелся ажурный узор купола, а еще выше – огни следующего слоя Малграсена. Они казались такими же далекими, как неподвижные звезды, и Фура подумалось, увидит ли она когда-нибудь пространство за пределами этого мира.

– Они собирались убить нас, – произнесла она и поняла, что запыхалась. – Верно?

– Да уж, наше благополучие определенно не стояло на верхней позиции списка, который вдолбили в их куций умишко, – сказал Лагганвор. – У них была одна цель – вернуть ящик, который теперь находится в нашем распоряжении.

– Ради всех миров, что это за твари?

– Мозаичники, – ответил Лагганвор. А поскольку явно требовалось разъяснение, продолжил: – Иногда их называют лоскутниками. Временные агенты, действующие в интересах пришельцев. Их создают из частей тел – обезьяньих или пришельческих, что попадет под руку и что удастся оживить на несколько часов, – и наделяют достаточным объемом целеустремленности и свободы воли, чтобы они смогли выполнить какое-нибудь поручение. Я прав, Проз?

– Слышала о них, Лаг, но еще никогда не увязала так глубоко, чтобы на собственной шкуре убедиться в их существовании.

– Ну да, они существуют – реальнее не бывает. Признаюсь, у меня были кое-какие дела с мозаичниками в Колесе Стриззарди. Никогда не испытывал от этого удовольствия. Я надеялся, что больше не столкнусь с ними... – Лагганвор напрягся и замедлил шаг.

– Что? – спросила Фура.

– Вот что, – сказала Прозор.

Еще двое мозаичников – а это, несомненно, были они – преградили компании путь. Как и первая пара, эти были в тяжелых плащах с капюшонами. Фура могла бы пройти мимо сотни таких на протяжении одного вечера и даже не взглянуть ни на кого, но теперь она узнала, что собой представляет мозаичник, и решила, что почует его в любой толпе.

На этой второстепенной улице не было транспорта, и словно по команде немногочисленные пешеходы и зеваки скрылись в магазинах и темных переулках. Космоплаватели остались вчетвером, стоя плечом к плечу. Один из мозаичников что-то бормотал в воротник, совсем как его коллега в трамвае.

– Дайте пройти, – сказала Адрана, – и обойдемся без неприятностей.

Другой мозаичник чуть приподнял капюшон. Вспышка желтого неона осветила угол его подбородка – острого и бледного, слишком похожего на голую кость. Челюсть не шевельнулась, когда раздался дребезжащий электрический голос:

– Отдайте ящик. Нам нужен только ящик. Вы сможете уйти.

Адрана покачала головой:

– Нет. Теперь он мой.

Фура посмотрела на сестру. Она о многом хотела спросить Адрану, начиная с того, относится слово «он» к ящику или к тому, что находился внутри.

– Он поступил неправильно, – сказал дребезжащий голос. – Он предал доверие и поставил под угрозу безопасность уважаемых учреждений. Это его преступления, и они вас не касаются. Но если вы его не отдадите, содеянное станет вашим преступлением. А все вы станете нашей заботой.

– О ком речь? – прошипела Фура.

– О щелкуне, – тихо сказал Лагганвор. – О Том Самом Щелкуне.

– Щелкун? – Фура чуть не задохнулась от ярости. – Какого черта мы беспокоимся о грязном пришельце? Если он им нужен, пусть забирают!

– Нет, – отрезала Адрана. – Он с нами. Я взяла его под защиту.

– Со мной никто не посоветовался.

Адрана слегка пожала плечами:

– Со мной тоже не советовались насчет того, что лежит в аптечке. Теперь мы несем ответственность за пришельца. Он нажил врагов среди себе подобных и не только. Ты понимаешь, что это значит для нас?

– Досадную помеху.

– Нет, это значит, что он нам полезен. Ему многое известно. Такое, что и тебя заинтересует. Вот почему он хочет удрать, вот почему они хотят его смерти и вот почему он отправляется на борт «Мстительницы» с нами. И это не обсуждается.

– Отдайте ящик, – снова потребовал мозаичник. – Тогда вы сможете уйти.

– А что конкретно известно этому разумнику? – спросила Прозор.

– Многое, – сказала Адрана.

Лагганвор поднес руку к глазу, как будто занервничал:

– Не то чтобы у нас был шанс близко познакомиться, Проз. Как только мы встретили этого джентльмена, выяснилось, что его необходимо срочно забрать. Теперь нужно увезти его как можно дальше от Малграсена и как можно быстрее.

Одним быстрым движением пальцев он вынул глаз и швырнул в сторону мозаичников. Раздался звук, похожий на щелчок хлыста, и вся улица полыхнула розово-белым. Фура пошатнулась, наполовину ослепленная, наполовину оглушенная. Мозаичники превратились в черные бумажные силуэты; один согнулся пополам, другой сунул конечность за пазуху. Оттуда вырвался чисто-белый луч и прочертил дугу в дышали. Лагганвор крикнул, и Фура побежала. Его глаз снова сверкнул. Один из мозаичников развалился наполом и остался лежать на мостовой, точно мусор. Другой пустился в погоню.

Адрана, спотыкаясь, пробралась в узкий переулок между двумя салунами. Лагганвор и Прозор последовали за ней. Фура перевела дух и догнала спутников. Адрана прислонила ящик к стене, а Лагганвор прижался к углу у входа в переулок. Здесь было темно, а улица, с которой они удрали, все еще освещалась розово-белыми вспышками его глаза и более чистым белым сиянием оружия мозаичника. Казалось, они находятся в темном партере театра, наблюдая за непостижимым представлением на сцене.

Невозможно было понять, что происходит.

– Зацепили, – сказала Адрана.

Фура обшарила ее взглядом:

– Что?

– Ящик. В него попали.

Из угла контейнера – там, где его коснулся энергетический луч, – сочился серый дым. Вдруг изнутри посыпались рубиновые искры и сильно пахло едким газом.

– Ну, теперь он для нас бесполезен, – заявила Фура. – Во что бы мы здесь ни впутались, это не должно продолжаться.

– Я сказала, что поврежден ящик, но не сказала, что щелкун мертв, – возразила Адрана. Даже в полумраке переулочка отчетливо читался упрек в ее глазах. – Он отправится с нами. Он знает о пистолях, сестра. Он знает, что мы сделали и что это значит. Тебе этого достаточно, надеюсь?

Прозор положила руку на плечо Фуры:

– Если Адрана заключила с ним сделку, он должен лететь с нами.

– У нас есть документы на лекарства, – процедила Фура. – Как мы вывезем пришельца, если половина Малграсена гоняется за ним?

Бело-розовые вспышки наконец прекратились. Лагганвор напрягся и поднял руку, его глаз шмыгнул за угол и упал на подставленную ладонь. Лагганвор повертел его в пальцах, как будто шарик был очень горячим или очень холодным.

– Я предлагаю не откладывать отправление, – сказал он. – Наверняка есть и другие агенты.

В поле зрения появился мозаичник. Он шел скрючившись, волочил ноги. Существо перешагнуло через останки своего напарника – половина трупа еще дергалась, и это выглядело жуткой пародией на жизнь. Лагганвор отступил, по-прежнему держа глаз на ладони.

– Сделай что-нибудь, – попросила Фура.

Он ответил со сдержанной улыбкой:

– Уже сделал.

Последний мозаичник вдруг развалился, как слишком высокий штабель стираного белья. Те места, где его плоть рассекло, обуглились и посверкивали розовыми огоньками. Лагганвор подождал секунду-другую, затем подошел к голове и верхней частью туловища.

– Зря вы нас не пропустили, – произнес он удивительно ровным тоном, как будто, несмотря на случившееся, не питал к этой твари никакой неприязни. – Тогда бы вам удалось избежать этой катавасии.

– Он мертв? – спросила Фура, приближаясь.

– Мертвее, чем прежде.

Она осмотрела голову, с которой свалился капюшон. Та была собрана из различных фрагментов обезьян и пришельцев, глаза напоминали скопления труб, а не граненые фасеточные шары. Из щелей в скулах торчали цепкие щупальца, а над тем, что предположительно вмещало мозг, виднелась стеклянная оболочка, заполненная чем-то зеленым.

– Они бы убили нас, Лаг?

– Безусловно. Не потому, что осведомлены о наших подвигах, – сомневаюсь, что они вообще поняли, кто мы такие, – а потому, что мы стояли между ними и их добычей. Им очень нужен был Тот Самый Щелкун.

Фура вернулась в переулок, где Адрана поставила ящик горизонтально на землю и подняла крышку. Спустя всего лишь миг капитанша «Мстительницы» рассмеялась – глухо, разочарованно.

Ящик оказался пустым.

– В чем бы ни заключалась проблема, сестра, кто-то явно предвосхитил твоё появление. Если вы с Лагганвором действительно видели в этом ящике пришельца, то наверняка...

– Он здесь.

Адрана жестом велела сестре опуститься на колени рядом с ящиком и сунуть руку в пустоту. Фура так и поступила, чтобы угодить сестре и удовлетворить собственное любопытство, – и почувствовала холодное покалывание в металлических пальцах.

Она отдернула руку, не в силах объяснить причину внезапного беспокойства.

Подошел Лагганвор:

– Система эффекторного вытеснения. Либо щелкунская, либо какая-то малоизвестная технология Пятого или Шестого Заселения.

– Я не... – начала Фура.

– Пришелец в ящике, – перебила Адрана. – Но он спрятан вместе со своим аппаратом жизнеобеспечения. Тут есть поле, делающее его невидимым, и устройство, которое временно перемещает атомы твоей руки в другое место, отчего кажется, будто рука находится в пустоте.

Фура снова сунула руку в ящик и ощутила холод, затем согнула пальцы и согрела их в ладони другой руки.

– Похоже на технологию призрачников.

– Возможно, между ними есть связь, – согласился Лагганвор.

– Выглядит так же противоестественно.

– Если это устройство поможет нам вывезти разумника с Малграсена – а оно поможет, не сомневайся, – его противоестественность перестанет тебя тревожить.

Пустота замерцала, и на мгновение в ней что-то появилось: ящик в ящике, что-то вроде контейнера с окнами. И за стеклом виднелось нечто втиснутое в этот контейнер. Нечто скрюченное, чуждое и живое.

– Медлить нельзя, – добавил Лагганвор. – Повреждения, нанесенные ящику, влияют на систему эффекторного вытеснения. Если она сломается, нам не удастся скрыть тот факт, что в багаже есть шелкун.

Фура потеряла металлические пальцы. Они основательно промерзли.

– Что случится... если я суну туда руку в момент сбоя?

– Я бы не советовал, – сказал Лагганвор.

Два часа спустя они летели в катере прочь от Малграсена. К облегчению и удивлению Фуры, их не задержали на выходе: документы в аптечке удовлетворили таможенников, а ящик спровоцировал разве что несколько насмешливых взглядов. Никто даже не потрудился пошарить рукой в пространстве, которое казалось пустым. Механизм эффекторного вытеснения проработал ровно столько, сколько понадобилось, и присутствие шелкуна не было раскрыто. Они прошли досмотр без лишних вопросов, и скафандры благополучно дождались их в хранилище.

– Я думала, вылет временно запретят для всех, – сказала Фура, в то время как Адрана вела катер через скопление местного транспорта, пробираясь между катерами и космическими такси в свободное пространство, где парила «Мстительница». – После стольких неприятностей, в которые мы вляпались...

– Эти мозаичники работали неофициально, – проговорил Лагганвор, рассеянно вычищая грязь из-под ногтей. – Силы, стоящие за ними, могут свободно действовать только на условиях анонимности, а таковой не добьешься, обратившись к таможенникам – дескать, задержите-ка для нас вон этот ни в чем не повинный экипаж. В утренних газетах напишут что-нибудь о беспорядках, но я очень сомневаюсь, что таможенники в курсе инцидентов, которые произошли сегодня вечером. Я не сомневался, что мы уйдем.

– Так почему же ты вспотел, как и все мы? – спросила Фура.

– Это, дорогой капитан, необходимая часть представления. Любой наполовину честный экипаж немного вспотел бы, улетаю. – Он порылся в кармане внутреннего слоя своего скафандра. – Я припрятал это на случай, если нас все-таки станут допрашивать. Всегда полезно подбросить таможенникам какую-нибудь косточку, и пусть тащат ее домой, раздуваясь от гордости.

Он достал бутылочку и свинтил пробку. Понюхал, глотнул, театрально вздохнул и передал бутылочку Прозору. На борту действовала сила тяжести от тяги работающего двигателя, так что вполне можно было отхлебнуть из горлышка, что космоплавательница и сделала, не скромничая, а потом вытерла горлышко рукавом и вернула бутылочку Лагганвору:

– Очень вкусно, Лаг.

– На здоровье, дорогая Проз.

– Но ты, как ни крути, вспотел.

Лагганвор изобразил страдание:

– Конечно, я испытывал некоторые опасения за благополучие нашего нового компаньона. Особенно после того, как беднягу подстрелили. Но повреждения, похоже, ограничиваются внешним ящиком, а капсула для гибернации осталась цела. – Лагганвор похлопал по крепкому контейнеру, втиснутому между креслами.

– Здесь он в полной безопасности. И лишним ртом на борту «Мстительницы» не станет. В капсуле есть все, что ему нужно.

– Ты вроде сказала, что он будет нам полезен, – обратилась Фура к сестре.

Адрана отвернулась от консоли:

– Это правда.

– Толку мало, если он дрыхнет. А ну как я захочу задать ему пару вопросов?

– Всему свое время. – Лагганвор провел рукой по металлическим с черными узорами краям ящика. – Мы общались с ним очень недолго – ровно столько, сколько понадобилось, чтобы определить условия сотрудничества. Ему нужно было убраться из Малграсена, и у нас имеются для этого средства. Но у контейнера фиксированный минимальный интервал сна. Щелкун крепко спит, его невозможно разбудить раньше чем через два месяца, если не через три.

– Посмотрим, – сказала Фура.

– Он наш гость, – заметила Адрана. – Не пленник, не домашнее животное, не игрушка. Мы не станем его допрашивать.

– Кстати, кто он такой?

– Беглец, отступник, доносчик, называй как хочешь. Боса Сеннен искала его из-за информации, которой он владеет, и если он представлял интерес для нее, то можно с уверенностью сказать, что он представляет интерес и для нас. – Адрана многозначительно воззрилась на Фуру. – Ты не согласна, сестра?

– Зависит от того, что он знает. Зависит от того, чего он хочет.

– Транспорт, – торжественно произнес Лагганвор. – Ему надо в Тревенца-Рич, к союзникам. И он пообещал нам, что в Тревенца-Рич мы получим ответы на некоторые вопросы, которые нас беспокоят.

– Некоторые?

– Возможно, даже ответы на один-два вопроса, о которых ты еще не думала.

Фура пошевелила металлическими пальцами. Они все еще хранили холод, который она подхватила из контейнера с Тем Самым Щелкуном.

– Как давно все это было запланировано?

– Это не запланировано, – парировала Адрана. – У меня была зацепка из дневников Босы, которую ты с таким же успехом могла бы найти сама. Я хотела добыть для нас череп – я правда собиралась это сделать, – но решила заодно расспросить о Том Самом Щелкуне, раз уж оказалась в нужном месте.

– Мы посетили торговца костями по имени Даркли, – объяснил Лагганвор. – Казалось вполне вероятным, что он знает о местонахождении Того Самого Щелкуна, поскольку пришелец был звеном его цепочки поставок. Адрана только хотела связаться со щелкуном, мы понятия не имели, что Даркли уже укрывает его – в той же комнате, где клиенты проверяли кости. Экранирование не позволяло врагам обнаружить щелкуна с помощью следящих устройств.

– Он мог бы там и остаться.

– Нет, не мог. Мозаичники приближались, их появление было лишь вопросом времени. Даркли разбудил щелкуна и объяснил ситуацию. Пришелец согласился довериться нам, пошел на повышенный риск ради возможности покинуть Малграсен.

– Итак, мы заполучили пришельца, которого кто-то ищет и хочет убить. – Фура опустила взгляд на ящик с металлической окантовкой. – Что касается меня, то есть только один вопрос. Передний шлюз или задний. Как думаете?

– Мы дали слово позаботиться о нем, – сказала Прозор.

– Странно, что я не помню, чтобы со мной советовались по этому поводу.

– И я не помню, чтобы со мной советовались по поводу покупки дорогих лекарств, – сказала Адрана. – Лучше бы они того стоили.

– Обсуди это с Эддралдером – он дал мне список.

– Включая главное, – сказала Прозор.

– Что главное? – спросила Адрана.

– Ну давай, расскажи ей о специальном лекарстве, – предложила Прозор Фуре. – Тогда у вас обеих совесть будет чиста.

Фура зарычала, злясь на подругу и еще больше на себя, поскольку знала, что Прозор права, и не имела морального преимущества перед сестрой.

– Я купила немного мефрозина. Эддралдер сказал, только он может притормозить развитие светлячка.

Адрана медленно кивнула:

– Сколько удалось добыть?

– Примерно половину того, на что я надеялась. И это не какой-нибудь волшебный препарат; Эддралдер не обещает чудесного исцеления. Но лучше так, чем никак, и если это останавливает паразита, как было с Глиммери, или замедлит...

– Надо было сказать мне, – перебила Адрана.

– Ты бы меня отговорила?

– Я бы тебя поддержала и велела потратить все имеющиеся у нас пистолы, если это что-то изменит.

Сестры несколько мгновений молчали. Лагганвор предложил Прозор еще глотнуть из бутылки, и они вдвоем наблюдали за происходящим – ни дать ни взять взволнованные зрители в зале для боев без правил.

– Пожалуй, надо было рассказать тебе.

– А я должна была упомянуть о щелкуне. Но не хотелось давать тебе ложные надежды, пока нет уверенности, что он будет у нас.

Фуре немного полегчало. В последние месяцы между сестрами существовали разногласия, и порой она не сомневалась, что Адрана скрывает неприятные секреты. Поэтому Фура любила вот такие моменты единодушия, драгоценные, как последние дни долгого отпуска.

– Думаю, все согласятся, что череп нам необходим.

– Я с этим не спору. Эскадра Инкассаторов не смогла нас отыскать, потому что пришлось рассредоточить силы по всему Собранию и его окрестностям. Но, по словам Лага, на расстоянии месяца пути до Тревенца-Рич ее корабли так и кишат.

Фура посмотрела на Лагганвора:

– Времени зря не терял, да?

– Всегда готов схватить удачу за хвост. Я не говорю, что мы не сдержим слово, данное Тому Самому Щелкуну. Совсем наоборот: мы должны доставить его в Тревенца-Рич во что бы то ни стало. Но там будут наши враги в полной боевой готовности.

– От врагов увернемся, – решила Фура. – Мы делали это раньше и сделаем опять. Но череп нам бы весьма пригодился. Словами не передать, как бы он пригодился.

– Жаль бедную команду, у которой придется его отнять, – ухмыльнулся Лагганвор.

Глава 4

В девяноста днях пути от Малграсена в рубке управления «Мстительницы» тишину нарушало только равномерное тиканье старинного секундомера. Фура включила его, когда сработала первая гаусс-пушка, и теперь считала секунды до того момента, когда парус-сечь достигнет цели. Учитывая паладиновскую оценку расстояния, относительные скорости двух кораблей и дульную скорость, она ожидала увидеть признаки попадания в цель через тридцать две секунды.

– Двадцать пять, – сказала Фура. – Лаг, смотри в оба.

– Пока ничего, – донесся приглушенный голос из переговорного устройства.

Лагганвор находился в обзорной рубке – герметичном пузыре, который выдвигался из корпуса с помощью гидравлического механизма.

– Тридцать, – сказала Фура.

– Ничего.

– Тридцать два.

– По-прежнему ничего.

Фура помолчала; помещение заполнилось тиканьем секундомера, похожим на ускоренный пульс.

– А туда ли ты смотришь?

– Уж поверь мне, – огрызнулся Лагганвор. – Погоди-ка. Вроде я вижу... Да. Парусная вспышка. – Его тон изменился: обида уступила место деловитости. – Вижу множество фрагментов, они разлетаются во все стороны, зона поражения разрастается.

Фура щелкнула кнопкой на секундомере, остановив тиканье, и записала, сколько времени прошло между залпом и парусной вспышкой.

– Они ушли немного дальше от нас, – сказала Адрана, поворачивая секундомер Фуры, чтобы увидеть показания самой.

– Попытались сбежать, – кивнула Прозор с гримасой, означавшей, что кому-то светят неприятности. – Бедняги. Лучше бы смирились с неизбежным.

– Они смирились, – сказала Фура с хищным восторгом. – Просто еще не знают об этом. – Затем повысила голос: – Паладин, готовь второй залп.

Пусть механический разум Паладина находился в капитанской каюте капитана, но у него были «глаза», «уши» и «рты» по всему кораблю.

– Не желаете ли оценить ущерб, нанесенный первым залпом? – спросил он звучным менторским голосом, который сестры знали с детства. – Возможно, этого уже достаточно, судя по отчету мистера Лагганвора.

– Нет, – сказала Фура. – Мы уточним свою позицию, просто для того, чтобы у них отпало желание делать глупости.

– Как пожелаете, капитан.

Из динамика донесся голос Лагганвора:

– Парусная вспышка обширная и продолжает распространяться.

– Хорошо, – сказала Фура. – Подайте им еще порцию.

Гаусс-пушки дали новый залп, второй из трех, возможных без перезарядки. В недрах «Мстительницы» раздалось лязганье, и Фура решительным нажатием металлического большого пальца перезапустила секундомер.

Тик-тик-тик-тик...

Парусная вспышка означала, что заряд парус-сечи нанес серьезные повреждения оснастке другого корабля. Квадратные лиги парусов лопались, а то и вовсе отрывались от тро-

сов, полоскались и скручивались, не подчиняясь капитану, и потому снижалась вероятность отражения солнечного света в нужном направлении.

Прошло тридцать секунд, затем еще пять, и Лагганвор доложил о результатах второго залпа:

– Несколько сильных вспышек; возможны повреждения корпуса...

Никто не сомневался в его наблюдениях. Со своим искусственным глазом Лагганвор был самым зорким в экипаже.

– Придержим третий залп, – сказала Фура, останавливая секундомер и поднимая кулак из плоти и кости, чтобы приказ прозвучал более веско.

Она не собиралась стрелять по корпусу противника, но поскольку они вели огонь, опираясь на неточные данные подметалы, риск случайного попадания был неизбежен. Еще один залп парус-сечью мог усугубить ситуацию.

– Включить коротковолновый трещальник, – продолжила Фура. – Будьте готовы к ответному огню. Лаг, можешь вернуться; скажи Меррикс, чтобы сменила тебя.

– Трещальник готов к применению, – доложил Паладин.

Фура сунула секундомер в карман и сорвала с кронштейна на стене переговорную трубку:

– Не возьмешь ли на себя эту почетную миссию, душа моя? Надо признать, ты красноречивее меня.

Адрана забрала трубку у сестры, поднесла к губам. От стены потянулся завитый спиралью провод.

– Неопознанный корабль, говорит капитан Несс. Мы изувечили вас и собираемся взять на бордаж. Если будете соблюдать наши условия, обойдется без неприятностей. Мы возьмем то, что хотим, но не больше и оставим вас живыми и способными добраться до порта. Мы приведем врача, и, если у вас есть пострадавшие, он позаботится о них. Все это, однако, зависит от вашей готовности к сотрудничеству. Наши орудия будут постоянно нацелены на вас. Если увидим хотя бы одну теплую гаусс-пушку, то немедленно примем меры. И тогда не будет ни пленных, ни помощи раненым. – Она вздохнула и погладила пальцем клавишу переключения на трубке. – Приготовьтесь подчиниться или умереть: выбор за вами. – И завершила передачу. – Ну как?

– Достоин всяческих похвал. Не будь мы одной крови, я бы, наверное, побаивалась тебя. – Фура вернулась к решетке динамика и выбрала другой канал. – Сурт, Тиндиф, готовьте катер.

Фура перешла на самый малый ход, когда катер оказался в лиге от другого корабля. Еще одним движением пальца она включила прожекторы, и лучи света прошли по такелажу, парусам и корпусу поврежденного судна.

– Ах ты ж господи боже, – сказала она с фальшивым сочувствием. – Что мы с ними сделали?

Впереди раскинулся хаос: похожая на клубок спутанных внутренностей головоломка из узлов и петель, обмякших или порванных вант и тросов, которые местами еще шевелились. Было время, когда подобный ущерб шокировал бы ее до глубины души, но теперь она оценивала успех своих действий проникательным и уверенным взглядом. Несколько зарядов парус-сечи попали в корпус, о чем свидетельствовали яркие, чистые раны – места, где была сбита краска или куски плакировочного слоя и обнажился металл, – но, насколько Фура могла судить, обошлось без пробоин. Ближайшие к кораблю элементы системы парусов и такелажа пострадали не сильно; все выглядело страшнее, чем было на самом деле, поскольку в тот момент, когда прекратилось уравнивающее фотонное давление на ванты и штаги, механизм управления парусами сложился и притянул уцелевшее парусное вооружение к корпусу.

Фура сунула руку в карман на левом бедре и достала мешочек из мягкого материала. Кончиками металлических пальцев она извлекла прямоугольник дымчатого стекла с неровными краями, затем переложила его в другую руку, на которой еще не было перчатки.

Поднеся шутовину к глазам, Фура очень осторожно сжала ее края. Смотровой камень откликнулся, став темным, а не дымчатым, и она начала его медленно поворачивать. Сперва в поле зрения пролетали звезды, а потом появился другой корабль. Фура сжала чуть сильнее, и внешняя оболочка корабля растаяла, открыв зыбкие очертания его внутренних отсеков и механизмов.

– Что-нибудь есть? – шепотом спросила Прозор.

– Пять... нет, шесть живых существ. – Фура сосредоточилась, пытаясь разглядеть плотные узлы костей и мышц, которые были членами экипажа. – Четверо находятся в одном месте – скорее всего, это камбуз, – и еще двое на корме, очень близко друг к другу.

– Ты видишь гаусс-пушки или что-нибудь в этом роде? – спросил Лагганвор, держа шлем в руках.

– Может быть, одно или два небольших орудия на носу и корме, но бортовых батарей нет. – Она передала смотровой камень Прозор, которая, как и Лагганвор, прильнула к штурманскому креслу. – Попробуй обнаружить какие-нибудь укрытия. Я не хочу входить в корабль, полагая, что их всего шестеро, – а вдруг еще дюжина выскочит из люков? Ящик, где лежит шелкун, пробудил во мне беспокойство по поводу того, что еще можно замаскировать схожим образом.

– Системы эффекторного вытеснения встречаются очень редко, – произнес Лагганвор низким доверительным тоном. – И стоят дорого. Команде, которой посчастливилось заполучить такую штуку, не пришлось бы шляться по этому захолустью.

– Но мы-то шлемся, – возразила Фура.

– У нас имеются неочевидные мотивы.

– Будем надеяться, что у них ничего такого нет.

– Пока вижу только шестерых, – сказала Прозор.

С камнем у лица она выглядела странно: казалось, сквозь ее голову тянулся прямоугольный туннель, выходящий за пределы катера, прямо в открытый космос.

Фура включила коротковолновый трещальник и доложила сестре о том, что удалось обнаружить на данный момент. Она также сообщила, что не верит в серьезное сопротивление экипажа.

Она осторожно вела катер в центр разгрома, все ближе к жестким очертаниям корпуса. Болтающиеся снасти задевали обшивку, и от этого возникал шелест. Обрывок паруса зацепился за стабилизатор, а потом уголок ткани затрепетал в пламени выхлопа – и весь кусок исчез в беззвучной белой вспышке.

– Название видишь? – спросил Лагганвор.

– Пока нет.

Прозор вернула камень:

– Их там не больше шести. В трюмах, кстати говоря, тоже пусто.

– Если у них есть череп, мне этого хватит. – Фура вернула камень в мешочек, а тот – в карман. – Доктор Эддралдер, вы готовы?

– Более-менее, – прозвучало в ответ.

Долговязый врач с невыразительным, как надгробная плита, лицом в последний раз осматривал свой медицинский ларец. Тот самый, который Фура привезла из Малграсена, хотя теперь в нем были только лекарства и инструменты, которые могли пригодиться сразу после абордажной операции.

– Я что-то вижу, – сказал Лагганвор, тыча пальцем в иллюминаторы, когда катер обогнул похожий на пасть нос другого корабля. – Красные буквы, почти стертые. – Он постучал пальцем

по виску, посылая акустический сигнал в глаз. – По-моему, «Веселая кобыла». Этот корабль кому-нибудь известен?

– Мне – нет, – сказала Прозор.

– Они такие же, как мы, – решила Фура. – Просто компания болванов, которых нелегкая занесла далеко от родины. Если они не из Мазариля, то из похожей дыры – нищие и отчаянные, рискнувшие пойти ва-банк. – Она сдвинула брови. – Что ж, мне жаль, что их мечты рухнули.

– Только что в одном из больших окон мелькнуло лицо, – сообщил доктор Эддралдер.

– Это хорошо, – сказала Фура. – Всегда приятно, когда тебя встречают. Надеюсь, они уже готовят для нас чай.

Два корабля соприкоснулись с гулким звуком, и мгновение спустя Фура активировала захваты, не позволяющие стряхнуть катер с чужого корпуса.

Она отстегнулась и выбралась из-за пульта управления. В проходе между двумя рядами сидений имелся легкий люк, под которым пряталась более мощная дверь с запорным колесом. Фура наклонилась, чтобы повернуть это колесо и открыть внутреннюю герметичную дверь на брюхе суденышка. Спустившись в тесный шлюз, она принялась крутить второе колесо, установленное на наружной герметичной двери. Лагганвор и Прозор склонились над ней, направив арбалеты поверх ее плеча. Для работы требовались обе руки, и Фура не смогла бы сама пустить оружие в ход, пока не закончила начатое.

– Приготовьтесь, – сказал Лагганвор.

Его голос проник сквозь визор и передался остальным через трещальники скафандров, так что прозвучал одновременно глухо и резко, сопровождаемый скрежетом помех.

Поскольку abordажная команда облачилась в скафандры, не имело значения, что за дверью ее мог ждать вакуум. Но когда Фура отперла – притом что внутренняя дверь шлюза все еще оставалась открытой, – давление не упало.

Впереди виднелась еще одна дверь, на этот раз выкрашенная в коричневый цвет.

Они находились в шлюзе «Веселой кобылы».

– Чем скорее какой-нибудь разумник придумает, как нам избавиться от необходимости дышать, – проворчала Прозор, – тем счастливее я буду. Полжизни только и делаю, что вхожу и выхожу из кораблей...

– А вторую половину жизни ты на это жалуешься, – сказала Фура.

Она взяла у Прозор арбалет, его прикладом сильно ударила по коричневой двери, а потом вернула оружие. Ненадолго стало тихо, и вдруг за дверью послышался негромкий скрежет. Фура сунула руку под нагрудный ранец и сомкнула искусственные пальцы на рукояти длинного ножа призрачников. Отцепила нож, вытащила. Оружие ускользало из фокуса внимания, расплывалось, если она не отводила взгляд.

Коричневая дверь начала открываться внутрь шлюза. Фура отступила, освобождая место и держа клинок наготове, если понадобится рубить или колоть.

Прозор и Лагганвор с арбалетами прикрывали ее.

Из темноты выплыло круглое лицо без шлема, похожее на бледный дыхальный шар, отцепленный от веревки.

– Я знаю, что ты собираешься убить нас! – выпалил мужчина дерзко и самоуверенно. – Но если в тебе осталась хоть капля порядочности, Боса Сеннен, ты сделаешь это быстро!

Они стояли лицом к лицу у порога шлюза. Визор Фуры был защищен решеткой и украшен орнаментом из шипов и костей; голова мужчины торчала из высокого и широкого шлемного кольца-крепления, покрытого значками и эмблемами.

– Я не Боса Сеннен, разумник.

– Мы слышали твои угрозы, – продолжил мужчина, стараясь – если Фура не померещилось – сдержать дрожь в голосе. У него было веснушчатое лицо, широко посаженные глаза под

выпуклым вспотевшим лбом, рыжая щетина на темени. Его взгляд скользнул к ножу призрачников, а затем так же легко отстранился. – Я слышал, что ты обещала с нами сделать.

– Это была просто болтовня. Стимул, побуждающий вас согласиться с нашими условиями, – заверила Фура.

– Мы знаем, что ты натворила. Чем ты занималась раньше. Мы выполним твои условия, и все равно ты нас зарежешь. Такова твоя подлая натура. – Он плюнул, и слюна повисла на решетке ее визора кособокой паутиной.

– Убей меня. Пытай меня. Все, что пожелаешь. Но прояви к остальным немного милосердия, если ты еще не забыла, что значит это слово.

Медленно и неторопливо Фура спрятала клинок призрачников под нагрудный ранец, где сработала магнитная защелка.

– Ваше имя?

– Кэп Верранвелл, как ты, должно быть, уже знаешь. – Его лицо дрогнуло за блестящими нитями, закрывшими ее забрало. Он выпятил подбородок, пытаясь – это было очевидно для Фуры – своим видом и голосом выказывать уверенность, которой на самом деле не было. – Верранвелл с частного экспедиционного судна «Веселая кобыла».

Фура протянула металлическую руку, словно рассчитывая на дружеское рукопожатие:

– Весьма рада знакомству. У вас прекрасный корабль... э-э... был. Я капитан Несс, как вам уже объяснили.

Он снова плюнул. На этот раз между ее пальцами образовалась слизистая мембрана.

– Несс, Сеннен – называй себя как хочешь. Чтоб ты провалилась вместе с твоей командой.

Она потрясла рукой, пытаясь сбросить слюну.

– Верри, мы свернули куда-то не туда. Кстати, а почему ты не выстрелил, пока была возможность? У тебя же есть самонаводящиеся снаряды. Почему не попытал счастья?

Он вздохнул, потер лоб:

– Ласлинг уговаривал меня рискнуть и сделать локационный импульс, а может, и залп другой. Но не факт, что это остановило бы вас, – мы бы сами стали отличной мишенью для ответного выстрела. Мой корабль приспособлен для экспедиций по шарльерам, а не для грабежа – мы всего лишь честные космонавты, которые пытаются честно зарабатывать на жизнь. Конечно, зря я не послушал Ласлинга...

– Ну, ты прав, это бы не помогло. И все-таки долой уныние и обреченность. – Фура подцепила его подбородок пальцем. – Верри, будь с нами поласковее, обойдемся без глупостей – и глазом моргнуть не успеешь, как мы исчезнем. Тогда ты сможешь вернуться к своим делам...

Он выдавил едкий смешок:

– К каким еще делам? Мой корабль погублен. Или ты этого не заметила, когда уничтожала паруса и такелаж, да еще на всякий случай несколько раз выстрелила в корпус?

– Неизбежный ущерб, – отрезала Фура.

Прозор и Лагганвор для пущей убедительности взмахнули арбалетами. Капитан Верранвелл отступил, освобождая выход из шлюза. Фура оставалась настороже и была готова перейти от слов к делу, не доверяя ничему – и особенно демонстративной капитуляции капитана.

Однако тот не пытался перехитрить захватчиков. Она в этом убедилась, когда вплыла в камбуз «Веселой кобылы» и прониклась коллективным настроением команды, которая собралась там в хаосе, воцарившемся после обстрела. Игровые фигурки, кухонная утварь и столовые приборы дрейфовали, сброшенные с магнитных столов и креплений. Какой-то стул разлетелся на щепки. Капли воды дрожащими зеркальными сгустками плавали повсюду, словно причудливые инопланетные питомцы. Световой плющ оторвался от стен, его побеги колыхались вялыми щупальцами, излучая разноцветное сияние.

Кроме Верранвелла, их было трое: двое мужчин и женщина. Четыре человека, которых Фура видела сквозь смотровой камень. Они выглядели подавленными, удрученными, полно-

стью покоровшимися судьбе. Все были в скафандрах или частях таковых, но ни на ком не было шлема, и только женщина успела надеть перчатки. Не было видно никакого оружия, даже миниатюрного кинжала или энергетического пистолета.

– Не думайте, что мы не стали бы драться, если бы верили, что есть шанс победить, – сказала женщина низким ровным голосом, в котором сквозила горечь поражения. – Случись это один-два рейса назад, мы бы вам оставили кое-что на память. Но у нас не хватает рук с тех пор, как мы потеряли Айвза и Монсера у Мерзейшества в девяносто девятом. А потом обменяли наш последний хороший бронебойный снаряд на лучший череп, надеясь, что в долгосрочной перспективе разведданные принесут больше пользы, чем оружие.

– И что получилось в итоге? – спросила Фура с почти искренним любопытством.

– О, все сработало лучше не придумаешь, – ответила женщина с демонстративным сарказмом.

– Вы побывали у Мерзейшества? – спросила Прозор, следуя за Фурой на камбуз и быстро и уверенно направляя арбалет в каждый угол загроможденного помещения.

Ее действия при этом были совершенно машинальными.

– Это что-нибудь значит? – спросила Фура.

– Это значит, что они либо лгут, либо заслуживают нашего уважения.

– Больше никого? – спросил Лагганвор, оглядываясь по сторонам.

Умно, подумала Фура: проверить правдивость капитана, а не показать, что им известно о еще двух космоплавателях.

– Это вся моя команда, – сказал Верранвелл, вздернув подбородок. – Не считая Меггери, раненой в результате ваших действий, и Рутера, который с ней. Они в лазарете.

– Что случилось с Меггери? – спросила Фура.

– Какая разница? – Женщина провела рукой по темно-рыжим волосам, которые она носила зачесанными вправо и заплетенными в замысловатую косу, достигающую поясницы; левая часть головы была выбрита. Космоплавательница была чрезвычайно тощей, с острыми скулами, маленьким подбородком и множеством звонких сережек в ухе с выбритой стороны. – Скоро всех нас ожидает то же самое.

– Позвольте напомнить, – сказала Фура. – Вам по трещальнику кое-что обещали...

Верранвелл не дал ей договорить:

– Твой голос звучал иначе, когда ты излагала условия.

– Не все ли равно, как он звучал? – Фура повернулась в направлении шлюза и прокричала: – Доктор Эддралдер! Шевелите лапами! Тут есть чем заняться. – Она снова сосредоточилась на команде захваченного судна. – Звать-то вас всех как, не считая капитана?

– А тебе какое дело? – спросила женщина, теребя кончик косы. Потом, собрав остатки гордости, она взглянула на товарищей и сказала: – Я Коссел, оценщик и открыватель «Веселой кобылы», знаток своего дела, если есть возможность показать, на что я способна.

– Вуга, – сказал плотный мужчина слева от нее. Он был совершенно лысый, с удивительно маленькими ушами и двумя глубокими складками, идущими от длинного изогнутого носа к маленькому, почти женскому рту. Его губы были изогнуты в постоянной гримасе сомнения, как у куклы, чье лицо не меняется никогда. – Борец, цирковой силач и главный махатель кулаками. – Он нахмурился. – Нет, подождите: интегратор. Вот что я хотел сказать: интегратор.

– Я Ласлинг, – сказал более крупный мужчина справа от Коссел.

Он был очень широк в плечах и очень узок в бедрах, так что его фигура напоминала треугольник, и это впечатление усиливал тот факт, что ноги заканчивались коленями, а штанины скафандра были подшиты, отчего культы походили на нижние части баллонов с дыхалью. У него было широкое приплюснутое лицо; нос был сломан и зажил в перекошенном положении. Когда Ласлинг заговорил, оказалось, что во рту многие зубы отсутствуют, а те, что есть, сломаны, покрыты металлом или полностью заменены. Его лицо представляло собой коллаж из

пишек и пигментных пятен, с толстыми губами, исполосованными множеством шрамов, и с двумя корявыми хрящеватыми отростками вместо ушей.

– Парусный мастер, – заявил он и покосился на свои культы. – Был открывателем, а потом жизнь заставила сменить карьеру.

Фура кивнула ему, как старому знакомому:

– Это ты пытался уговорить капитана на локационный импульс?

Ласлинг пожал плечами – дескать, какая разница.

– Допустим, я. А вы бы на моем месте что сделали?

– Именно то, что ты так настойчиво предлагал.

Доктор Эддралдер вошел в камбуз и выпрямился, точно хитро устроенная раздвижная трость. Его забрало представляло собой лист изогнутого стекла, без каких-либо броневых решеток или орнаментов, поэтому длинное лошадиное лицо виднелось отчетливо. Большие глаза, бледные, как сваренное вкрутую яйцо, осматривали место происшествия в поисках раненых страдальцев.

– Вы сказали, капитан, что я могу быть полезен?

– Да, в лазарете некто по имени Меггери, при ней еще один член экипажа. – Затем Фура повернулась к четверым, собравшимся на камбузе. – Капитан Верранвелл, мы вас ненадолго задержим, так что не поручите ли вы кому-нибудь сопровождать доктора Эддралдера в лазарет и помочь ему по мере необходимости?

– Будем бросать монетку? – спросил Вуга, слегка нахмурившись.

Фура тяжело вздохнула и потянулась к забралу:

– Я хотела немного напугать вас, и кое-что из сказанного – правда, но я действительно намерена оставить вас живыми и способными вернуться домой. – Она откинула забрало, позволяя своей преобразенной светлячком коже пролить сияние на камбуз. – Меня зовут Фура Несс. Вы могли ожидать Босу Сеннен или кого-нибудь другого, но получили меня. Я забрала ее корабль, как вы, возможно, слышали, однако не унаследовала ее методы или ее нрав.

Коссел почесала бритую сторону головы:

– Ох, прямо камень с плеч.

Фура взглядела в лицо женщины:

– Ты назвалась оценщицей?

– И что с того?

– Поможешь мне и Лагганвору забрать вашу добычу, чем бы она ни была. Вуга или Ласлинг, кто-нибудь из вас проводит доктора Эддралдера в лазарет?

– А вкусняшками угостите? – спросил Вуга.

– Значит, Ласлинг, – невозмутимо подытожила Фура. – Очень удобно, что ты парусный мастер.

– Почему? – спросил безногий.

– С помощью Прозор ты оценишь ущерб, нанесенный вашим снастям, и прикинешь, что понадобится с нашей стороны для ремонта.

– Ну разве это не великодушно? – хмыкнул Ласлинг. – Как если бы тебя пырнули ножом в переулке и вежливо поинтересовались, не нужно ли остановить кровотечение.

Доктор Эддралдер оперся рукой о выступ стены и повернулся к Ласлингу:

– Как ни трудно в это поверить – и я понимаю ваши опасения, – эти люди сдержат слово. Они оказали мне и моей дочери большую услугу, и я у них в долгу. Ваши травмы свежие?

Ласлинг, казалось, в чем-то убедил самого себя, прежде чем ответить:

– Достаточно свежие, чтобы мешать мне спать по ночам.

– Тогда я займусь вами, как только разберусь с остальными. Господин Вуга, не будете ли вы так любезны показать мне дорогу?

– Любезен? Да я из штанов выпрыгну. Ничто не доставляет мне большего удовольствия, чем помогать пиратам копошиться в трюме нашего корабля.

Вуга оглянулся на своего капитана, который после недолгого размышления коротко кивнул.

– Твой доктор либо очень искренний человек, – сказал Верранвелл Фуре, – либо очень убедительный лжец.

Пока шла абордажная операция, Адрана сидела в каюте капитана, пытаясь отвлечься от надвигающейся опасности. У нее имелись дневники и личные письма, которые требовалось просмотреть. У нее был ящик с Тем Самым Щелкуном, за которым нужно было присматривать, мало ли что. У нее была Меррикс в обзорной рубке, на случай если бы захотелось поговорить. И конечно, Страмли, Сурт и Тиндуф остались на корабле, то есть находились не слишком далеко. Паладин был прямо здесь – точнее, его голова, прикрепленная к столу, как большое стеклянное украшение.

– Кажется, вы взволнованы, мисс Адрана, – заметил робот, когда она перевернула очередную страницу одного из старых, в основном зашифрованных вахтенных журналов, которые они с сестрой унаследовали от Босы Сеннен. – Могу я в какой-то степени развеять ваши опасения? Мы уже атаковали другие корабли, не понеся урона. С каждым разом мы становимся лучше в этом деле – хладнокровнее и эффективнее. С каждым разом...

– В некоторых мирах есть такая игра, Паладин, – беззлобно перебила она. – Берут особый пистолет с вращающимся барабаном и заряжают один патрон. Затем раскручивают барабан и приставляют пистолет к голове, заключив пари. Жмут на спуск, крутят и снова жмут. Какое-то время игрокам везет: боек попадает в пустую камору барабана. Ты бы сказал, что участник игры совершенствует свои навыки, если подобное повторяется несколько раз?

– Сомневаюсь, что эта аналогия полностью соответствует нашему случаю.

– А я сомневаюсь, что она ему не соответствует, Паладин, – возразила Адрана. – Мы испытывали судьбу в Малграсене; ничто не говорит о том, что мы не занимаемся этим же здесь.

– И все же вы согласны с сестрой в том, что заполучить череп крайне важно.

– Он нам поможет.

– Что ж...

– И все же до сих пор мы неплохо обходились без него. Лагганвор прав: мы выиграем от получения разведанных. Однако недопустимо, чтобы риск, связанный с приобретением черепа, превосходил выгоду от него.

– Хотелось бы заметить, что уже поздно соизмерять одно с другим.

– Раньше ты не был столь саркастичен.

– Ваш отец не потерпел бы такого. Да и вы, если уж на то пошло.

Это было правдой. Фура была предана Паладину, любила его, как дядю или доброго старшего брата. Адрана же... не поддавалась эмоциям. Паладин казался ей фундаментально тупой развалиной, слепым орудием их отца, рабом, распространяющим его добрый, но чрезмерно протекционистский и властный режим на их спальню и игровую комнату.

В какой-то степени она не ошибалась. Но недооценила потенциал робота и опыт, накопленный им в прошлой жизни. Фуре потребовалось время, чтобы привести Паладина в чувство, разблокировав давно замороженные хранилища памяти и схемы принятия решений. Когда-то он был солдатом и теперь снова им стал.

А еще он был так сильно поврежден, что его прежнее тело с манипуляторами и колесами пошло на металлолом, когда Фура сбежала из Мазария, чтобы спасти Адрану.

От него осталась прозрачная сфера – точнее, три четверти сферы, – полная неугомонных реле и мерцающих огней, покрытая тонкими швами. Трещины и дыры в стекле заделала Сурт, которая приняла судьбу робота близко к сердцу: она соединила осколки и подыскала

замену недостающим фрагментам, ловкими пальцами обточив полученные из других источников и зачастую разноцветные кусочки до нужной формы. Стеклоанная голова крепилаа к столу поаередством «ошейника», через который Паладин обменивалса данными с кораблем. «Мстительница» с ее парусами, снастями, гауаа-пушками, ионными двигателями, подметалой и трещальником теперь в каком-то смысле стала его телом.

Возможно, для Паладина это была не такая уж плохая сделка.

– Я просто беспокоюсь, – сказала Адрана, бросив взгляд на шелкунский ящик.

Если не заниматься самообманом, атоит признать: вот настоящий источник их проблем, а все остальное – вторично.

Тот Самый Шелкун появился на «Мстительнице» из-за нее.

Адрана надеялась, что найти его будет несложно и что он охотно (или, возможно, после некоторого убеждения) ответит на вопросы, которые ее занимают. А если не ответит, то хотя бы направит к возможным источникам сведений.

Но вместо этого шелкун стал обузой. Он может помочь, но сотрудничество теперь зависит от того, доставят ли его в Тревенца-Рич. И в течение тринадцати недель после отлета с Малграсена, пока они плыли вдоль края Собраниа, «Мстительница» все ближе подходила к пространству, где велика была вероятность столкнуться с эскадрой кораблей, отслеживающих сестер Несс. Поскольку шанс проскочить мимо эскадры или сквозь нее значительно увеличился бы благодаря перехвату разведданных о ее передвижениях и намерениях, требовалса череп. А поскольку требовалса череп...

Паладин когда-то читал сестрам сказку. Это была своего рода поучительная притча о цепочке последствий, каждое из которых вело к чему-то худшему. Все началось с того, что лошадь не подковали как следует, потому что не нашлось гвоздя, а закончилось крахом целой межпланетной империи.

Паладин был очень хорошим сказителем. Адрана отлично все запомнила. Чем больше сказок было им прочитано, тем лучше он усваивал быт и нравы людей и тем успешнее придумывал новые сказки. Он даже мог сопровождать чтение самодельными иллюстрациями, проецируя их на стены комнаты.

Не было черепа – корабль пропал. Не было мозгов...

– Мисс Адрана?

– Да? – ответила она, резко вынырнув из раздумий.

– Похоже, поблизости еще один корабль. Есть основания полагать, что нас засекли.

Глава 5

– Знаете, а мне стыдно, – сказала Фура, когда они пересекали очередной отсек.

Отсеки оказались пустыми, если не считать хлама, неразлучного с обычной рабочей обстановкой на любом корабле: куски парусины и снастей, детали скафандров, панели обшивки нетипичной формы, срезанные в ходе какого-нибудь ремонта и слишком ценные, чтобы их выкинуть.

– В смысле, стыдно за то, что мы добавили строчку в ваш список неудач. Я вижу, что вы заслуживаете лучшей участи, – и от этого досадно вдвойне.

– Вообразила, что знаешь нас? – огрызнулся Верранвелл.

– Знаю команду, которая вытянула короткую соломинку, – не отступила Фура. – В основном потому, что я сама побывала в такой. Моим первым кораблем командовал Ракамор, и он прекрасно справлялся – держал счета в порядке и вообще пользовался авторитетом. Потом я подписала контракт с Труско, и это оказалась совсем другая история.

– Не слышал о нем, – сказал Верранвелл.

– А я его знала, – встряла Коссел, которая вместе с Лагганвором сопровождала двух капитанов. – О том, что с ним случилось, пару недель говорили по трещальнику; история даже попала в газеты и мерцательники. Он брал кредиты в банках для поддержки штанов, а кредитным учреждениям ужасно не нравится, когда должник не возвращает деньги, потому что ему, видите ли, взбрело в голову умереть.

– Вряд ли беднягу можно винить в том, что его убила Боса Сеннен, – с ухмылкой заметил Лагганвор, который не расстался с арбалетом, но из осторожности держал его направленным подальше от Коссел и ее капитана.

Если не замечать этого нюанса, группу из четырех человек легко можно было принять за компанию приятелей в музее или галерее, где они с живейшим любопытством разглядывают экспонаты. Может, и не приятели, а дальние родственники или коллеги, вынужденные общаться в течение пары часов.

– Не то чтобы кредиты теперь имели какое-то значение, – сказала Коссел.

– Сильно потрепало? – спросил Лагганвор, и подоплека его вопроса не требовала уточнений.

– Осмелюсь предположить, что другим досталось сильнее, – ответил Верранвелл. – Но да, нам пришлось несладко. Мы неплохо справились в девяносто шестом и девяносто седьмом годах, провели серию успешных рейдов, в частности посетили Глаз Ведзы, Кукушку и Коготь Блэка. – Он устремил пронизательный взгляд на Фуру. – Да, я точно помню, где и когда мы работали, а если сомневаешься в моих словах, проверь реестры торговых палат. Мы добились успеха, и мне за это не стыдно. – В его голосе послышалась печальная нотка. – Возможно, успех был чрезмерным. Мы нашли именно то, что требовалось рынку, и очень легко конвертировали товары в пистолы. Затем положили в банк довольно много этих самых пистолей... Как известно, в большинстве крупных банков существует гарантия на возврат депозитов до определенной пороговой стоимости. Однако я всегда был осторожен в том, что касается банков, и поэтому мы законсервировали половину доходов в виде депозитов в частных финансовых учреждениях, где таких гарантий нет. После Корректировки...

– Такое невинное слово, – задумчиво проговорила Коссел, перебивая капитана.

– А чего вы ожидали? – хмыкнул Лагганвор. – Проблему создали банки; вполне уместно, что именно они дали ей название.

Они остановились возле маленького, как кухонная кладовка, отсека. Он был пуст, если не считать мешка с туго завязанной горловиной – в нем поместилось бы человеческое тело. Верранвелл вытащил мешок в коридор. Внутри звякнуло.

– Банки не делали никаких заявлений относительно причины Корректировки, – сказал Верранвелл. – И на этот раз вопреки здравому смыслу я склонен полагать, что они на самом деле не понимают, что произошло. Видите ли, иногда подобные финансовые проблемы помогают банкам – или, по крайней мере, помогают пришельцам, что может означать одно и то же. Но Корректировка не имела ничего общего с теми спадами и катастрофами, о которых мы все знаем. Я не думаю, что это пошло на пользу банкам. Вот почему они так сильно злятся – в кои-то веки их слабое место выставлено на всеобщее обозрение.

– Я не склонна верить всему, что слышу про пистолы. – Фура взяла мешок у Верранвелла, ослабила завязки и заглянула внутрь. Там было порядка сотни монет – она решила, что общая стоимость вполне приличная, даже если отдельные номиналы и маловаты. Впрочем, эту сумму никто бы не счел достаточной для оснащения корабля и команды. – Это ваша единственная заначка?

– Увы, – сказал Верранвелл, и если это была ложь, то очень убедительная. – Забирай. Я бы предпочел, чтобы мне не напоминали о неудачных решениях.

Она бросила мешок Лагганвору:

– Забери три четверти по номиналу, отсчитай как можно точнее. Остальное верни им.

Лагганвор одной рукой рылся в мешке, а другой держал арбалет. У него было много практики в таких вещах, подумала Фура. Когда-то он служил Босе Сеннен, и хотя их пути разошлись – надо сказать, не без провокации с его стороны, – он не забыл обычные навыки пиратства, среди которых в числе главнейших эффективный учет.

– Мы, должно быть, вас разочаровали, – сказала Коссел.

– Мы еще не закончили с вашими трюмами, разумники, – возразила Фура. – Нам пригодится топливо, дыхаль, парусина, смола, хлеб, масло – словом, почти все, что только вспомнится.

В ее шлеме раздалось жужжание. Она включила трещальник.

– Душа моя, как у нас дела?

Донесся голос Адраны – слабый, и не только потому, что она находилась внутри другого корабля и подвергалась экранирующему воздействию его корпуса. Должно быть, мощность ее трещальника была уменьшена почти до предела.

– У нас проблемы.

Фура улыбнулась:

– А разве бывало иначе, дорогая?

– Паладин засек локационный импульс, а потом еще один – более мощный и лучше сфокусированный. Первый, похоже, был частью общего поиска, а второй смахивает на целенаправленное воздействие.

Фура восприняла новость со всем стоицизмом, не желая ничего выдавать экипажу Верранвелла.

– А есть предположения насчет... дистанции?

– Нет, Паладину не удалось ее определить. Меррикс ничего не видела, так что вряд ли чужак слишком близко. Но он есть, и он заинтересовался нами. Конечно, подметала показывает ему следы кораблекрушения, но поскольку мы практически в самом центре разгрома... Я хочу, чтобы ты вернулась. Паладин говорит, погода начинает портиться и Тиндуф вместе с Сурт готовы принять катер.

– Значит, мы здесь не задержимся. Боюсь, добыча небогатая. – Она бросила обиженный и одновременно извиняющийся взгляд на Коссел и Верранвелла. – Пока я разговариваю, Лаг роется в казне. Доктор Эддралдер возится с раненой, а Прозор разбирает материалы, которые этой команде понадобятся для починки снастей.

– Поняла. И все же возвращайся как можно скорее.

– Именно таково мое намерение. Мы скоро поговорим, сестрица.

Фура завершила сеанс связи. Она улыбнулась Лагганвору, который как раз завязал горловину мешка, и поманила его, чтобы прошептать:

- Нам нужно уходить.
- В целом отличное предложение.

Он протянул десятка два монет Верранвеллу, который сперва прижал их к груди, а потом бросил назад, в чулан. Они застучали и зазвенели о стены тесного отсека, но вскоре успокоились. Фура настороженно наблюдала за ними, вспоминая о pistolaх в аквариуме Аптекаря.

Теперь, когда она была внимательна, ошибки быть не могло: все монеты повернулись аверсом в одну сторону, словно зрители на собачьих бегах, наблюдающие за псом-фаворитом.

- Больше ничего нет, – сказала Коссел.
- И я бы с удовольствием тебе поверила, – сказала Фура, – но именно так говорят, когда не хотят кое-что показывать. Например, симпатичный пришельческий череп, только и ждущий нового владельца. Ведите нас в комнату костей.

- А если они не вернуться? – спросила Страмли.
- Они вернуться.
- А если нет? Вдруг их там что-то задержит и тот, кто послал эти импульсы, подойдет достаточно близко, чтобы выстрелить в нас? Мы так и будем сидеть или начнем двигаться?
- Они вернуться.
- Но...

Адрана предостерегающе подняла руку:

- Страмли, хватит. От этого легче не становится.

Она сидела в рубке управления рядом со Стеклой Армиллой – замысловатой и похожей на кружево моделью Собрания. Армилла состояла из множества колец, которые отображали орбиты горстки миров из того множества, что составляло колыбель цивилизации. «Мстительница» нырнула во внешние слои Собрания, чтобы посетить Малграсен, но теперь она вернулась в Пустошь, где только голые камни и необитаемые шарльеры и где расстояния между кораблями обычно измеряются миллионами, а не тысячами лиг. До Тревенца-Рич – места назначения – оставалось еще семнадцать миллионов лиг и два месяца пути. Это было единственное исключение из привычного правила: полностью населенный мир, путешествующий по Пустоши. Все дело в том, что его орбита имела нестандартную эллиптическую форму, так что он проводил внутри Собрания только часть времени.

– Я же не специально, Адрана. Просто с тех пор, как мы взяли на борт этого чешуйчатого разумника...

- Ты имеешь в виду щелкуна. Нашего пассажира, перед которым у нас есть обязательства.
- Он не сказал нам ни слова!
- Мне он сказал пару слов перед тем, как мы покинули Малграсен. Мы заключили сделку и теперь ее выполняем. Мы доставим щелкуна в Тревенца-Рич и скроемся от тех, кто за нами охотится, как уже делали раньше. – Адрана пристально посмотрела на собеседницу. – Нельзя терять веру, Страмли. У нас самый быстрый и темный корабль в Собрании, и нашим орудиям нет равных. Мы победим.

– Знаю, Адрана. Но почему-то уверенности не чувствую. – Страмли вздохнула. – Что-то изменилось во мне после Стриззарди, и не только из-за той занозы от клинка призрачников, которую пришлось выковыривать из ноги. Я не уверена, что подхожу для нашей новой жизни. – Она спохватилась и поспешила добавить: – Только не подумай, что я струсила.

- Да разве кто-то мог бы о таком подумать!
- Но отслеживать корабли, запугивать экипажи, отбирать у них добычу...
- Это временное занятие. Представь себе хорошего человека, который лишился дома и теперь стоит перед выбором: умереть от голода и холода на улице или обчистить чужой кар-

ман. Если действовать милосердно и с пониманием, что это никакая не профессия... – Чтобы зафиксировать новые координаты «Мстительницы», Адрана передвинула один из стержней Стеклоанной Армиллы. – Страмбли, это всего лишь затруднение, которое надо пережить. Как только мы доставим пришельца и получим ответы на интересующие нас вопросы...

– Тебя, а не нас.

– Ну ладно, меня. В общем, как только все будет сделано, это затруднение станет пройденным этапом нашей истории. Мы найдем способ вернуться к нормальной жизни, в нормальное общество. Кто захочет, останется на корабле, а кто не захочет, сможет отправиться на все четыре стороны.

Страмбли потеряла место на ноге, откуда Эддралдер вырезал осколок клинка призрачников. Адрана, уже не раз видевшая этот жест, догадывалась, что собеседница испытывает зуд или покаяние, когда речь заходит о Колесе Стриззарди. Как ни крути, Страмбли там чуть не погибла.

– Тебя послушать, так все закончится хорошо, – проворчала Страмбли.

– Так и будет, не сомневаюсь, – кивнула Адрана.

Страмбли посмотрела на Стеклоанную Армиллу:

– Мистер Лаг сказал, что мы не столкнемся с эскадрой, если будем осторожны, и так далеко от Тревенца-Рич ее точно не может быть.

– Я склонна согласиться с его оценкой. Здесь есть и другие корабли, и они необязательно участвуют в охоте за нами. Думаю, скоро выяснится, что эти два локационных импульса не предназначались конкретно нам. И все же... Очень обрадуюсь, когда увижу возвращающийся катер.

– Еще один тампон, пожалуйста, – сказал Эддралдер, подняв взгляд, чтобы отметить прибытие Фуры, и тотчас возвратив его к пациентке.

Он склонился над женщиной, которую уложили на хирургическую койку и зафиксировали грязными ремнями. Очень молодой мужчина внимательно наблюдал за обоими; поджав ноги, он парил рядом с койкой. Медицинский ящик Эддралдера был открыт, и парень брал из него и передавал доктору требуемые предметы.

– Череп погрузили, – сообщила Фура, – и Лагтанвор завершил инвентаризацию трюмов. У нас есть все, что нужно, и я хотела бы отправиться в путь, не дожидаясь ухудшения погоды.

«Или еще одного локационного импульса», – добавила она про себя.

Парень вручил Эддралдеру тампон и указал на женщину:

– Посмотри, что ты наделала.

– Полегче, дружище, – предостерег Верранвелл, стоявший позади Фуры.

Она кивнула:

– Ты, наверное, Рутер?

– Не обращай на меня внимания, – пылко сказал парень. – Тебя должна интересовать Меггери.

Плечо и шею пациентки покрывало нечто похожее на ожог. Меггери была миниатюрной, но мускулистой, с большой головой и вьющимися черными волосами, которые парили огромным облаком. У нее было столько шрамов и татуировок, что их было непросто разглядеть по отдельности. Морской конек обвился вокруг правого плеча, выходя на ключицу рядом со свежей раной и поверх извилистого старого шрама. Запястья и предплечья покрыты цепочками звезд. Кружевная голубая паутина испятнала кисти. На левой не хватало мизинца: он был отсечен в суставе, рана давно зажила без видимых осложнений.

– Я захватила ваш корабль, Рутер, – властно ответила Фура. – Пираты, знаешь ли, именно этим и занимаются. С разумниками так поступать нехорошо, но жизнь вообще штука неспра-

ведливая. Кроме того, корпус не пробит. Не понимаю, как могла пострадать Меггери, если только она не была снаружи.

– Меггери наш ионный мастер. Когда вы начали нас дубасить, капитан Верранвелл попросил ее выжать из ионного излучателя все возможное, зная наверняка, что мы вот-вот потеряем паруса. – Рутер кивнул капитану. – Это было правильное решение.

Фура пожал плечами:

– И что?

– Меггери находилась в ионном отсеке, когда ваш снаряд попал в корпус, и отдача швырнула ее на вентиляторы выпрямителя. Это электрический ожог, и очень сильный.

– Жаль, что я добавила еще один шрам в ее коллекцию.

– Это больше, чем шрам! – рявкнул Рутер, брызгая слюной. – Она потеряла сознание, и ваш врач считает, что кроме поврежденных тканей у нее могут быть неврологические нарушения.

Фура ничего на это не ответила и обратилась к Эддралдеру:

– Вы ее подлатали?

– Электрический ожог должен зажить, – сказал доктор, не отрываясь от работы. – Если этого не произойдет, можно будет сделать трансплантацию.

– Ты понятия не имеешь, что натворила! – продолжал буйствовать Рутер.

– Пощадила ее, вот что. И всех остальных, раз уж зашла об этом речь. То, что я держу слово, не означает, что все не могло пойти совсем по-другому сценарию.

– Твое слово, – с отвращением процедил Рутер. Лет шестнадцати или семнадцати, он был худощавого телосложения, с острым подбородком и лицом в форме сердечка. У него были круто изогнутые брови и глаза удивительно густой синевы. Единственной деталью его внешности, противоречившей общему впечатлению молодости, была полоска абсолютно белых волос, идущая от лба к макушке и далее. – Что значит данное слово для таких, как ты?

– Не прекратишь меня доставать – узнаешь, – пообещала Фура, начиная терять терпение. Затем обратилась к Эддралдеру: – С ней все будет в порядке?

– Возможно. Но я хотел бы держать ее под наблюдением. Если дела пойдут плохо, мне, возможно, придется осуществить вмешательство.

– Какое еще вмешательство? – спросил Верранвелл, подплывая к пациентке и упираясь в койку пальцами, чтобы затормозить.

Эддралдер посмотрел на капитана:

– Черепная хирургия. Но это нужно будет сделать на «Мстительнице». Здесь нет необходимого оборудования. Рутер, еще тампон.

Фуре ценой огромного усилия воли удалось сохранить почти невозмутимый вид. Хотя казалось, что в глазах у нее плещется алое пламя, грозя хлынуть наружу.

– Доктор Эддралдер, о каком сроке речь, конкретнее? Часы, дни, недели?

Эддралдер поразмыслил.

– Двух дней достаточно, но при возникновении негативных тенденций мне надо будет действовать очень быстро. Вы не успеете доставить Меггери на «Мстительницу», разве что корабли сблизятся.

Верранвелл встретился с Фурой взглядом:

– Доктор действительно человек слова, капитан Несс. Похоже, вы заберете на один трофей больше, чем планировали.

Огромные паруса были начертаны тончайшими пурпурными и индиговыми линиями, обрамляя акры идеальной черноты. Обычные паруса – те, что прибавились к парусному вооружению, чтобы скрыть предназначение корабля, – были убраны до того, как «Мстительница»

начала преследовать «Веселую кобылу», так что остались лишь огромные квадратные лиги ловчей ткани.

В центре системы парусов распахнулась красная пасть.

Фура завела катер в стыковочный отсек задом наперед, так мастерски подрабатывая маневровыми двигателями, что с причальной колыбелью он соприкоснулся мягко, как прогулочная лодка с пирсом. Доктор Эддралдер поблагодарил Фуру за то, что она постаралась не тревожить Меггери, но, по правде говоря, в пути она думала главным образом о черепе – как было бы неприятно разбить его сейчас.

Сурт и Тиндуф в вакуумных скафандрах помогли закрепить катер. Открылся шлюз; по другую сторону дожидались Адрана и Страмли.

– Я решила развернуть основные паруса, как только Паладин подтвердил, что вы возвращаетесь, – сообщила Адрана. – Точный курс определим позже, а прямо сейчас стоит просто свалить куда-нибудь подальше.

– Убирай их, – скомандовала Фура. – Мы никуда не летим.

Глава 6

Адрана открыла футляр, в котором лежали флаконы с мефрозиним. Когда космоплаватели покидали Малграсен, там было десять одинаковых закупоренных пузырьков, разложенных по гнездам-мешочкам, как патроны в обойме. Теперь четырех не доставало, а в пятом осталась только половина содержимого.

Адрана осторожно извлекла флакон двумя пальцами. Затем взяла миниатюрный шприц, который прилагался к футляру; его стеклянный корпус был размечен для определенных доз чистого мефрозина. В каждом пузырьке было десять делений; десять стандартных доз. Фура позволяла себе одну инъекцию каждые два дня. Осталось пятьдесят пять доз – максимум на четыре месяца лечения.

Если все пойдет по плану, они доберутся до Тревенца-Рич примерно за половину этого срока и в веретенообразном мире приступят к осторожным поискам препарата или какого-нибудь способа лечения. Но Адране хотелось бы иметь запас побольше – а ну как случится задержка в пути или солнечная погода окажется к ним неблагоприятной?

Фура наблюдала за сестрой, обнажив плечо для укола.

– Хватит канительиться. Если бы тебе раз в два дня приходилось втыкать в себя иглу, ты бы хотела покончить с этим побыстрее.

Адрана проткнула пробку и оттянула поршень:

– Меня беспокоит дозировка.

– Зря. Она правильная.

– Да, конечно. Не нужно быть Эддралдером, чтобы убедиться. В твоих глазах меньше блеска, и теперь светлячку требуется больше времени, чтобы проступить на лице. Было бы опрометчиво надеяться на полное исцеление, но препарат, несомненно, сдерживает паразита. Даже твой темперамент...

– С ним-то что?

– Я чаще вижу старую Фуру, чем новую. – Адрана так тщательно подбирала слова, как будто именно ей делали уколы мефрозина, пробуждающие здравомыслие, а не она сама держала в руках шприц. – Твои суждения кажутся более взвешенными. Ты реже выдумываешь, что мы строим козни или что-то замыслиаем без твоего ведома. Решение перевезти к нам раненую девушку весьма напоминает... то, как ты вела себя раньше.

– Я... не стану спорить. – Фура посмотрела на сестру с некоторой гордостью за свою выдержку. – Вот так. Удивлена?

– Немного.

– Хорошо. Не хочу стать предсказуемой. И, сестрица... сделай наконец-то укол, клянусь Собранием.

– Я вот думаю, не следует ли нам растянуть курс.

– У нас достаточно доз. Я все рассчитала.

– Достаточно, если дела пойдут хорошо, – мягко возразила Адрана. – А так бывает не всегда. В Малграсене мы вымели все подчистую. Мне кажется, такой скудный запас препарата может свидетельствовать о том, что с ним проблемы в масштабах Собраний, связанные с Корректировкой. То есть с нашими собственными действиями.

– Избавь меня от иронии.

– Избавлю. Но если мы задержимся с прибытием...

– Не задержимся.

– Но если это все же случится и у тебя закончится мефрозин, резкое прекращение курса может иметь очень плохие последствия.

– А ты у нас теперь доктор?

– Я – нет, а Эддралдер – да. Он предупредил меня, что было бы неразумно резко прекращать лечение. Не хочу, чтобы ты подвергалась риску. Если перейти на одну дозу каждые три дня или, сохранив текущий график, уменьшить ее на четверть, можно...

Фура металлической рукой взяла сестру за запястье:

– Сделай укол, сейчас же! Или я сделаю сама.

– Ну как хочешь.

Игла вонзилась в мышцу; Фура напряглась, закрыв глаза, и медленно выдохнула. Адрана вытащила иглу и принялась чистить шприц для следующей инъекции.

– Это действует, – проговорила Фура, – так что продолжаем. Если ситуация изменится, буду решать. Но не раньше.

– Я забочусь только о твоих интересах.

– Значит, мы едины во мнении: я тоже забочусь о моих интересах. – Фура перевела взгляд на ящик с Тем Самым Щелкуном, который с момента своего появления на борту находился на одном и том же месте, притянутый к стене капитанской каюты скрещенными ремнями. – И твоих, разумеется.

– Уж конечно.

– Во время моего отсутствия твой новый приятель был таким же тихим??

– Никаких перемен. Я не хочу открывать контейнер без необходимости, чтобы не перегрузить систему жизнеобеспечения.

Адрана вручила Фуре ватный тампон, и та прижала его к плечу.

– У тебя не возникало подозрения, что он уже мертв? Что не пережил приключений в Малграсене?

– Seriously пострадал только внешний ящик. Если бы внутренний контейнер был опасно поврежден, система эффекторного вытеснения не сработала бы должным образом и мы не смогли бы пронести этот груз через таможню.

– Рада, что ты нашла повод успокоиться.

Адрана уже укладывала шприц в футляр с лекарством. Она делала это с огромной осторожностью, сознавая, как сильно пострадает их уверенность в будущем, если разбить хоть один хрупкий пузырек.

– Паладин может в некотором роде наблюдать за щелкуном. По его словам, в ящике присутствует нечто живое, хотя соответствующие процессы сильно замедлены. Давай позволим событиям идти естественным путем. Когда Тот Самый Щелкун выйдет из спячки, или как еще ее назвать, он сможет ответить на многие наши вопросы.

– В основном на твои.

– А стоит ли вот так отделять одно от другого? Наши заботы совпадают. Ты хочешь постичь природу пистолей, я – разобраться в сути Заселений. Сильно удивлюсь, если наши интересы в какой-то момент не пересекутся. Я узнаю, почему за последние десять миллионов лет было тринадцать Заселений вместо четырехсот сорока, которые могли бы состояться, сложились все удачнее, а ты узнаешь, что за души обитают в пистолях...

– Это не души. – Фура поморщилась, явно злясь на себя за то, что поддавалась на провокацию и выказала интерес к пистолям, означающий, пусть и косвенным образом, что Тот Самый Щелкун все-таки имеет для нее некоторую ценность и не может считаться совсем уж нежеланным гостем. – Это не души, – повторила. – По крайней мере, это нечто более сложное, не так легко выразимое словами.

– Боса придерживалась иного мнения.

– Она была права в одном и лишь наполовину права в другом. Боса начала поиск знаний, который ей не удалось закончить. Наша задача... довести это дело до конца. Мы сделали шаг в нужном направлении, когда запустили Корректировку. Теперь надо понять последствия этого шага.

– Последствия достаточно просты. Рандомизация стоимости пистолей и полный хаос в экономике Собрания.

– Есть еще кое-что.

Фура почувствовала головокружение – препарат объявил о своем присутствии в ее крови. Это было похоже на падение, и в то же время казалось, будто каждая вена и артерия в ее теле превратилась в струйку полыхающей лавы. Фура знала, что скоро это пройдет, как проходит самый тяжелый припадок из-за светлячка, но сейчас испытывала мазохистское удовольствие от дискомфорта, который означал, что лекарство действует.

– Я увидела кое-что в Малграсене. Сначала решила, что это какой-то трюк, но потом проверила и не обнаружила обмана. Предоставленные самим себе, пистолы поворачиваются аверсом к Старому Солнцу.

Адрана слишком хорошо знала сестру, чтобы предположить, что Фура все выдумала.

– Новый эффект после Корректировки?

– Похоже на то. – Фура помолчала, глядя на светящийся красным шар на своем столе. – Помнишь, что я говорила о Паладине? Что я написала о нем в «Истинном и точном свидетельстве»?

Адрана кивнула, надеясь, что сестра не будет выяснять, насколько внимательно она читала эти мемуары. Правда заключалась в том, что сначала Адрана читала усердно, затем со слабеющим интересом, после с неохотой и угрызениями совести, а уже долистывала, высматривая фрагменты, в которых упоминалось ее имя.

К счастью, она помнила этот фрагмент, о котором зашла речь.

– Ты что-то сказала ему, и он вспомнил свое прошлое.

– Не только прошлое, но и цель – свое истинное предназначение.

– «Последние Дожди Сестрамора», – процитировала Адрана, подчеркивая, что прекрасно помнит «Истинное и точное свидетельство».

– Это не одно и то же, но мне интересно, не случилось ли с пистолями что-то похожее – своего рода пробуждение, новое открытие какой-то потаенной цели.

– Это связано с обращением аверсом к Старому Солнцу?

– Я просто рассказываю о том, что видела, сестра, – а объяснить это не в моих силах.

В открытую дверь капитанской каюты постучали. Вошел Лагганвор, а за ним Эддралдер с рассеянным видом.

Фура велела мужчинам сесть по другую сторону ее стола, где их лица омылись колеблющимся светом Паладина.

– Ничего не изменилось, – сказала она, прежде чем кто-либо из них успел заговорить. – Мы отправим Мегтери обратно через день или два, а затем рванем на всех парусах в Тревенца-Рич, как было запланировано. Погода портится, и новые задержки недопустимы.

– Тебя не беспокоит возвращение к Верранвеллу? – спросила Адрана. – Мы дали ему прекрасную возможность опомниться и устроить нам ловушку.

– Верранвелл не из таких, – пробурчал Лагганвор, ковыряя сломанный ноготь, – должно быть, повредил, когда надевал перчатку от вакуумного скафандра. – Он с благодарностью забереет своего члена экипажа и поковыляет в порт с хорошей байкой и надеждой выцарапать страховку.

– Если предположить, что страховые компании все еще платят, – заметила Адрана.

Фура повернулась к ней:

– Ты бы предпочла, чтобы мы оставили женщину умирать?

– Нет... конечно нет. Это было правильно – отдать ее на попечение Эддралдера. – Адрана кивнула врачу, гадая, не говорит ли его встревоженный взгляд о том, что состояние пациентки внезапно ухудшилось. Но тогда, подумала она, вряд ли он сидел бы здесь и ждал своей очереди, чтобы высказаться. – Тем не менее я не могу преуменьшать опасность.

– Не беспокойтесь из-за капитана. – Лагганвор грыз ноготь, пока не оторвал. – У людей моей профессии чутье на характеры. Верранвелл из тех, кто сводит дебет с кредитом и с чистой совестью идет спать. Я видел его каюту. Он человек строгих правил. Аскетичен до безобразия. Наверное, хлещет себя плеткой перед сном.

– Значит, он честно отчитается о наших действиях, – сказала Фура. – Включая то, как мы были любезны.

– Рассказа одного человека не хватит, чтобы эскадра Инкассаторов от нас отстала, – возразила Адрана.

– Кстати, об эскадре... – Лагганвор по очереди посмотрел на двух своих капитанов, не выделяя ни Фуру, ни Адрану. – Рискнем дать локационный импульс в ответ?

– Когда Паладин сообщит о достаточно резком всплеске солнечной активности, чтобы это замаскировать, – решила Фура. – Не раньше. К чему такое беспокойство, Лаг? Было всего два импульса, и с тех пор ничего не произошло. – Ее глаза сузились. – Ты взволнован больше, чем обычно?

Лагганвор пососал пятнышко крови на пальце.

– Нет, я вполне допускаю, что импульсы исходили от какого-то далекого судна, которое чисто случайно проявило мимолетный интерес к катастрофе, постигшей «Веселую кобылу». Но все же...

– Все же что? – спросила Адрана.

– Было бы неплохо узнать наверняка.

– Могу я вмешаться? – спросил доктор Эддралдер. – У меня есть... кое-какие новости.

Фура мрачно кивнула:

– Насчет Меггери?

– Нет. Я думаю, с Меггери все будет в порядке при должном уходе. Но кто-то крадет у меня медикаменты.

Лагганвор встрепелся и помрачнел, но, скорее всего, он был втайне рад, что появилась иная тема для разговора, кроме эскадры Инкассаторов и шансов от нее скрыться.

– На борту вор?

– Да. – Длинное лицо доктора утвердительно склонилось. – У меня было подозрение, но я сомневался. Я предположил, что Меррикс ошиблась с учетом, но потом начал замечать проблемы и сам. С Меггери все дошло до предела. Я хотел дать ей мазь для местного применения, лучшее из всего, что у меня было при себе на «Веселой кобыле», и обнаружил, что у нас осталось всего два тюбика. Уверен, что их было три, когда мы отправлялись в путь.

– Вы действительно уверены? – уточнила Фура.

– Никаких сомнений.

– А что с медикаментами, которые мы купили в Малграсене?

– Они предназначались для затыкания дыр, и я не принимал в расчет мелкое воровство.

– Тогда это может быть только кто-то из оставшихся. – Фура начала загибать пальцы. – Тиндуф и Сурт все время были в скафандрах, да? Им было бы трудно передвигаться по кораблю, не натываясь на предметы и не издавая ни звука.

– Меррикс не покидала обзорную рубку, – сказала Адрана.

– Что оставляет два варианта, если не считать самого доктора, – сказала Фура. – Либо ты, дорогая сестра, либо...

– Страмли, – сказал Эддралдер. – Боюсь, что подозрение уже наполовину сформировалось в моем собственном разуме.

– Я не понимаю, – растерянно проговорил Лагганвор. – Вы уже однажды спасли ее, Эддралдер, – вернули к жизни. Если и есть среди нас тот, кому она должна полностью доверять, так это вы.

– Именно это меня и тревожит, – вздохнул доктор.

– Кто-нибудь, приведите ее, – приказала Фура. – Я не потерплю на своем корабле воровства.

– Прошу прощения у всех, – вмешался Паладин, – но в солнечном потоке наметилась тенденция к резкому росту активности. Полагаю, скоро наступит благоприятный момент для ответного локационного импульса.

Час спустя мрачная Фура стояла над светящимся кругом подметалы и напряженно изучала пятнистые узоры, как гадалка, пытающаяся угледеть знамения грядущего в птичьих потрохах.

– Пик активности пройден, – констатировал Паладин.

Фура щелкнула переключателем. Подметала мелодично тренькнул, и на пульте управления возник светящийся круг, который увеличивался, отмечая распространение локационного импульса. Адрана затаила дыхание, пытаясь запечатлеть в мозгу кратковременный узор из пятен, рожденный солнечной погодой, и отыскать затесавшихся среди них нарушителей спокойствия. Крапинки появлялись и исчезали очень быстро, так что это было немного похоже на игру другого рода: ту, в которой нужно запомнить расположение предметов на подносе, посмотрев на него лишь пару секунд. Трудная задача для человека, подумала она, но не такая трудная для Паладина. Мало того что его кратковременная память безупречна, у него имеются отличные алгоритмы распознавания помех. Если кораблей три-четыре и они находятся достаточно близко, чтобы их можно было выявить этим не слишком мощным импульсом, он это сделает.

Поступил ответный сигнал. Изображение на экране застыло, позволяя человеческим глазам воспринимать максимум информации.

Фура молча смотрела на дисплей. Как и Адрана, Лагганвор и Прозор.

– Пришел отклик, – произнес робот.

Прошла секунда или две, прежде чем Адрана ответила:

– Мы знаем, Паладин. Мы сами видим.

– У меня есть первоначальная оценка количества объектов, а также их позиций и векторов движения.

Фура оттолкнулась от подметалы. Лагганвор дотронулся рукой до горла и тихо кашлянул. Прозор провела ладонью по волосам, и они громко зашелестели.

– Сколько? – тихо спросила Адрана.

– Девять, десять... может, и больше, – так же тихо ответил Лагганвор. – И ближайший совсем не так далеко, как я ожидал. – Он указал на экран подметалы, где были выгравированы концентрические круги и радиальные линии. – Сто тысяч лиг, если не ближе.

– Почему мы шепчемся? – спросила Фура чуть слышно.

– Потому что мы покойники, – сказала Прозор. – Или скоро ими будем.

– Паладин, – чуть повысил голос Лагганвор, – Уточни цифры, будь любезен. Хотелось бы знать... с чем мы имеем дело.

– Я подтверждаю двенадцать обнаруженных объектов, исключая «Веселую кобылу». Корабли рассредоточены в зоне, соответствующей телесному углу¹ примерно в сорок пять квадратных градусов, что, по-видимому, говорит о приближении с разных направлений. Ближайший, как намекнул мистер Лагганвор, находится почти в ста тысячах лиг, а самый далекий на расстоянии примерно вдвое больше.

– Ты определил их скорость? – спросила Адрана.

¹ *Телесный угол* – часть пространства, которая представляет собой объединение всех лучей, выходящих из вершины угла и пересекающих так называемую стягивающую поверхность. – *Примеч. перев.*

– Должен предупредить, что у меня только приблизительные значения и для самого слабого эха они наименее точны. Чтобы получить более надежные цифры, понадобится дифференциальное сканирование.

– Дай то, что есть, – сказала Фура.

– Корабли, по которым есть относительно достоверные данные, приближаются к нашей фиксированной позиции со скоростью примерно двенадцать тысяч лиг в час. Если не произойдет каких-либо изменений в тактике перемещения, они достигнут наших текущих координат через восемь часов.

Наступила тишина. Каждый из космоплателей на борту «Мстительницы» предполагал, что в какой-то момент их обнаружат и тогда не миновать погони в кильватере или боя, если только они не покинут цивилизованные края насовсем. Но даже в самых кошмарных фантазиях Адрана всегда рассчитывала, что у них будут дни на подготовку после первого грозного предзнаменования.

Но не треть же суток!

– Как они нас выследили? – спросила Фура. – Я еще могу понять, что один-два корабля могли случайно наткнуться на «Мстительницу». Если двадцать разумников обыскивают темную комнату, у них больше шансов что-то найти, разделившись.

– Если только они не знали, где искать, – сказала Прозор. – Если только их каким-то образом не навели на наш след.

Лагганвор мрачно кивнул, будто устыдившись того, что сам не подумал о такой досадной возможности.

– Похоже, им очень повезло, что они застукали нас здесь. Если только мы не выдали в Малграсене больше, чем намеревались.

– По крайней мере, у нас есть сто тысяч лиг форы, – проговорила Фура. – Немедленно уходим. Плевать на направление, главное удрать побыстрее. Ты согласен, Лаг?

Он вздохнул, как будто уже изучил другие варианты, прежде чем прийти к неутешительному выводу.

– Если не удерем, нам точно не поздоровится. Разумеется, пациентка доктора Эддралдера – нежелательное осложнение.

– Не вижу ничего сложного: мы все еще можем сдержать слово, данное Верранвеллу. Как только выберемся из этой передраги, найдем способ воссоединить счастливую команду. Но не раньше, чем сочтем это безопасным, пусть даже через месяц или год. . . – Не договорив, Фура подплыла к ближайшему переговорному устройству. – Тиндуф, бросай все! Паруса и ионные – в режим полной готовности!

Меррикс посасывала замерзшие пальцы, чтобы в них побыстрее восстановилось кровообращение после дежурства в обзорной рубке.

– Адрана, я ничегошеньки не увидела. Но глядеть на Собрание так трудно – миры сверкают, как фиолетовые фонарики. Боюсь, я что-то пропустила. . .

– Дай-ка мне взглянуть на твои пальцы, – обратился Эддралдер к дочери.

– Если ты что-то пропустила, Меррикс, то, клянусь, мы бы тоже пропустили, – сказала Адрана.

– Вы – возможно, но не мистер Лагганвор. Не думаю, что он многое пропускает.

– Нет, но он такой один, и он гораздо полезнее для нас при абордаже, чем на вахте в обзорной рубке.

Они находились в комнате доброты. Адрана питала отвращение к этому месту, слишком напоминавшему о том времени, которое она здесь провела, пока Боса воспитывала из нее преемницу. Девушка покрылась гусиной кожей от тактильных воспоминаний об ударах током и иглах. У Босы были особые представления о нежности и заботе.

О том, что происходило в этой комнате с теми, кто перестал пользоваться расположением Босы, совершенно не хотелось думать.

– Кое-что изменилось, – сказала Адрана Эддралдеру, переходя к истинной причине ее визита в лазарет. – Корабли приближаются организованным строем. Нам придется сейчас же стартовать, и, возможно, это лишь начало неприятностей. Боюсь, ваши обязательства перед Меггери более недействительны.

Он перевел взгляд с пальцев Меррикс на женщину, туго забинтованную и привязанную к койке. Меггери либо находилась под действием снотворного, либо все еще в глубоком бессознательном состоянии.

– Мои обязательства прежние – я должен вылечить эту пациентку.

– Может пройти какое-то время, прежде чем у нас появится шанс вернуть ее домой. Если вообще появится.

– Так Фура решила?

Адрана смиренно кивнула:

– Я с ней согласна. Это вопрос жизни и смерти для нас.

– Меррикс, ты не поможешь с тампоном?

Меррикс, чьи пальцы снова согрелись, принялась наносить синюю мазь на основной ожог, затронувший голову и шею Меггери. Хотя девушка только что сменилась после многочасовой вахты в обзорной рубке, ее лицо выражало безупречную сосредоточенность и преданность делу. Рука дрожала (результат химического рабства у мистера Глиммери), но гораздо слабее, чем в тот день, когда Меррикс перебралась на борт «Мстительницы».

– С Меггери все будет в порядке?

– Сотрясение мозга, – ответил Эддралдер. – Но череп цел. Когда мы полетим?

– Мы уже летим. Подняли все паруса.

Адрана это ощущала, в отличие от доктора и его дочери. Когда натягивались снасти, корабль начинал поскрипывать, как старая мебель. За пределами комнаты доброты – за пределами корпуса – вздымались паруса из ловчей ткани, собирая холодное давление скользких невидимых частиц, которые струились прямо из брюха Старого Солнца.

– Ускорение невелико, но этого достаточно. Через восемь часов, когда эскадра приблизится к нашей прежней позиции, мы будем в нескольких сотнях лиг отсюда.

– И как, во имя всех миров, это нам поможет?

– Мы улизем. Они не станут рисковать и не дадут новый локационный импульс в зоне досягаемости наших пушек, а другим способом нас не отыскать.

– Но ведь один раз уже отыскиали.

– Нет, – возразила Адрана. – Они отыскиали «Веселую кобылу». Есть значительная вероятность, что они по-прежнему не знают нашего точного положения, даже с учетом тех импульсов, а кроме того, теперь у нас есть преимущество, которого совсем недавно не хватало. Кстати, я сюда заглянула, когда шла посмотреть, как Сурт справляется с установкой.

– Ммф... – сказала Сурт. – Ммф... ммф... ммфл-ммфл... – Она нахмурилась, сделала паузу, вынула отвертку из зубов – ловкий трюк, если учесть, что обе руки уже были заняты различными инструментами, – и продолжила: – Я хотела сказать, если будешь парить у меня над душой или каждые пять минут проверять, как дела, быстрее не получится.

– Я пришла подбодрить тебя, – сказала Адрана.

– И так из кожи вон лезу. Раньше я ничего не могла сделать, пока корабль скрипел и стонал.

– Теперь все паруса развернулись, вокруг тишина. Нас ждет спокойная прогулка – если, конечно, никто не начнет стрелять.

Сурт ткнула шупом в один из штифтов, прикрепленных к внутренней стене комнаты костей, и, прищурившись, посмотрела на портативный гальванометр с зелено светящимся круглым экранчиком.

– Вы с сестрой действительно думаете, что сможете раскопечгарить любой старый череп и выжать из него сигнал?

– Может, мы и льстим себе, – ответила Адрана, – но если череп жизнеспособен и правильно подсоединен, думаю, у нас есть отличный шанс им воспользоваться. Скоро это выяснится?

Череп пережил переезд в новую комнату костей, не получив внешних повреждений, и Сурт уже заканчивала его установку. В нем были просверлены отверстия в дюжине мест для крепления подпружиненных тросов, позволяющих ему парить в звукоизолированном помещении, и все они были натянуты. Теперь Сурт подключала и проверяла заземляющие провода скромную по величине, но крайне важную часть системы.

– Подержи-ка. – Сурт вручила Адране маленькие плоскогубцы и обеими руками соединила два провода.

– Очень рада, что могу быть полезна. Не хочу на тебя давить, Сурт, ведь ты столько сделала для нас, для Паладина и корабля... но наличие работающего черепа может иметь огромное значение в ближайшие месяцы.

Сурт сунула в рот что-то еще:

– Мммф... мыф... До сих пор мы ведь как-то без него обходились? Может, это неспроста? Что, если нам вообще не нужен череп и все проблемы, с ним связанные?

– Раньше я бы могла с тобой согласиться, но не теперь, когда рядом эскадра. С работающим черепом у нас было бы больше шансов узнать о передвижениях врагов.

– Или мы выдали бы себя, если бы нашу болтовню подслушал какой-нибудь разумник.

– Риск всегда есть, но он компенсируется преимуществами. Не хочу показаться тщеславной...

– Ну еще бы. – Сурт забрала плоскогубцы.

– Но мы с Фурой не простые чтецы костей. Когда связывались друг с другом, находясь на разных кораблях, мы очень хорошо научились контролировать мысли. Умеем брать, но не отдавать.

– Рада, что вы так верите в себя.

Адрана отстранилась и взглянула на череп как на мир, который предстояло завоевать; гребни, вмятины, трещины, глазницы и гнезда для проводов – все это элементы ландшафта, который она как следует изучит и со временем покорит.

– Долго еще?

– Зависит от того, насколько ты склонна к авантюрам. К концу часа я сделаю все, что смогу. Но я бы позволила твоему драгоценному дитятке спокойно полежать в колыбели одну-две вахты, прежде чем ты начнешь ворковать с ним.

Адрана криво улыбнулась:

– Вижу, тебе действительно не нравится наша профессия.

Сурт прервала работу и окинула череп долгим вдумчивым взглядом:

– Я подключу эту штуку. Лучше меня никто бы не справился, уж не сомневайся. С заземлением уже разобралась – сделала на совесть, даже Труско был бы доволен. Ты и сама меня поблаговаришь, если окажешься здесь, когда нагрянет шторм в девять баллов. И я не настолько глупа, чтобы верить, будто наше выживание не зависит от разведки, а для нее нужны костяшки, а костяшникам нужны черепа. Но предложи ты мне все пистолы, какие можно раздобыть от порога этой комнаты до самого Даксари, останусь при своем мнении. Даже если бы эти пистолы имели прежнюю ценность. Я все сделаю, но ни один разумник, обитающий в окрестностях Старого Солнца, не убедит меня остаться в этой комнате, когда закроется дверь.

– Это просто технология, – проговорила Адрана. – Древняя технология, которую мы совсем не понимаем и, возможно, никогда не поймем. Но в ней нет ничего сверхъестественного. Для этих инопланетян, оставивших после себя черепа, она наверняка была такой же обыкновенной, как для нас телеграф и телефон.

– Можешь верить в это, если хочешь, – проворчала Сурт, – но я-то знаю: тут кроется какая-то жуткая тайна, и однажды в отдаленном будущем все закончится очень плохо.

– Как же хорошо, что нас сейчас не волнует отдаленное будущее. – Адрана перешла на холодный деловой тон. – Дай знать, как только решишь, что череп готов. Надеюсь, установка обойдется без проблем.

Сурт пробормотала что-то насчет «ихней светлости», но Адрана уже отправилась в нос корабля.

– Страм, – заговорила Адрана, улыбаясь, чтобы не встревожить подругу, протиравшую кружки на камбузе, – я вот что хочу...

Страмбли дернулась, как будто ее хлопнули по спине в темной комнате:

– Мне надо быть в обзорной рубке, Адрана?

– Нет, Сурт скоро закончит в комнате костей и пойдет сменить Меррикс. К тому же погода портится, теперь мы будем нести половину вахты. Я по другому поводу... Не могла бы ты на минутку зайти в комнату доброты?

У Страмбли опухли веки, отчего глазные яблоки как будто усохли, и разница в их размере, к которой все привыкли, сделалась очень заметной. Космоплавательница сосредоточенно надраивала кружку с крышкой, крепко сжимая ручку. Казалось, она размышляет, нельзя ли использовать шутовину в качестве дубинки. Затем возобладал какой-то более мудрый инстинкт и она отправила кружку на положенное место. Лязгнула магнитная защелка, и посудина замерла, защищенная от любых резких движений корабля.

– Доктор сказал, я могу брать любые лекарства, если буду в них нуждаться.

– Он решил, что тебя беспокоит ожог на ладони. Но дело было в другом, верно?

Адрана обещала Фуре поговорить со Страмбли. Но теперь сестра явилась сама и сказала, запустив металлическую руку в буйные черные кудри:

– Ладненько, Страм, сейчас мы пооткровенничаем и я узнаю, с чего вдруг тебя потянуло на воровство.

– Все не так, как кажется...

Они втроем отправились в комнату доброты, где Эддралдер измерял температуру Меггери. Врач поднял голову с рассеянным видом, как будто совершенно забыл о случившемся.

– Она говорит, что может объяснить кражу, – сказала Адрана.

– Кража есть кража, – отрезала Фура.

– Вообще-то, мы все – пираты. Может, не стоит спешить с осуждением Страм, пока мы не выслушали ее? Она не раз доказывала свою полезность для нашей команды. Не так ли, Фура?

Фура боролась, как будто перед ней поставили сложную математическую задачу.

– Ну... она вскрыла для нас много шарльеров... Без нее пришлось бы попотеть.

– А еще Страм хорошо держалась в Грохотуне и вообще всегда была толковой космоплавательницей.

Страмбли, внезапно охваченная тревогой, посмотрела на сестер:

– Вы что, собрались меня турнуть?

– Покажи ногу, Страмбли, – сказал Эддралдер мягко, но требовательно.

– Какую?

– Сама прекрасно знаешь.

Речь шла о ее левой ноге, которая пострадала от соскользнувшего клинка призрачников. Страмбли вытянула ее. Эддралдер взялся за край штанины и потянул вверх, обнажая голень.

– Нет ничего странного в том, что зажившая рана слегка пульсирует, – бормотала Страмбли. – Я чуть не отрубила себе большой палец в девяносто седьмом, и он все еще болит, когда становится сыро...

Но ее челюсть напряглась, как только Эддралдер открыл место травмы.

Адрана отвернулась – не хватило духу смотреть на такое.

– Теперь я понимаю, зачем тебе понадобилась мазь, – проговорил Эддралдер.

Рана от клинка призрачников была глубокой, но не широкой, и когда Страмбли оправилась после операции, проделанной в Колесе Стриззарди, остался только крошечный шрамик. Он все еще был заметен, но только как бледная царапина в гораздо более широкой области воспаления. По периметру красной опухоли виднелась корка засохшей мази.

– Ох, Страм... – Адрану захлестнула жалость, все упреки разом испарились. – Ты должна была обратиться к доктору, как только началось воспаление. Представляю, как тебе больно.

Страмбли поморщилась:

– Думала, само пройдет, нужно лишь немного мази.

– Ты же порезалась, – проговорила Фура после минутного замешательства. – Это был всего лишь несчастный случай.

– Я не порезалась! – отчеканила Страмбли. – Я не настолько неуклюжа. Нож сам повернулся в руке. Ой, да что я трачу дыхаль впустую... Тарахтела об этом с самого начала, но никто не соизволил прислушаться.

Адрана взяла Страмбли за руку:

– Страм испугалась, и я не виню ее за это. А кто бы не испугался?

– Мне очень стыдно, что я взяла мазь. – Голос Страмбли надломился, как будто скрытое напряжение наконец взяло верх. – Остаток верну. И вообще, толку от нее было мало. У меня все еще проблемы?

– Возможно, – сказала Фура.

Эддралдер улыбнулся. Его лицо не было приспособлено к такой мимике, и улыбка выглядела не более симпатично, чем лошадиный оскал.

– Сделаем все, что в наших силах, даю слово.

– Я знаю, о чем вы все думаете, – сказала Страмбли с вызовом. – Не говорите, но думаете. Мол, если у него ничего не выйдет, останется только один вариант. Но я не позволю! Он ее не отрежет!

Глава 7

Череп плавал в своей подпружиненной колыбели; освещение комнаты костей перекрасило его пеструю поверхность в равномерный бледно-красный цвет.

– Сурт потрудилась на славу, – сказала Адрана. – Я настояла на дополнительном заземлении. Это сослужит нам хорошую службу, если понадобится выйти в эфир во время солнечной бури.

– Он готов к применению?

– Она сказала, что надо бы дать ему пару часов на стабилизацию. Но я считаю, можно рискнуть прямо сейчас.

– Давай войдем, – решила Фура.

Она взяла Адрану за руку и повела ее через порог, как будто они шли в театр. Череп был больше, чем тот, что находился здесь раньше, и его пришлось обходить с осторожностью похитителей драгоценностей. Время от времени, поглощая энергию случайной встряски, пружины издавали тихий звук, будто хихикали.

Сестры обогнули череп, словно совершили кругосветное плавание.

– Закреть? – спросила Адрана, указывая на дверь.

– Да. Или как положено, или никак.

Адрана закрыла дверь и повернула штурвал замка, герметизируя помещение и отсекая все привычные корабельные звуки. Тем временем Фура воспользовалась панелью управления, чтобы приглушить внутреннее освещение. Комнаты костей всегда освещались электрическими или газовыми устройствами, а не световым плющом.

В темноте череп будто сделался еще больше. Сестры двигались вокруг него в противоположных направлениях, как две планеты на разных орбитах вокруг звезды. Кроме глазниц, были зловещего вида, в темных пятнах каналы, которые, возможно, когда-то служили органами слуха, или равновесия, или обоняния, хотя их расположение мешало об этом судить. Повсюду виднелись трещины и щели, появившиеся из-за возраста или небрежения и отремонтированные не так хорошо, чтобы сквозь них не проникал свет. Челюсть, как ни странно, осталась прикрепленной к черепу естественным образом. Во рту – баррикада тонких как иглы зубов. Над пастью высилась черепная коробка, в которой просверлили большую часть гнезд для подключения; она походила на переполненный почтовый мешок.

Внутри черепа посверкивало мигальное вещество, создавая образы, напоминающие окутанный туманом чудесный ночной город. Возможно, там еще сохранилась какая-то органическая ткань: тонкие, как паутина, нити – остатки кровеносных или нервных структур, – но для чтецов костей имела значение только мигальная материя как таковая. Она забыла или перешла грань разумного понимания того факта, что больше не встроена в совокупность живых клеток, что у нее больше нет мозга или разума, которым нужно служить.

Адрана отцепила нейронные мосты от стены. Один передала Фуре, а другой надела сама на коротко стриженную голову, опустив пониже. Фура закрепила свой мост и размотала контактный провод, зажав штекер пальцами.

По другую сторону черепа Адрана сделала то же самое.

– Одновременно?

– Почему бы и нет, – сказала Фура. – Мы умеем подключаться вдвоем, пусть большинство этого и не делает... Вопрос лишь в том, к одному гнезду или к двум? Надо было выпытать у кудрявого мальчишки лучший способ подключения к этому черепу. Он бы запирались не стал.

– То, что работало у их костянщика, не обязательно заработает у нас, – напомнила Адрана. – И никто не обещал, что мы обе получим оптимальный сигнал на одном и том же

входе. Я согласна, можно подключиться вдвоем, но думаю, надо начать как можно дальше друг от друга, а затем сойтись.

Фура немного поразмыслила, прежде чем кивнуть:

– Ладно. Я беру гнездо на лобной кости?

– Бери. Затылок мой.

Сестры колебались. Они были осторожны, даже напуганы. Но они были готовы к эксперименту.

Их штекеры вошли в гнезда с ясными синхронными щелчками полированного металла. Череп слегка покачнулся, но вскоре пружины успокоили его, и сестры последовали примеру. Очень осторожно Фура сомкнула веки, опустила затемняющие забрала нейронного моста – два щитка, как шоры, которые надевают на беговых собак, – и усилием воли погрузилась в состояние тревожной восприимчивости, уподобив сознание дому с распахнутыми дверями и окнами, словно приглашая призрачный ветер побродить по комнатам и коридорам.

У нее не было ни малейшего сомнения в том, что Адрана занимается тем же самым.

Она слышала дыхание сестры. Свое собственное дыхание.

И ничего кроме.

Тишина все длилась, но это ее не беспокоило – еще ни один череп не отдавал свои секреты без боя. Фура не видела Адрану, но ощущала ее неподвижность и понимала, что сестре тоже не сопутствует успех. На всякий случай они еще немного подождали, а потом, не сговариваясь, отключились одновременно. Череп покачнулся, затем еще и вновь, когда сестры подключились в разных точках, теперь ближе друг к другу. Фура уже запомнила расположение гнезд и могла подсоединяться на ощупь.

По-прежнему тишина.

И все-таки эта тишина несколько иного рода, пусть и непросто было бы описать словами разницу. Казалось, какие-то оттенки беззвучия или нюансы отсутствия отличали это гнездо от предыдущего. Все дело в том, что подключенные к нему провода соединялись с мигальным веществом по другим каналам, меняя нейронные сигналы, которые, в свою очередь, шли через нейронный мост прямо Фуру в голову.

А это что такое?..

Нет. По-прежнему пусто.

Одна на двоих интуиция заставила Фуру и Адрану разом переключиться на третьи узлы. Теперь сестер разделял только гребень на черепе.

Фура мгновенно уловила несущий сигнал. Мигальное вещество шептало ей о своей готовности посылать и принимать. В других черепах, на других кораблях, рассеянных по всему Собранию и граничащим с ним пространствам, крупницы активного мигального вещества должны были обнаружить внезапное появление новичка и, как следствие, отголоски двух обезьяньих разумов, связанных с ним.

– У меня кое-что есть, – пробормотала Фура.

Через мгновение Адрана сказала:

– У меня тоже. Пожалуй, можно прекратить. Мы убедились, что череп работает. Не стоит подвергаться ненужному риску.

– Я хочу знать, что этот череп может послужить источником разведанных. Один перехват, один осмысленный фрагмент переговоров – все, о чем я прошу. Если корабли этой эскадры сообщаются через черепа, я хочу знать намерения.

– Ты их и так знаешь. Какие еще доказательства нужны?

Череп покачнулся – это Адрана пыталась отключиться от гнезда.

– Подожди, – сказала Фура.

Что-то пришло вместе с несущим сигналом. Тишина, превосходящая тишину, ничто, высеченное из ничего, резная вязь пустот, в которых лингвистические способности мозга Фуры

не могли не обнаружить (даже если бы ей и хотелось все списать на утешительную случайность) признаки грамматики, речи и намерения.

И за всем этим витала тень личности – слабая, но отчетливая.

Я знаю, кто вы.

Тайное, слабое ласкающее присутствие вторглось в ее голову. Адрана подавила почти судорожный вздох. Она не отключилась полностью, и какая-то часть сообщения, должно быть, дошла до нее.

Я знаю, что вы сестры Несс. И я иду за вами.

Голос как шуруп вкручивался в висок. Фура очень хорошо понимала, что необходимо отключиться как можно скорее, но ее охватил странный паралич, похожий на сон. Казалось, конечности заключены в какую-то вязкую сопротивляющуюся среду.

Кто бы ты ни был, убирайся из моей головы.

Слишком поздно, сестра Несс. Я внутри. Я знаю вашу суть и знаю, что вы ближе, чем вам хотелось бы. Прочее – только вопрос времени. Осмелитесь ли вы бежать? А почему бы и нет? Это станет отличным развлечением.

Наконец она преодолела паралич и разорвала связь с черепом. Адрана отключилась в тот же момент, как будто и она побывала во власти пугающего оцепенения.

Фура сорвала с головы нейронный мост еще до того, как успела откинуть наглазники. Она теперь находилась вне черепа, физически отделена. Но все еще чувствовала голос и присутствие, словно гулкое эхо колокольного звона.

Не говоря ни слова, она вернула нейронный мост обратно на настенную стойку. Забрала мост у Адраны, положила рядом со своим. Восстановила прежнюю яркость освещения.

Сестры придвинулись друг к другу, взяли за руки – холодный металл и плоть, теплая плоть и металл – и крепко обнялись. Обе дрожали. Они соприкоснулись с чужим разумом всего лишь на несколько секунд, но это нежеланное общение их едва не сломило. Сестры держались друг за друга, пока дрожь не начала утихать, и когда гулкое эхо наконец исчезло, к ним отчасти вернулась способность нормально мыслить.

Адрана сглотнула.

– Я чувствовала через череп другие разумы. Твой разум. Те команды, за которыми мы следили. Даже бедного мистера Часко, пока мы его не сожгли.

– Я тоже это чувствовала, – кивнула Фура. – Бывали и очень странные голоса. Но такое впервые.

– Я была на связи с Часко, когда он умер. Хотелось бы мне это забыть. Но даже его смерть не потрясла меня так сильно, как этот тихий голосок.

– Он и впрямь тихий, – согласилась Фура. – И какой-то... высокий. Мне показалось, что к нам обращается не взрослый человек, а ребенок. Даже не подросток, как это было с нами.

– Мальчик, – кивнула Адрана.

– Маленький, хитрый, жестокий мальчик. Из тех, которые отрывают лапки живым существам, чтобы увидеть, как они корчатся. Он был внутри нас лишь несколько секунд, а мне теперь хочется выдрать череп изнутри, с отбеливателем.

Адрана крепче обняла Фуру. Сестры сжимали друг друга в объятиях, словно это могло изгнать из их разума последние отголоски нежеланного присутствия.

– Мы должны были знать, что этот день настанет, – сказала Адрана.

– Что за день?

– Когда мы встретим чтеца костей с талантом, равным нашему.

Раздался приглушенный стук в дверь. И это могло означать только одно.

Неприятности.

Сурт потеряла красные глаза, слезящиеся от постоянного глядения в окуляры телескопов.

– Учитывая то, что я видела, мне надо сейчас быть там.

– Нет уж, ты достаточно посидела на солнечном ветру, – возразил Лагганвор.

– Так он же стихает! В парусах не видать призрачных огней, и стрелки компасов не вертятся как сумасшедшие.

– Это просто затишье, если верить прогнозу. Тем не менее, пока оно держится, надо смотреть в оба. Я возьму следующую вахту в обзорной рубке, если никто не возражает.

– Пей. – Прозор протянула кружку подогретого кофе.

Сурт обхватила дрожащими пальцами ручку и прижала посудину к губам, приподняв крышку ровно настолько, чтобы можно было сделать глоток.

– Мы идем с максимально возможной скоростью?

– На всех парусах, – подтвердила Фура. – Из ловчей ткани и обычных. Однако не рискуем включить ионные двигатели. Если у нас засветится хвост, это будет видно за десятки тысяч лиг.

– Я видела парусную вспышку – Сурт трудно сглотнула и опять присосалась к кружке. – Большую и яркую, недалеко. Множество бликов. Я подумала, это они – ну, эскадра, – но сама поняла, что чушь какая-то получается. Я же в тот момент не смотрела в телескоп, и нате – вспышка, вся такая блестящая, как мигалка в этом вашем черепе.

– За кормой? – спросил Лагганвор, обматывая шею шарфом.

В обзорной рубке было холодно, а от любых обогревателей появлялся конденсат на линзах оптических приборов.

– Да, за кормой. Аккурат в том месте, где мы были считанные часы назад.

– Только одно там, позади, может дать парусную вспышку, – сказала Прозор, взлохматив волосы и встревоженно распахнув глаза. – Это «Веселая кобыла». Но они не могли пуститься в путь так скоро после нашего ухода.

– Мы дали им материалы, – напомнила Фура. – Возможно, это команда приводила паруса в порядок. Они вспыхивают при движении – например, когда их зашивают.

Взгляд Прозор был полон сомнения.

– Дело не в этом, детка, сама знаешь.

– Говоришь, это произошло внезапно? – спросила Адрана у Сурт.

Сурт кротко кивнула, как будто ее подвергали перекрестному допросу:

– Там ничего не было, и вдруг – бац! Это продлилось не меньше двух минут, а затем исчезло.

– То, что описала Сурт, – сказал Лагганвор, почесывая щетину, – похоже на корабль под обстрелом парус-сечью. Помните, как мы обездвигили «Веселую кобылу»? – Он сверкнул привычной самоуверенной улыбкой. – Пойду-ка взгляну, что там у них...

– Верранвелл решит, что мы нарушили слово, – проговорила Фура, глядя в спину Лагганвору, когда тот выходил из рубки.

Сурт немного согрелась.

– Как думаете, почему прекратился обстрел?

– Скорее всего, им нужно время, чтобы зарядить батареи. – Прозор, сделала паузу, чтобы надкусить черствую галету. – Или из-за дальнего расстояния слишком велика нагрузка и оружие должны остыть. Могут быть и другие причины. Мы даже не уверены, что это был залп парус-сечью.

Фура склонилась над подметалой, у нее аж руки чесались от желания дать локационный импульс. Она хотела узнать, что там, снаружи, находится и насколько близко оно теперь от «Мстительницы». Но Паладин предупредил, что в солнечной буре наступило затишье и какое-то время у них не будет безопасного укрытия.

– Это неправильно, – напряженно проговорила Фура. – Я не хотела подставить Верранвелла, превратить в мишень. Он должен был сообщить противной стороне, что они стреляют не по тому кораблю.

– Сложновато, не имея ни трещальника, ни черепа, – с иронией заметила Адрана.

Фура сурово посмотрела на нее:

– Ты бы предпочла, чтобы он всем растрезвонил о нас? Я неспроста забрала его игрушки, и я бы сделала это снова без колебаний. Нет здесь моей вины. Это... – ее пальцы согнулись, скрипя, как пружины в матрасе, – чья-то корпоративная халатность.

Адрана кивнула:

– Не сомневаюсь, это послужит отличным утешением для капитана Верранвелла в тот момент, когда он испустит дух.

– Но мы-то можем протрещать, – робко предложила Сурт, словно ожидая, что ей кто-нибудь врежет по физиономии за дерзость. – Всего разок? Объяснить, что они не за тех взялись? – Она переводила взгляд с одного лица на другое. – Мы же оторвались, верно? Можем выйти на связь, но при этом двигаться прежним курсом, и нас никто не догонит.

– Очень благородная идея. – Прозор сопровождала реплику понимающим взглядом. – Но я рискну предположить, что преследователи прекрасно знают, в кого они палят.

– Они не могут так поступать! – возмутилась Сурт.

На угловатом лице Прозор появилось стыдливое выражение, как будто ей предстояло объяснить ребенку весьма огорчительную истину.

– За этим стоят пистолы, Сурт. Банки и картели, инвестиционные дома и торговые палаты. Судходные компании. Теперь задай себе вопрос: когда это толстосумы проявляли заботу и сострадание к тому, кто стоял между ними и прибылью?

Фура энергично закивала:

– Это правда. Прозор знает это так же хорошо, как и любой из нас. И в случившемся виноваты они, а не мы. – В ее голосе зазвучала злая нотка. – Я хорошо обошлась с капитаном Верранвеллом – не обидела, сдержала слово. Это не делает меня ответственной за все остальные неудачи, которые могли случиться с разумником!

– Мы дали им слово! – возразила Сурт с такой же злостью, брызгая слюной. – Ты говорила не только за себя, когда давала обещания!

– Это уже в прош...

– А я про настоящее! – перебила Сурт. – И мне наплевать, почему эскадра стреляет, – мы должны сообщить ей, что это неправильно. Если закроем на это глаза, то окажемся ничем не лучше ведьмы, у которой забрали этот корабль!

Прозор явно расстроилась. Если только что она собиралась выложить неприятную правду, то теперь выглядела так, будто у нее выбили почву из-под ног.

– Может, стоит попробовать...

– Я думала, ты на моей стороне! – возмутилась Фура.

– Я не на твоей и не на ее стороне. Я на своей стороне, и моя сторона говорит, что Сурт, возможно, не ошибается. – Прозор по очереди посмотрела на сестер Несс: взгляд был пронзительный, как будто она взяла на себя роль их совести. – Я не говорю, что это поможет Верранвеллу или нам, но зато всем станет ясно, что мы играем не по правилам Босы Сеннен.

Из переговорного устройства донесся слабый голос Лагганвора:

– Сурт совершенно права. Я вижу несколько парусных вспышек, и это полностью соответствует координатам «Веселой кобылы». Ее снова обстреливают.

– Давай вернемся в комнату костей, – прошептала Адрана. – Одна передача, совсем коротенькая.

Фура тряхнула головой и скривилась так, будто откусила от чего-то протухшего.

– Я не дам этому пронырливому голоску еще одного шанса просверлить мне череп. И ты не дашь. Не раньше, чем мы будем готовы к такому контакту, а сейчас я себя готовой не чувствую.

– Тогда мы протрешим, что эскадра атаковала невиновную сторону. Сурт и Прозор правы: это именно то, чего не сделала бы Боса, и именно поэтому мы должны так поступить. А теперь давайте немного помолчим. Чем тише будет на корабле, тем больше сможет рассмотреть Лагганвор. Вдруг он заметит дульные вспышки.

В тишине обычные шумы корабля – жужжание его систем, свист рециркуляторов дышали, скрип и постанывание корпуса – сделались громче и резче. Даже тиканье секундомера Фуры приобрело едва уловимую злобную интонацию, похожую на бой военных барабанов. Она затаила дыхание – в подобной обстановке было трудно так не поступить. Она представила, как Лагганвор прикрепляет глаз к линзе, вынув его из глазницы и протерев шарфом, чтобы поплотнее прижать к окуляру и устранить любые помехи, вызываемые движением его собственного тела.

Послышался сигнал подметалы.

Пульт управления трижды громко тренькнул. Инстинктивно все повернулись к Фуре, но она находилась далеко от прибора, и никто другой к органам управления даже не притронулся.

На экране, очень близко к середине, прорисовалась фигура с рваными краями, похожая на смазанный отпечаток большого пальца.

– Дурак... – сказала Адрана.

Фура посмотрела на сестру:

– Он пытается подать сигнал бедствия единственным доступным способом.

Возможно, ее догадка была верна. Либо Верранвелл, столь откровенно выставляя себя на всеобщее обозрение с помощью подметалы, давал понять эскадре, что его корабль не является для нее законной добычей, что мирная «Веселая кобыла» абсолютно не приспособлена для отражения такой атаки.

Это не возымело никакого эффекта.

– Говорит Лагганвор, – раздалось из переговорной решетки как раз в тот момент, когда Фура решила, что пора бы ему что-то сказать. – Я видел вспышки на дуге сорок – сорок пять градусов. Они слабые, почти на пределе различимости для моего глаза, и их очень трудно заметить на фоне огней Собрания, но клянусь жизнью, мне не показалось.

– Обстрел продолжается? – спросила Адрана.

– Похоже на то. Я так понимаю, атакующие корабли стреляют один за другим, от края левого фланга до края правого, скоординированным образом. Должно быть, корабль делает залп всеми орудиями, а пока они остывают и перезаряжаются, отстреливается следующий корабль. Излишне уточнять, что для каждого залпа требуется отдельный комплекс вычислений, с учетом фактора времени и относительного перемещения, а это подразумевает превосходное согласование действий, не говоря уже о высоком качестве матчасти артиллерии и выучки прислуги. И все это делается при сохранении тишины в эфире, не прибегая к помощи подметалы...

– Да, спасибо, аж настроение поднялось, – раздраженно перебила Фура. – Лаг, давай ты не будешь сочинять для них рекламные тексты.

Подметала опять просигналил: три резких звука один за другим.

– Бесполезно, – сказала Адрана. – У них было время, чтобы засечь первую серию локационных сигналов и остудить оружие.

– Верранвелл может хоть от носа до кормы обвешаться белыми флагами, ему это не поможет, – сказала Прозор.

– Лагганвор, – позвала Фура.

– Слушаю.

– Мы пошлем один-единственный сигнал. Дадим знать, что они ошиблись кораблем.

– Бесполезно.

– Я знаю, но мы все равно это сделаем. Ты видел дульные вспышки. Как считаешь, эскадра ближе чем в десяти тысячах лиг?

– Немного дальше. Но пожалуйста, не ставь наши жизни в зависимость от этой оценки.

Фура отстегнула микрофон трещальника. Вытерла его, поднесла к губам и нажала на тангенту.

– Это капитан Несс с солнечного парусника «Мстительница». Вы атакуете ни в чем не повинный корабль, «Веселую кобылу» под командованием капитана Верранвелла. Я призываю вас прекратить огонь.

Она отпустила переключатель и уже хотела повесить микрофон рядом с панелью управления, когда динамик проскрежетал:

– Трещальник, капитан Несс? К чему такой примитив, когда в вашем распоряжении прекрасные кости?

Это был ровный, уверенный, высокий голос, и по его тембру Фура предположила, что он принадлежит молодому человеку, возможно, даже не по годам развитому подростку. Она никогда раньше не слышала этот голос, но сейчас с убийственной ясностью узнала волю, сквозившую в нем.

Это тот самый человек, который недавно вторгся в разумы сестер.

Она слушала, не перебивая.

– По правде говоря, я ожидал угроз и бахвальства. Неужели вам хватило здравого смысла понять, что ваша карта бита? Не на той вы дистанции, чтобы уйти, и не та у вас огневая мощь, чтобы сопротивляться. – Он коротко рассмеялся. – Что ж, неплохая попытка отвлечь нас от цели. Но если бы ни в чем не повинный, по вашим словам, корабль действительно был таковым, разве его экипаж не представился бы сам или не попытался заявить о своей невиновности посредством черепа?

Фура тяжело вздохнула. Она все еще держала в руке микрофон, и для ответа на анонимную передачу требовалось одно нажатие кнопки.

Ее подталкивали к ответу, она это знала.

– Не доставляй ему такого удовольствия, – прошептала Адрана.

Фура повесила микрофон на место:

– Не доставлю.

Однако высокий, раздражающе уверенный голос снова сверлом проник в ее мозг, так же безжалостно, как в комнате костей. Она не знала ни имени, ни лица говорившего, но воображение уже стремилось заполнить пустоту.

Случалось ли ей кого-нибудь презирать с такой силой, невзирая на расстояние?..

– Одной трещальной передачи мало, чтобы нас засечь, – сказала Фура. – Но вторая могла бы им помочь. Как думаете, этот человек... этот мальчишка говорил от имени всей эскадры?

– Он говорил «я», – ответила Адрана. – Точно так же, как через череп.

– Я заметила. – Пальцы снова скрипнули. Между ними была только дыхаль, но Фуре будто наяву слышался влажный хруст костей и сухожилий под нажимом металла. – По крайней мере, он взял ответственность на себя. Я рада. Не будет никакой двусмысленности.

– Когда не будет? – спросила Адрана.

– Когда мы встретимся, – сказала Фура. – Это обязательно случится, и все плохо кончится для пацана. Я выдерну ему хребет собственными руками и запихну ему же в пасть. Но прежде... у нас есть незаконченное дело с капитаном Верранвеллом. – Она повысила голос и с ухмылкой сообщила всем: – Это безумие, спорить не стану. Но это и прекрасное безумие. Последнее, чего от нас ждут, – это риска, который не принесет нам никакой пользы. Мы повернем!

Глава 8

Меггери чихнула. У нее слезились глаза, в носу щипало от нюхательной соли, которой, вняв уговорам Фуры, воспользовался Эддралдер. Даже когда женщина полностью пришла в сознание, ее конечности продолжали непроизвольно подергиваться. Угрюмая, с ввалившимися глазами, она походила на куклу, которую ребенок в истерике швырнул на пол.

– Где я?

– Сейчас объясню, – сказала Фура, отстранив Эддралдера и поднеся к губам Меггери кружку с крышкой. – Но есть условия.

– Плевать на твои условия. Просто скажи, где я.

Фура вздохнула с преувеличенным терпением:

– Я отвечу на все вопросы, но ты не должна перебивать или придирааться. Это избавит нас от многих неприятностей в долгосрочной перспективе.

Увитые синей паутиной татуировок руки Меггери лежали поверх тела, укрытого простыней и пристегнутого к койке. Фура коснулась одной из них, и Меггери вздрогнула, ощутив металл.

– Ты Меггери, – продолжила Фура. – Имя свое помнишь? Кивни, если да.

Меггери не кивнула, но ее глаза свирепо вспыхнули, и другого подтверждения не потребовалось.

– Хорошо. Начнем с главного. Ты была ионным мастером на корабле под названием «Веселая кобыла». – Фура сжала пальцы – жест влюбленной, которая доверяет некую тайну партнеру, – и ощутила грубый шрам на кисти, там, где у Меггери отсутствовал мизинец. – Я захватила ваш корабль, потому что надеялась добыть нужные мне вещи. Все прошло не так хорошо, как я рассчитывала. Ваши трюмы оказались почти пустыми, и – двойное невезение – тебя по ходу дела ранило. Я этого не хотела и не слишком рада случившемуся.

Меггери открыла рот, чтобы заговорить, но Фура отпустила ее руку и прикоснулась металлическим пальцем к губам раненой так быстро, словно придавила муху на лету.

– Я не Боса Сеннен. Я капитан Несс, как уже сказала по трещальнику, и я намеревалась взять только то, в чем нуждалась. Меггери, я пообещала твоему капитану две вещи. Во-первых, оставить ему все, что потребуется для исправления нанесенного ущерба. Во-вторых, позаботиться о пострадавших, и тут речь о тебе. Расскажи ей, Эддралдер, что произошло.

– Вы получили ожоги и сотрясение мозга.

– Да, – подхватила Фура, кивая с любезным видом. – И доктор Эддралдер, будучи преданным своему делу и добрым врачом, не позволил мне бросить тебя на произвол судьбы. Мы были вынуждены улететь, поэтому ты отправилась с нами на борту моего корабля, который зовется «Мстительница». Я намеревалась вернуть тебя Верранвеллу при первой же возможности. Мое намерение не изменилось.

– Тогда продолжай в том же духе.

– Так и сделаю, как только мы разберемся с новой трудностью. Ты помнишь, что по Собранию странствует некая эскадра? Ее еще называют эскадрой Инкассаторов-Защитников. Эти корабли ищут меня. Чтобы убить или захватить в плен, как получится.

– Не моя проблема.

– Верно... Точнее, было бы чудесно, окажись оно в самом деле так.

Меггери попыталась вырваться из оков, однако Эддралдер мягко положил руку ей на грудь:

– Пожалуйста, не надо. Ты все еще слаба, и ты все еще моя пациентка, и я совсем не готов снять с себя ответственность за твое благополучие.

– Они напали на «Веселую кобылу», – продолжила Фура. – Застигли обездвиженной и беззащитной, и все равно открыли огонь. Это не случайный огонь по своим, как бывает в бою. Они точно знали, что собой представляет твой корабль, и продолжали стрелять даже после того, как мы по трещальнику, рискуя подставиться, сообщили им об ошибке.

– К сожалению, – сказал доктор Эддралдер, – похоже, ошибки не было. Имело место намеренное нападение с целью удержать любые посторонние корабли от вмешательства в деятельность эскадры в будущем.

Голос Меггери от боли звучал хрипло:

– И каким же образом мы вмешались?

– Вы не вмешивались, – сказала Фура. – Не в прямом смысле слова. Твои друзья по экипажу занимались своими обычными делами. Эскадра, кто бы ею ни командовал, предпочитает иметь чистое поле боя. наших недругов раздражает необходимость проводить различие между невинными частными агентами и реальной целью, поэтому они решили этого не делать. Звучит чудовищно, но такова правда.

Меггери нахмурилась:

– Ты тоже напала на нас.

– Знаю, это тяжело. Но прошу тебя понять, чем отличаются наши действия от действий эскадры. Мы хотели оставить вас живыми и способными продолжить путь и поступили именно так. А вот им подобная щепетильность не свойственна. – Фура прижала руку к груди. – При-знаю, я пират. Даже не стыжусь этого слова. Чего уж там, я этим горжусь. – Она подняла металлическую руку, чтобы Меггери могла как следует полюбоваться ею. – Мне это дорого обошлось, но я не жалею. Я бы все повторила без колебаний ради того, что мне довелось увидеть и сделать. Однако я не убиваю без разбора и всегда беру ровно столько, сколько мне нужно. То, что сделали с твоей командой, – совсем другое дело, и я не позволю этому продолжаться. Мы возвращаемся к твоему кораблю – к тому, что от него осталось. Надеюсь, там есть выжившие, и если это так, ты с ними воссоединишься.

– Чтобы умереть?

– Как захочешь. Но я бы предложила альтернативу: присоединиться к нам.

Хмурый взгляд Меггери сменился испепеляюще-презрительным.

– Думаешь, я так легко перейду на другую сторону? Забуду свою родную команду и запишусь в ту, которая нас уничтожила?

– Ну что ты, вовсе нет. Я говорю о союзе: наши два корабля послужат общему делу. – Фура смягчила тон. – Мы вместе подлатаем «Веселую кобылу», сделаем ее лучше, чем была. Но вы не сможете вернуться домой. Инкассаторы такого не допустят после суда, который над вами свершили. Вас разыщут и заставят замолчать, вы и на миллион лиг не успеете отойти от Морозной Окраины. А если объединиться? Два хороших корабля – это сила, Меггери. Мы бы проворачивали дела, о каких ты и не мечтала... Правда, стоит взглянуть на эту перспективу хоть краешком глаза – и потеряешь покой. Я лишь начала воплощать задуманное в жизнь, а уже просыпаюсь по ночам в поту. Но я так или иначе доведу дело до конца, можешь не сомневаться. И тем не менее лучше иметь союзников, чем не иметь, и я не могу придумать лучшую отправную точку для их поиска, чем «Веселая кобыла» и ее команда.

Выслушав все это, Меггери несколько секунд размышляла. Затем она рассмеялась Фуру в лицо.

Фура повернулась к Эддралдеру:

– Проследите, чтобы ей было удобно.

Солнечная активность начала ослабевать, подметала и трещальник очистились от помех, и вахты в обзорной рубке возобновились. В связи с этим первый контакт «Мстительницы» с «Веселой кобылой» оказался визуальным, через один из самых мощных телескопов.

Постепенно приближаясь, «Мстительница» направляла на второй корабль все больше приборов. Но даже самая лучшая оптика и самое внимательное наблюдение ничего не могли подсказать насчет состояния команды.

Фура остановила парусник на расстоянии десяти тысяч лиг и приказала готовить катер.

– Я планирую путешествовать налегке. Меггери, конечно, возьму с собой, чтобы сгладить ситуацию. Проз может присоединиться – ее проницательность не бывает лишней, – и я полагаю, следует захватить Эддралдера и его зелья, хотя бы для того, чтобы подчеркнуть наши добрые намерения.

– Я тоже пойду, – решила Адрана. – Кто-то из нас или мы обе можем понадобиться для переговоров, и логично, если я буду с вами.

– Тогда «Мстительница» останется без присмотра.

– Нет, она останется в надежных руках наших друзей – Тиндуфа, Сурт, Меррикс и Страмбли, если дело дойдет до чрезвычайной ситуации.

– Ты забыла про Лагганвора.

– Не забыла. Он отправится с нами. Второго такого сообразительного дипломата в нашей команде нет.

– Кто-то посторонний мог бы предположить, – заметила Фура, – что ты просто не хочешь выпускать этого разумника из поля зрения.

Так или иначе, она знала, в какой момент надо признать свое поражение, – и он настал. Возможно, будет не так уж плохо иметь рядом Лагганвора, да и сестру – хотя Фура была полна решимости в этом не признаваться, – поскольку предстоящий разговор вызывал у нее серьезные опасения. Ведь случится обмен словами, а не снарядами.

Они отчалили.

Фура запустила двигатели и быстро преодолела десять тысяч лиг, замедлив ход только на последней сотне, когда катер уже начал пробираться сквозь лохмотья, в которые превратились снасти. «Веселая кобыла» хранила молчание: ни трещальной передачи, ни визуального приветствия, и никто не попытался проверить катер на прочность пульей, не говоря уже про снаряд. Фура вновь сбавила скорость на последних трех лигах, поскольку теперь катер был в пределах досягаемости любого ручного оружия, которое экипаж мог припрятать при абордаже. Но ничего не произошло.

Неужели все мертвы? Не исключено.

С шестисот пядей можно было разглядеть явные повреждения – намного серьезнее, чем оставленные «Мстительницей» шишки и синяки. В нескольких местах был пробит корпус, из ран все еще сочились струйки газа. Расколотые иллюминаторы, искореженные пластины обшивки, помятые или оторванные элементы механизма управления парусами. Фура пыталась вывести из строя этот небольшой корабль, чтобы сделать его легкой добычей, но у нее не было никакого интереса уничтожить его. А вот эскадра Инкассаторов-Защитников явно постаралась. Лишь тот факт, что стреляли с большого расстояния, спас «Веселую кобылу» от полного уничтожения.

– Меггери, – сказала она, поворачиваясь на своем посту управления, чтобы поговорить с заложницей, – я ее вижу. Боюсь, все очень плохо.

– Обойдусь без твоего сочувствия.

– Я в курсе и не буду тратить его впустую – ты и сама поступила бы так же, поменяйся мы ролями. – Фура достала смотровой камень и протянула его Меггери. – Тебе знакома эта штука. Мы с тобой отправляемся на борт «Веселой кобылы», поэтому неплохо заранее узнать, что там обнаружим. Взгляни, а потом поделись соображениями.

Меггери не спешила сомкнуть пальцы на смотровом камне.

– Насколько важна для тебя моя оценка?

– Сама подумай. Обе наши головы полетят с плеч, если твоя команда сделает неверный вывод о моих намерениях. Что вполне может случиться.

Меггери взяла смотровой камень четырьмя пальцами, что оставались на левой руке. Она шурилась и морщила лоб, сосредоточенно регулируя давление, то усиливая, то ослабляя нажим, наклоняя осколок дымчатого стекла на считанные градусы.

– Что видишь? – спросил Лагганвор, прижавшись щекой к щеке Меггери.

– Катастрофу, – ответила Меггери с безграничным презрением. – Или ты ожидал чего-то другого?

– Ситуация ухудшилась? – не отставал Лагганвор.

– А ты догадайся, – огрызнулась она, но потом перевела дух и продолжила, не выпуская из руки смотровой камень: – Вижу кое-кого из команды и признаки движения. Они живы.

– Могу я его одолжить? – спросил Лагганвор с улыбкой и протянул раскрытую ладонь.

Меггери вонзила в нее камень, чуть не до крови.

Лагганвор поморщился, но не перестал улыбаться. Он поднес смотровой камень к фальшивому сверхзоркому глазу, кивнул, пробормотал что-то утвердительное и вернул камень Меггери.

– Все верно. Я рассмотрел пятерых, включая того безногого парня. Они в носу корабля, а больше нигде ни души. Похоже, задняя секция разгерметизирована. «Веселая кобыла» серьезно пострадала, но вроде все не так плохо, как мы сперва решили. Такелаж и паруса спасти вряд ли удастся, но с запасными материалами, которые они не израсходовали, и с тем, что есть у нас, можно проделать кое-какой ремонт.

Меггери усмехнулась:

– Избавьте всех пятерых от страданий, а потом пристрелите меня. Окажите нам последнюю услугу.

Доктор Эддралдер, услышав эти слова, устало проворчал:

– Я бы не взялся помогать тебе, Меггери, если бы знал, что ты так невысоко ценишь собственную жизнь. Я потратил на тебя лекарства и силы, и я в тебя верил.

Что-то в его тоне приструнило ее.

– Я все еще хочу жить, ясно? Прежде мне жилось неплохо, хоть нам и не слишком везло. Но что толку дергаться в безнадежной ситуации.

– Меггери, – тихо, но с нажимом проговорил Лагганвор, – понимаю, ты винишь нас в случившемся, и отчасти мы действительно виноваты. – Он жестом указал на картину за иллюминаторами катера. – Но вот это произошло бы в любом случае.

Судя по глазам Меггери, она неистово просчитывала варианты. Рубцы на ее шее и нижней челюсти становились все более плотными и розовыми.

– Может, и так, – сказала она. – Но они были бы в лучшем положении. У них были бы рабочие паруса и неповрежденные ионные двигатели.

– Это лишь отдалило бы неизбежное, – стоял на своем Лагганвор. – Ты все понимаешь, Меггери. Дюжина против одного. Цивилизация – привычная нам дружелюбная, надежная абстракция – наконец оскалила зубы и показала, что она есть на самом деле. – Он смягчил тон, как будто они с Меггери были приятелями, утешающими друг друга после неудачных собачьих бегов. – Теперь ты знаешь горькую правду.

Доктор Эддралдер сказал:

– Пусть она уйдет, как свободный человек. Не заложница, не пленница и даже не пациентка. Я освобождаю Меггери от медицинской опеки. В этом уже нет нужды, теперь с ней все будет в порядке.

На лице Лагганвора последовательно отразились сомнение, равнодушие, согласие и наконец толика печали.

– Чтобы подтвердить свои намерения, мы должны отправить ее туда одну. Дадим ей скафандр, и пусть она говорит от нашего имени, без принуждения. Более честного способа предложить перемирие не существует.

Наступила тишина. Фура посмотрела на Лагганвора, затем на свою заложницу – заложницу, которую собиралась отпустить.

– Я сделаю это, – тихо сказала Меггери. – Выскажусь от вашего имени. Но это будет стоить вам смотрового камня.

Прижавшись к иллюминаторам, они смотрели, как Меггери плывет к другому кораблю. Ее не пришлось обучать ношению скафандра, наспех собранного по фигуре, и она ничуть не страшилась перспективы выйти в открытый космос. Она позволила присоединить к ее скафандру трос, чтобы можно было оттащить ее обратно на катер, если случится беда, но Фура почти не сомневалась, что бывшая заложница справится и собственными усилиями. Ей дали такелажный нож, чтобы выпутываться из парящих вокруг лохмотьев парусины, и переносной трещальник. Нож остался прикрепленным к бедру, а трещальник она выключила, как только покинула шлюз, и Фура ничего не могла с этим поделать – только кипятиться.

– Черт бы ее побрал!..

– Признайтесь, – сказал Эддралдер, – если бы вы собирались вести переговоры, от результата которых зависит выживание всей команды, то предпочли бы обойтись без посторонних. Я прав?

– Это не улучшит ее настроения, – доверительно сообщила Прозор.

– А что могло бы улучшить? – спросил Эддралдер, поворачиваясь к ней.

– Кажется, это риторический вопрос, – пробормотал Лагганвор.

Меггери пробиралась сквозь рыхлый дрейфующий лес изувеченных снастей, время от времени исчезая за тем или иным препятствием. Фура пристально наблюдала за ней, готовая к уловкам. Пока не было заметно никаких признаков предательства, но Фура была далека от уверенности в намерениях Меггери.

Что-то беспокойно поскрипывало, и она поняла: это ее кулак сжимается и разжимается, скрипя, как ржавые ворота.

Меггери добралась до «Веселой кобылы», ее магнитные подошвы сцепились с корпусом. Конечно, люди внутри это почувствовали. Даже если они не знали, что катер так близко, сейчас им стало ясно: явились гости, дружелюбные или нет.

– Жаль, никто из нас не додумался взять с собой второй кусок смотрового камня, – сказал Лагганвор.

– Жаль, что я позволила ей забрать единственный хороший кусок, который у нас был, – парировала Фура. – Ну и ладно. Если придется убить их всех, по крайней мере, я буду знать ради чего.

– Не завидую безногому разумнику, которому придется приводить паруса в порядок, – сказала Прозор. – На это уйдет не меньше недели, даже если у него будут помощники и материалы.

– Сдается мне, нам нежелательно задерживаться тут и на день, что уж говорить о неделе, – заметил Эддралдер.

Меггери теперь казалась крошечной; она продвигалась вдоль изгиба корпуса методичной усталой походкой, привычной для любого, кто достаточно долго носил скафандр. Положившись на магнитные подошвы, она отстегнула трос и приблизилась к иллюминатору камбуза, большому «глазу» с крестовидной рамой, сквозь который изливалось бледное сияние больного светового плюща. Меггери остановилась у иллюминатора и опустила на колени, чтобы визор оказался как можно ближе к стеклу.

За стеклом мелькали лица, слишком маленькие, чтобы их можно было узнать. Казалось, Меггери молится у светящегося бассейна, до краев наполненного призраками. Она явно прижималась шлемом к стеклу, чтобы ее худо-бедно слышали на борту. Понять, о чем разговор, было невозможно, но время от времени Меггери подкрепляла какое-нибудь слово или фразу четким экононым жестом. Как и у всех экипажей, которые не тратили дыхаль впустую, у команды «Веселой кобылы» выработался безмолвный словарь на те случаи, когда обычные средства связи были недоступны.

– Я не вижу Верранвелла, – сказала Фура.

– Я тоже, – тихо произнес Лагганвор. – Это странно. Стоило предположить, что капитан возьмет такие переговоры на себя.

Меггери оттолкнулась от окна камбуза и направилась в переднюю часть корабля, к челюстям, которые смыкались над катером. Челюсти медленно раскрывались, демонстрируя расширяющуюся пасть. Это был очень неспешный процесс, как будто их раздвигали вручную.

Меггери подошла к самому краю верхней челюсти, а когда отверстие стало достаточно широким, забралась внутрь. Как только она исчезла из вида, челюсти снова начали смыкаться.

Корабль хранил молчание и неподвижность. Лица отстранились от стекла, и теперь не было видно никаких признаков жизни.

– К счастью, я прихватила колоду. – Прозор полезла в карман. – В картишки перекинемся?

Лагганвор проигнорировал ее.

– Должно быть, это единственный способ входить и выходить, не выпуская из корабля оставшуюся дыхаль. Я полагаю, дебаты уже начались. Сейчас мы ничего не можем поделать: либо она отстоит нашу позицию, либо нет.

– Если последнее, – сказала Фура, вынимая часы и засекая время, – то им крышка. Я не собираюсь торчать здесь и выкручивать им руки. А еще я не собираюсь здесь задерживаться.

– Мы сказали Меггери, что поможем, – напомнил Лагганвор.

– И поможем, если они согласятся. У нас большая рабочая площадь парусов, запасные снасти и почти пустые трюмы.

Он улыбнулся, угадав ее намерение.

– Ты хочешь привязать их корпус к нашему. Два корабля под одним комплектом парусов. И можно будет на досуге заняться ремонтом...

– Я бы не употребляла слово «досуг» так легкомысленно, – заметила Фура.

Когда включился трещальник, она чуть не вздрогнула от неожиданности. Прошло пять минут с того момента, как Меггери вошла внутрь, и за это время можно было лишь быстренько обменяться мнениями, а не обсудить ситуацию в подробностях, как она того заслуживала.

Фура нажала большим пальцем на кнопку:

– Меггери, как мило с твоей стороны выйти на связь. Чем могу быть полезна?

– Это капитан Верранвелл, – последовал ответ, прозвучавший слабее, чем она ожидала. – Мы с Меггери... побеседовали. – Он ненадолго замолчал, и Фура как будто услышала стон или хрип, прежде чем он продолжил. – После всего, что вы с нами сделали, у тебя хватает... безрассудства... предлагать условия сотрудничества?

– Называйте как хотите, – сказала Фура весело и игриво, словно торговалась из-за цены на апельсины. – Насколько я понимаю, у вас не так уж много вариантов. Ваш корабль выглядит так, словно прошел через мясорубку, и чтобы все исправить, пары вахт недостаточно. На протяжении ремонта «Веселая кобыла» будет болтаться тут, разве что без транспаранта «Придите и добейте нас».

Снова этот хрип... и что-то еще, как будто в легких двигалась жидкость.

– И что ты предлагаешь? Чтобы мы просто согласились и...

– Мы возьмем ваш корабль на буксир и в пути его починим – будет как новенький. Вы узнали нас с плохой стороны, когда мы взяли вас на abordaj, но есть и хорошая сторона – Меггери подтвердит. Мы же позаботились о ней, ты убедился? Мы сдержали слово?

Последовала пауза, а потом он ответил:

– Приходи сюда. Только ты одна.

Глава 9

Фура пристегнулась и направилась к большому кораблю. Ей потребовалось всего тридцать секунд на переход, и она не зацепилась за трос или парусину и оказалась в правильном положении, чтобы приземлиться на ноги. Магнитные подошвы мгновенно прикрепились к корпусу, ударная волна поднялась по скафандру до самых колен. Что ж, по крайней мере, никто не заявит, что она подкралась без предупреждения.

Фура протопала мимо окна камбуза, лишь искоса взглянув на лица за стеклом. Она понимала, что находится в чрезвычайно уязвимом положении гостя, к которой хозяева не испытывают теплых чувств. На нее могли нацелить небольшую гаусс-пушку, высунуть арбалет из шлюза или иллюминатора с откидной крышкой и даже воспользоваться механизмом управления парусами, чтобы хлестнуть ее канатом тройной свивки, что имело бы такие же плачевные последствия для здоровья, как удар клинка призрачников или выстрел энергетическим лучом.

Но даже если ей желали зла – а Фура еще не была готова отбросить это предположение, – у них имелись крайне ограниченные средства. Скудная коллекция гаусс-пушек предназначалась для обороны на дальнем расстоянии, а не для удаления струпов с собственного корпуса. Главные шлюзы вышли из строя из-за потери давления в большей части корабля. Механизм управления парусами, возможно, работал, но сейчас из-за путаницы снастей не представлял угрозы.

И все же Фура была на взводе, потому что в речи капитана Верранвелла не сквозило дружелюбие, хотя он, несомненно, понимал, что спасется, лишь присоединившись к ней, и все потеряет, если отвергнет ее предложение.

Челюсти раскрывались, и к тому моменту, когда Фура добралась до них, щель расширилась достаточно, чтобы можно было протиснуться – но из-за ранца и нагрудной пластины это стоило немалого труда. Потребовалось бы лишь чуть-чуть уменьшить зазор, чтобы Фура застряла, и челюсти продолжили бы смыкаться с бездушной неторопливостью, пока не раздавили бы ее. Однако, если таков их план, он не сработал: челюсти начали закрываться лишь после того, как она благополучно проникла в стыковочный отсек.

Он был очень похож на стыковочный отсек «Мстительницы». Фура увидела ракетный катер с помятыми носом и хвостовым оперением, но в остальном исправный, а также детали скафандров, инструменты и баллоны с дыхалью. Ей вдруг подумалось, что теперь эта обстановка для нее привычна и даже гостеприимна, а ведь не так давно подобные вещи казались загадочными и чуждыми.

В глубине отсека ее ждали. Она сразу узнала Ласлинга по скафандру, который заканчивался на уровне колен. В невесомости отсутствие нижних конечностей совсем не мешало этому космоплавателю. Он махнул рукой резко и нетерпеливо, как будто Фура неприлично опоздала на встречу.

Она последовала за Ласлингом в громоздкий шлюз, где он молча осмотрел ее и убедился, что она не пронесла на борт оружие. Тем временем вакуум вокруг них был заменен на дыхаль, и они смогли пройти в обитаемую часть «Веселой кобылы». Ласлинг привел Фуру на камбуз, где собрались остальные. Их лица были угрюмы.

Ласлинг расстегнул шлем и, кряхтя, снял его с шейного крепежного кольца, смазанного черным как смоль герметиком.

– Похоже, она чиста. Если ей хватило глупости принести клинок призрачников, я его не нашел.

– У нее много качеств, – сказал капитан Верранвелл и сделал паузу, чтобы тыльной стороной кисти стереть пену с губ. – Но вроде глупость не входит в их число.

Он сидел в кресле пристегнутый, несмотря на невесомость, и достаточно было одного взгляда, чтобы понять: долго не протянет. Рубашка была расстегнута до пояса, одной рукой он прижимал к груди ворох окровавленных бинтов и тампонов. Под ними была рана, которая хлопала при каждом тяжелом вздохе.

– Что с вами случилось? – спросила Фура.

Его губы растянулись невеселой улыбке.

– Угадайте. Двадцати попыток хватит?

– Это не наших рук дело.

– Но вы и не помогли.

– Эддралдер на катере. Он может прибыть через несколько минут. Он помог Меггери...

– Для меня поздноват, капитан Несс. – На лице Верранвелла снова мелькнула улыбка, и на этот раз в ней было еще меньше юмора и еще больше боли. – Снаряд задел бортовой стрингер. И пробил дыру в корпусе, но мне сильнее досталось от стрингера. Щепка отлетела быстрее арбалетного болта и вошла мне в грудь. Сердце не задела, но я не уверен, что это можно считать везением.

– Меггери, – сказала Фура, встретившись взглядом с бывшей заложницей, – скажи ему, что Эддралдер способен помочь.

– Нет, – отрезала Меггери. – Я видела рану. Щепка пробила легкое, раздробила несколько ребер, и у него сильное кровотечение, не говоря уже о том, что обломки стрингера застряли глубоко внутри.

– У Меггери есть одно безусловное достоинство, – проговорил Верранвелл. – Она не приукрашивает свои отчеты.

Он закашлялся с ужасным влажным звуком – словно щебенку перемешивали в ведре с цементным раствором, – но благодаря поразительной силе воли сумел продолжить:

– Меггери говорит, ты хочешь обсудить союз. По ее словам, вы готовы помочь нам с ремонтом корабля – и мы тоже должны перейти на другую сторону закона.

– Вы уже там, – ответила Фура, – нравится вам это или нет. Присоединяйтесь к нам, и не будете одиноки. Мы защитим друг друга и извлечем пользу из нашего общего опыта, даю слово.

– Это и есть твое обещание? – спросил Верранвелл.

– Это все, что у меня есть.

Коссел, женщина со шрамами на скулах, сказала:

– Ей сейчас выгодно с нами сотрудничать. А когда мы перестанем приносить пользу, от наших шансов на выживание мало что останется.

– Она сдержит слово, – сказала Меггери, прижимая обрубок пальца к огрубевшей ткани ожога, – она сняла шлем, и все видели рубцы. – Может, на этом все и закончится, но то, что обещано, будет выполнено.

– Тебе точно ничего не подсыпали в лекарства? – спросил похожий на хорька мужчина.

Фура вспомнила свой первый визит на борт «Веселой кобылы»: его звали Вуга, и был он интегратором.

– Я ее поняла, – сказала Меггери.

Ласлинг слизнул каплю смазки с большого пальца, потом уставился на него, слегка скосив глаза к приплюснутому носу.

– Проведя несколько часов в ее обществе?

– Я не ручаюсь за нее, – продолжила Меггери. – И за остальных тоже. Я просто говорю, что ей нужны все мы, а не только голые ребра этого корабля. Корабль без команды ей вообще ни к чему, а на «Мстительнице» народу едва хватает, чтобы справляться с одним парусником, что уж говорить про два. – Она помолчала, всматриваясь в лица своих товарищей, а по лицу Фуры лишь скользнула взглядом. – Я многое о ней узнала благодаря Эддралдеру, костоправу. Он и его дочь были добры ко мне. Если они не врут, их занесло на «Мстительницу» случайно.

– Про дока одно скажу, – подал голос Ласлинг. – Мазь, которую он нам оставил, и впрямь хороша – культы уже не так болят.

– Не знала, что твою преданность настолько легко купить, – съязвила Коссел.

– Вовсе нет. Не знаю, что он за человек, но врач неплохой, это уж точно.

– Этого недостаточно, чтобы присоединиться к ним, – сказал Коссел. Затем обратился к Рутеру: – А ну, пискни что-нибудь. Ты тоже должен сказать пару слов.

Кудрявый парнишка, самый младший в команде, посмотрел на капитана:

– Могу я говорить откровенно, сэр?

Верранвелл хрипло выдохнул, прежде чем ответить, и казалось, теперь слова даются ему еще труднее.

– Парень, я доверял тебе наши оперативные секреты, так что самое меньшее, что могу сделать сейчас, это выслушать твое мнение.

Рутер сглотнул, прежде чем продолжить. Его глаза блестели.

– Я ждал смерти дважды. Один раз, когда они на нас напали, и еще раз, когда начался обстрел. Я струсил, сэр, здорово струсил. Даже наш старый череп со всеми его причудами никогда меня так не пугал.

Ласлинг медленно кивнул:

– В этом нет ничего постыдного.

– Но вот в чем дело, – продолжил Рутер, не отрывая взгляда от капитана, которого, как теперь поняла Фура, он любил как отца. – Она ограбила нас, забрала то, в чем нуждалась, но сделала это честно и потом хорошо обошлась с Меггери. Это вовсе не значит, что она и ее команда поступили правильно. Но уж лучше так, чем когда в тебя стреляют без всякой причины, потому что ты оказался досадной помехой и подходящей мишенью для гаусс-пушек. Я могу ненавидеть ее, – кивнул он на Фуру, – но это лишь десятая часть того, что я чувствую к этим мерзавцам, ведь они даже не попытались вникнуть в ситуацию, не говоря уже об извинениях.

– И с вами, и с нами поступили несправедливо, – сказала Фура. – Вы пострадали больше всех, капитан Верранвелл, и я признаю свою долю вины. Думаю, вы тоже слышали ту трещальную передачу, – похоже, говорил командующий эскадрой.

– Ты о юном джентльмене, у которого есть идеи, не подобающие его положению?

– Я бы не стала называть его джентльменом.

– И я не стану. – У Верранвелла слабо блеснули глаза, как будто наконец у него и Фуры нашлось нечто общее, основа, на которой в других обстоятельствах могла бы зародиться дружба. – Однако он далеко не бездарен, раз добился такого поста.

– Как бы ни был талантлив этот тип, для меня он все равно что тряпка, которой вытирают обувь. Мы с сестрой слушали его через череп – да, ваш череп. Он недурной костянщик и по совместительству мелкое дерьмо.

Рутер запустил пальцы в свою шевелюру там, где лежала седая полоса.

– Я его через череп не слушал, но мы, костянщики, по возможности обмениваемся новостями.

– Продолжай, парень, – сказал Верранвелл.

– В последний раз, когда мы были в порту, я узнал, что некий молодой человек быстро поднялся в службе охраны торговых путей. Он необычайно уверен в себе, и его волнует только карьера. Говорили, что он уже обзавелся врагами среди сослуживцев и не только. Парень идет по головам, и ему плевать, что его не любят. Очень здорово разбирается в гаусс-пушках, навигации и тактике, но это еще не все: он еще и костянщик, причем блестящий, умеет и просто посылать, и давить, выжимая нужную информацию. – Рутер прикусил губу, на мгновение пожалев о своей откровенности. – Вероятно, это ерунда, сэр; мне не стоило выпендриваться, пересказывая слухи.

– Наверное, в этих слухах что-то есть, мальчик, – сказал Верранвелл, и в его голосе было больше доброты, чем убежденности.

– Как его зовут, знаешь? – резко спросила Фура.

– Может, и слышал, но надо покопаться в памяти; я лишь запомнил, что этот разумник бывает очень хладнокровным и презирает себе подобных, а все прочее выкинул из головы.

– Вот и молодец. – Верранвелл похлопал Рутера по плечу.

– Что ж, мы сошлись во мнениях насчет этого субъекта, – сказала Фура. – Если эскадрой командует он, нет сомнений, что она и дальше будет действовать так, словно в Собрании нет единого для всех закона. Мне бы хотелось, Рутер, чтобы ты вспомнил его имя.

– Если вспомню, скажу.

– Хорошо. И я надеюсь, что все вы согласитесь: раз этот выскочка и впрямь контролирует ситуацию, нам придется позаботиться друг о друге, чтобы выжить, не говоря уже о восстановлении справедливости.

– И что именно ты предлагаешь? – спросила Коссел. – Ты, кровожадная пиратка-убийца, которая уже наплевала на верховенство закона?

– Я верю в закон, – серьезно сказала Фура. – Просто это не тот закон, который нам пытаются сейчас навязать. И я бы не спешила губить цивилизацию, даже будь это в моих силах. – Она кивнула в том направлении, где, по ее прикидкам, находилось Собрание. – Слишком уж она мне нравится. И я знаю, что там есть честные разумники, которые много трудились и никому не делали зла, и они не заслуживают того, чтобы миры у них под ногами начали рушиться. Так что в мои намерения не входит разбить все вдребезги или хотя бы перерезать глотку тем, кто этого достоин. Но оставлять все как есть нельзя.

– Еще раз. – Коссел, похоже, теряла терпение. – Что ты предлагаешь?

– Равноправное сотрудничество. Совместную деятельность. Не обязательно летать рядом, но надо присматривать друг за другом.

Собеседники Фуры обменялись взглядами. Глаза Верранвелла, прищуренные от усталости, выражали в равной степени веселье и скепсис.

– И как именно будет выглядеть это сотрудничество?

– Я попрошу моего робота составить договор, – сказала Фура. – Наверняка есть вещи, из-за которых придется спорить. Но из моей обзорной рубки видно, что у нас гораздо больше общего, чем вы думаете.

– Твой робот разбирается в юриспруденции? – спросил Верранвелл.

Он разразился кашлем, кровь вспенилась между зубами, но мягко оттолкнул Рутера, когда тот прижался к нему. – Успокойся, малый, теперь уже ничего не поделаешь. Просто я никогда не слышал о роботе, который умеет не только подметать полы.

– С роботом или без робота, – сказал Ласлинг, ковыряя ногтем в руинах зубов, – мне все это не нравится. Однако не могу сказать, что я в восторге от других перспектив. Возможно, если мы все-таки объединимся и этот доктор еще разок взглянет на меня...

– Взглянет, – твердо сказала Фура. – Что бы ни случилось с любым из вас, он будет вашим врачом в той же степени, что и нашим.

– Значит, на равных условиях? – спросил Вуга, приподняв бровь.

Фура кивнула:

– Надо подготовить договор.

– Что ж, можно начать прямо сейчас, – сказал интегратор с алчным блеском в глазах. – Добыча в вашем трюме. То, что вы отняли у нас, и то, что отняли у других. Хотим половину.

– То, что мы у вас забрали, – сказала Фура, – не наполнило бы и кукольный наперсток. – Затем она беззаботно пожала плечами. – Конечно, поделим поровну. Честное партнерство – я бы на другое и не согласилась. Когда мы соединим корпуса, сможем переходить туда-сюда, по-соседски.

Коссел поморщилась:

– Никогда не умела ладить с соседями.

– Вы с сестрой вместе капитанствуете? – хрипло произнес Верранвелл.

– Да, сэр.

– И ты оцениваешь ее способности так же высоко, как и свои собственные?

Остальные начали переглядываться, не понимая, к чему клонит Верранвелл.

– Да, – выразительно кивнула Фура. – Она такая же упорная и решительная, как и я, и очень хорошо приспособилась к новой жизни. У нас разные методы, мы этого не отрицаем, но я всегда уважала Адрану.

– Должно быть, нелегко разделять обязанности на одном корабле.

– Мы справляемся. Не скажу, что не ссоримся, и все же... Короче, мы любим друг друга и хотим одного и того же для нашей команды, и теперь это распространяется на вас.

– Я вот-вот умру, – сказал Верранвелл.

– Еще можно вызвать Эддралдера, он даст медицинское заключение...

– Которое ничего не изменит. Меггери, расскажи ей о том, что мы обсуждали, прежде чем она пришла сюда.

– На корабле не хватает рабочих рук, – сказала Меггери. – Это с тех пор, как мы потеряли Айвза и Монсера. Теперь вот-вот останемся без капитана.

– Меггери не хочет этой должности, – сказал Верранвелл. – Ласлинг, Коссел и Вуга тоже. Рутер слишком молод. И вообще каждый из них накрепко привязан к своей специализации, и вряд ли можно их за это винить. – Судя по лицу, он вспомнил о чем-то приятном – возможно, последний раз в жизни. – Сам таким был, когда мне пришлось сменить капитана Халигана. Меня от парусов буквально оторвали.

– Почему вы согласились? – спросила Фура.

– Потому что не было более подходящей кандидатуры. Ну так вот, меня вдруг осенило: твой корабль сейчас перегружен капитанами. – Он собрался с силами, чтобы продолжить. – Сестры Несс сильны и толковы, иначе они не зашли бы так далеко. Одна из вас станет отличной заменой мне.

Фура покачала головой, отвергая эту идею, прежде чем она успела укорениться:

– Ваша команда не примет нас.

– Примет, если я попрошу. У меня есть выбор, капитан Несс: либо я назначаю замену, либо рискую тем, что трения и подозрения разорвут мой экипаж на части – а возможно, и твой заодно. Итак, я заявляю: одна из сестер Несс получит мой корабль и команда будет ей верно служить.

Фура повернулась к Меггери:

– Ты согласна?

– Таково желание капитана. А значит, мы подчинимся. Вряд ли ты можешь рассчитывать на мою привязанность или благодарность, но я буду верна тебе, как и все остальные разумники на этом корабле.

– Я... не знаю, что сказать.

– Значит, мое предложение принято? – спросил Верранвелл.

Жуткий хлопающий звук, который доносился из его груди, теперь звучал размеренно и гулко, как будто рождался в пещере – в некоей запретной полости, куда не в силах проникнуть ни один хирург в Собрании.

– Хорошо, – сказала Фура. – Одна из нас возглавит этот корабль.

– Вот и... славно, – ответил Верранвелл. – Это... меня очень утешает, капитан Несс. Есть только одно предварительное условие – назовем его авансовым платежом, на котором по требованию Меггери я буду настаивать...

Лицевой щит Фуры покрылся конденсатом и стал похож на матовое стекло. Такое же, в высоких и узких окнах по бокам парадной двери их дома в Мазариле, превращало торговцев в пазлы из ломаных фигур разного цвета и формы. Прозор тоже превратилась в пазл, чьи фрагменты состыковались не слишком точно. Она вытащила Фуру из шлюза в главный отсек катера, а затем помогла снять истекающий потом и конденсатом шлем. Фура набрала полную грудь относительно свежей дышали.

– Раз ты вернулась, это должно что-то значить, – сказала Адрана.

– Мы ожидали, что ты будешь молчать, но не так же долго, – прибавил Лагганвор.

– Я оставила им свой трещальник, – сказала Фура между прерывистыми вздохами. – Мы снабдим их чем-нибудь получше... но в краткосрочной перспективе этого хватит для связи. Только до тех пор, пока не придумаем, как сблизить наши корабли.

– Значит... они согласны? – спросила Адрана. – Несмотря на все, что было, они согласились?

– Им потребовалось некоторое... время, чтобы определиться. – Она втянула еще дышали, пытаясь вернуть работу легких в более-менее приличный ритм. – Верранвелл умер. Он был еще жив, когда я туда пришла.

Лагганвор приподнял бровь:

– Переговоры прошли так плохо?

– Он был смертельно ранен при обстреле, и мы ничем не смогли бы помочь. Он... принял мое предложение. Команда согласилась на буксировку и нашу помощь в ремонте. Надо поскорее составить договор. – Фура поморщилась от внезапной острой боли. – Таким образом, у нас появится возможность выдать себя... за два непричастных корабля... которые случайно пришли из Пустоши.

Адрана переглянулась с Прозор:

– С какой целью?

– Я что-нибудь придумаю. – Фура все еще дышала учащенно, сжимая челюсти от боли. Та была сильнее, чем ожидалось, но все же достаточно терпима, раз позволяла отвлечься на разговор. – Страмли – моя главная забота. От того, как у нее пойдут дела, будут зависеть любые действия, на которые я... мы решимся.

– Что с рукой? – спросила Адрана.

Фура прижимала искусственную руку к груди, стиснув кулак так сильно, что рисковала проткнуть металлическими ногтями ладонь.

– Покажи нам, детка. – Прозор осторожно взяла ее руку и отведя от груди.

Но кулак все еще был сжат, и никакой обезьяньей силы не хватило бы, чтобы распрямить эти пальцы. Прозор дотронулась до кулака, вызвав новый приступ боли у Фуры и вымазав пальцы чем-то похожим на сопли. Она осторожно понюхала это вещество.

– У нее идет кровь... Что-то вроде крови.

Доктор Эддралдер протолкался через небольшую компанию:

– Что случилось?

– Покажи ему, – сказала Прозор, кладя одну руку на плечо Фуры, а другую на ее локоть. – Рано или поздно придется это сделать, так что лучше разобраться прямо сейчас.

Фура знала, что это правда, однако лишь прижимая кулак к груди она могла сдерживать боль на приемлемом уровне. И он ей был необходим, этот приемлемый уровень. Капитан Несс стиснула зубы и с рычанием раздвинула пальцы. Потребовалась вся воля, чтобы их полностью разогнуть. Боль саданула, рычание перешло в мучительный стон. Маслянистая жидкость, которая испачкала руку Прозор, начала свободно сочиться и пузыриться. Это был какой-то жидкий компонент протеза, о существовании которого Фура не подозревала.

– Ох, Фура... – сказала Адрана.

Лагганвор схватил тряпку и прижал ее к источнику утечки.

– Держи открытой, – скомандовал он.

– Что они с вами сделали? – спросил Эддралдер.

Фура заставила себя посмотреть. Она лишилась пальца. Мизинец был вырван – осталась лишь дыра с неровными краями там, где он присоединялся к ладони. Вот откуда размеренно была жидкость, как будто в ритме ее собственного сердцебиения.

Боль нарастала и спадала в том же ритме.

С изумлением Фура обнаружила, что способна терпеть.

– Это не насилие... Я сама согласилась. Это всего лишь... небольшое сведение счетов.

– Чем они это сделали? – спросила Адрана, забирая у Лагганвора тряпку, пропитавшуюся зеленой жидкостью. – Похоже, клещами.

Фура ответила, заставляя себя дышать в нормальном ритме:

– Мне было без разницы чем, лишь бы побыстрее закончили. Не думала, что будет... так больно. Я ведь по-настоящему не чувствовала эту руку частью себя... до сих пор.

– Ты согласилась? – спросил Лагганвор, качая головой с таким видом, словно от ее поступка известный ему мир перевернулся с ног на голову.

– Цена невелика. – Фура решила: единственное, что она сейчас может, – это улыбаться сквозь боль. – Я купила тебе корабль, сестра, – сказала она Адране. – Я дарю тебе «Веселую кобылу» и ее команду!

– У Меггери не хватало того же пальца на той же руке, – сказал Эддралдер, прежде чем Адрана успела отреагировать на этот поворот.

– Верно, – подтвердила Фура, все еще ухмыляясь.

– Значит, это она добила, чтобы вам оторвали палец?

– Она... Сказала, я у нее кое-что отняла. То, что нельзя заменить. Поэтому будет справедливо, если я отдам то, что много значит для меня.

Эддралдер покачал головой:

– Вы не имеете никакого отношения к потере ее пальца. Совершенно очевидно, что это была старая травма, никак не связанная с нашими действиями.

– Она злилась не из-за пальца, – сказала Фура. – Из-за того, что было на коже до ожога. Того, что пришлось вырезать. Маленькая татуировка: две птички на виноградной лозе.

– Не понимаю, как можно сравнивать эти потери, – сказал Эддралдер.

– Ее сделал Монсер.

– А Монсер – это... кто?

– Один из разумников, которых они потеряли до нашей первой встречи, – сказала Прозор, избавляя Фуру от необходимости вдаваться в подробности. – Ласлинг мне кое-что рассказал, пока мы с ним выясняли, какие материалы потребуются для ремонта парусов. Монсер и другой разумник, Айвз, застряли внутри шарльера, когда Ласлинг потерял свои ходули. Похоже, Монсер разрисовывал сослуживцев в свободное время. – Она посмотрела на собственные руки, покрытые шрамами и возрастными пятнами, но в остальном безупречные, и покачала головой, как будто в очередной раз удивляясь коварству и небрежной жестокости вселенной. – Чем-чем, а татушками я никогда не увлекалась.

Сестры недолго пробыли на борту «Мстительницы». Они обсуждали планы сотрудничества, когда Меррикс вызвала их в комнату доброты.

Как всегда, Адрана собралась с духом, прежде чем войти. Однажды она вошла в эту комнату наивной девушкой и слишком многое утратила навсегда. Многочисленные снадобья доктор Эддралдера пахли сильно и по-разному, но сквозь них просачивался смрад – неистребимая химическая память, наполненная болью, ужасом и многоцветьем безумия.

Фура почувствовала ее колебания. Она взяла Адрану за предплечье здоровой рукой:

– Мы должны быть сильными. Давай узнаем, насколько плохи новости.

– Не позволяйте ему резать, – сказала Страмбли, как только поняла, что у нее гости. – Только не сейчас. В последние дни я чувствую себя лучше, я знаю, что...

– Меррикс, – сказал Эддралдер, – пожалуйста, сними повязку, и как можно осторожнее.

Адрана подошла к Страмбли. Та была привязана к койке, обездвижена, как и Меггери. Это было сделано для ее же блага – ремни затянуты не туго, чем необходимо, чтобы она в невесомости не расшиблась, – но все равно от такого зрелища к горлу Адраны подкатил ком.

– Страм, доктор перейдет к решительным мерам, только если от этого будет зависеть твоя жизнь, – сказала Адрана. – И ты в курсе, как много значишь для нас.

– Что с вами случилось, капитан Арафура?

Страмбли была достаточно вменяема, чтобы заметить недавнюю травму. Фура улыбнулась, стараясь выглядеть беззаботно:

– Ничего такого, что Сурт не исправит в два счета. И к тому же мизинец... Не могу сказать, что до сих пор он мне был очень нужен, поэтому вряд ли буду скучать по нему.

– А я буду скучать по ноге, если придется ее отпилить. Скажи доку, чтобы не пилил, пожалуйста!

– Он и не собирается, – успокаивающе проговорила Адрана. – Это просто инфекция, которую мы вылечили один раз и можем вылечить снова. Не так ли, доктор?

Ей следовало бы догадаться по его поведению, что все не так просто.

– Рана... меняется, – сказала Меррикс, осторожно снимая повязку с пораженного участка.

Рана была липкой от антисептической мази, и процесс удаления повязки был мучителен для Страмбли. Ничего не подделаешь, подумала Адрана, но не сумела прогнать ужасное чувство, что она усугубляет страдания несчастной.

– Уже не такая красная, как раньше, – сказала Фура, озадаченно глянув на Эддралдера. – Это хорошая новость, не так ли? Лекарства работают, доктор. Просто продолжайте, и...

Тут она осеклась, увидев то, что еще раньше заметила Адрана.

– Она... меняется, – произнес Эддралдер с боязливым почтением, словно опасаясь, что его слова подстегнут перемены. – В поверхностных слоях кожи происходит какая-то клеточная трансформация.

– Что он имеет в виду? – спросила Страмбли с растущей тревогой.

– Я заметила, что в пораженной области появился перламутровый оттенок, – тихо сказала Меррикс. – Покраснение отступило, и на его месте кожа... ткань обесцветилась. Я думала, это какой-то некроз, но отец...

– Этот процесс не из области медицины, – сказал Эддралдер.

– А из какой же? – спросила Фура.

– Присмотритесь. С тех пор как Меррикс сделала свое первое наблюдение, площадь трансформации расширилась. Я не могу сказать, идет трансформация в глубину или только более энергично вширь, но она определенно усугубляется.

Фура и Адрана едва не стукнулись головами, осматривая рану. Они синхронно содрогнулись и резко втянули дыхание. Перламутровая зона, о которой сказала Меррикс, теперь представляла собой нечто вроде окошка, как будто участок кожи размером с большой палец превратился в дымчатое стекло. Под этим мерзким окошком, окруженным розовым валом воспаленной плоти, простирался бесцветный хрусталь, не имеющий предела. Как будто сестры заглядывали в ледяную расщелину.

– Ты когда-нибудь видела... – начала Фура. – Нет, что за нелепый вопрос. Если бы ты видела нечто подобное, у тебя не было бы такого испуганного выражения лица.

– Мне очень жаль, – сказал Эддралдер, и трудно было сказать, сестрам Несс это адресовано или пациентке.

– Я же говорила, что клинок сам заставил меня пораниться, – сказала Страмли. – Я говорю это с первого дня. Это никакой не несчастный случай, ведь так? Клинок оставил в моем теле свою частицу. Я знаю, о чем вы думаете, и никто из вас не хочет сказать это вслух.

– Не делай поспешных выводов, – сказала Адрана, с трудом сглотив.

– Да при чем тут поспешность? – резко проговорила Страмли. Казалось, передрыга, в которую она угодила, дает ей какое-то извращенное удовольствие. – Мы точно знаем, что происходит. Клинок превращает меня. Я стану одним из орудий, изготовленных призрачниками.

Глава 10

Период спокойной солнечной погоды продолжался. В течение следующих тридцати шести часов катер носился туда-сюда между «Мстительницей» и «Веселой кобылой» с неутомимым усердием челнока на ткацком станке. Он стыковался, выгружал припасы и людей, затем возвращался и снова наполнял трюм. Скорость была такова, что катер рассекал выхлопы собственных ракетных двигателей быстрее, чем они успевали рассеяться.

Постепенно стороны лучше узнавали друг друга. Отсутствие ног не мешало Ласлингу передвигаться за пределами корабля, где требовались его навыки, чтобы привести разрушенный такелаж в состояние, которое позволило бы подтащить «Веселую кобылу» поближе к «Мстительнице». Понаблюдав за его мучительными передвижениями, Тиндуф предложил свою помощь. Фура отнеслась к этому скептически, но мужчины быстро нашли общий язык и создали эффективный тандем. Через сутки после их первой совместной смены руины «Веселой кобылы» были признаны достаточно устойчивыми, чтобы можно было тащить их на буксире без риска более серьезных повреждений. Это проделали в два этапа: сперва при помощи катера привязали к остову шесть тросов тройной свивки, а затем лебедки «Мстительницы» медленно выбрали слабину.

Фура и Адрана наблюдали за происходящим с острой тревогой, прекрасно понимая, что все может в любой момент пойти прахом. Когда корабль шел под парусами, снасти испытывали нагрузку, но ее воздействие было предсказуемым, векторы силы известны. Лопнувший трос или сломанная лебедка никого не радовали, но к подобным авариям космонавты были привычны. Тот, кто ценил свою жизнь и здоровье, знал, где находится нецелесообразно и куда надо бежать при первых признаках катастрофы.

Такой с трудом приобретенный опыт сейчас мало что значил. Лебедки и тросы использовались не по прямому назначению, и если бы они вышли из строя, то сделали бы это непредсказуемо. Даже пребывание внутри корабля не гарантировало безопасности. Если трос лопнет и хлестнет по «Мстительнице», он может запросто пробить стекло и даже металл корпуса. Хорошо закрепленная лебедка, сорвавшись, способна унести с собой изрядный кусок корабля, и в отсеках не останется ни молекулы дышали.

Тем не менее за шесть часов, которые потребовались для соединения кораблей, – на протяжении этого времени хватило бы простейшего саботажа или оплошности, чтобы вызвать катастрофу, – не произошло ни одной аварии. Неимоверная усталость да свежий перечень царапин и ушибов – вот и все, чем отделались труженики.

Когда наконец корпус «Веселой кобылы» был прикреплен к «Мстительнице» огромной паутиной тросов и цепей, которые туго натягивались при малейшем движении, Сурт и Вуга соорудили соединительный туннель между двумя герметичными отсеками, чтобы ремонтные бригады могли приходить и уходить, не обременяя себя полным вакуумным снаряжением. Внутри «Веселой кобылы» предстояло починить ровно столько же, сколько и снаружи, и туннель позволял завершить внутренние работы гораздо быстрее и приступить к восстановлению парусов. Не имея свободы маневра, «Веселая кобыла» не могла раскрыть собственные паруса, иначе бы ее оснастка перепуталась с оснасткой «Мстительницы». Но прежде чем дать ей эту свободу, необходимо было привести в порядок навигационное и контрольное оборудование – эти и прочие дела без остатка поглощали внимание мастеров соответствующих профессий.

Когда две усталые команды собрались каждая на своем камбузе, но достаточно близко, чтобы можно было вместе петь или перекрикиваться, у Фуры развеялись все опасения насчет бунта новичков. Ласлинг, Меггери, Рутер, Коссел и Вуга были слишком измотаны, чтобы дерзить и перечить, и ее собственная команда пребывала не в лучшем состоянии. Пусть ее люди лучше питались и были изначально здоровее, стыковка кораблей легла на их плечи тяжким

грузом. Фура ощущала неподдельную радость от того, что первый этап их сотрудничества – пусть даже оно окажется временным и полным разлада – наконец-то завершился.

– Мы слышали, один из ваших болен, – сказал Ласлинг, глядя на Фуру через стол на камбузе «Мстительницы». – Надеюсь, ничего заразного?

– Будь иначе, думаешь, мы бы спешили навязать вам дружбу? – спросила Фура.

Меррикс, которая тоже сидела за столом, сказала:

– Это не заразно, сэр, в противном случае мы бы обязательно поставили вас в известность. Вы уже встречались с моим отцом – доктором Эддралдером. Он делает для Страмли все, что в его силах.

– Он хорошо поработал с Меггери и вроде хотел помочь мне в пределах своих возможностей.

– Он поможет, сэр.

– Зансер Ласлинг. – Космоплаватель протянул Меррикс руку – покрытую синяками, с распухшими суставами. – Можно просто Ласлинг. Твой отец сказал, что сестры Несс оказали вам большую услугу и он в долгу перед ними.

– Так и есть, сэр, мы оба в долгу. – Меррикс посмотрела на Фуру; вторая сестра Несс в это время занималась неведомо чем на борту «Веселой кобылы». – У нас были неприятности в Колесе Стриззарди, и сестры помогли нам сбежать оттуда.

– Я слыхала, в Колесе Стриззарди вообще жизнь не сахар, – сказала Коссел, которая довершала компанию на камбузе. – И все равно не могу представить, насколько там было плохо, если здешняя жизнь кажется лучше.

– Вам повезло, – проговорила Меррикс, опустив взгляд.

Ласлинг, как будто взявший на себя роль неофициального миротворца, оторвал кусок хлеба и осторожно понюхал.

– Что ж, не идеал, но явно лучше зеленых крошек, которыми питались мы. А пиво... почти сносное. – Он воздел над головой кружку с откидной крышкой. – Пусть наше общение началось не самым обычным образом, но мы ценим гостеприимство. Боюсь, на другом корабле вас не смогут принять так же.

– Вы... не виноваты, – вежливо улыбнулась Фура. – С вами приключилась беда, какая может постигнуть любую честную команду. В этом есть наша доля вины, но я надеюсь, что при нашем участии судьба по отношению к вам сменит гнев на милость.

– Изо всех сил пытаюсь понять, как это может сработать, – проворчала Коссел.

– Мы теперь равноправные партнеры. – Фура положила металлическую руку на пальцы женщины, прежде чем та успела отпрянуть.

Коссел вздрогнула, но сохранила самообладание.

– Тогда вы не откажетесь поделиться хлебом и пивом с другой командой. И всем остальным, в чем не плавают личинки.

– Наши кладовые не так обширны, как может показаться... – Когда Фура говорила о том, чтобы поделиться, она больше думала о смоле, дышали и парусине, чем о съестных припасах.

– Но если мы равные партнеры, то поделимся тем, что у нас есть, – перебила Меррикс. – Не так ли, капитан? Или же мы на самом деле не равны, что бы ни говорили?

Фура решительно кивнула, злясь на девушку за то, что она встряла в разговор, но прилагая все усилия, чтобы сохранить внешнее спокойствие:

– Конечно, Меррикс, само собой.

– И отец захочет, чтобы у них был доступ к любым лекарствам, которые могут понадобиться. К лекарствам и его услугам.

– Без вопросов. Хотя Страмли – его приоритет...

– Да, но поскольку никто из нас не знает, как ее лечить, можно лишь создавать для нее комфортные условия и следить за тем, как прогрессирует... недуг. Для этого не требуется

много времени, и отец сказал, что хочет заняться мистером Ласлингом... То есть просто Ласлингом, сэр.

– Мой случай не срочный, – сказал Ласлинг, но в его улыбке сквозила боль, и Фура предположила, что даже в невесомости такая тяжелая работа заставит старые раны ныть. – Что касается вашей подруги... Ее состояние действительно такое тяжелое, как говорит Меррикс?

– Если позволишь ответить за нее, – сказала Фура, – то это всего лишь отложенный побочный эффект предшествующего лечения. – Она нахмурилась. – В любом случае необходимо принять меры. Наш путь и так лежал к Тревенца-Рич. Но теперь добраться туда – вопрос жизни и смерти.

– Мы сейчас не можем никуда лететь, – возразил Ласлинг.

– Да, и нам еще нужны три-четыре недели, чтобы привести ваш корабль в порядок, – сказала Фура. – Но, как мы уже обсуждали, ничто не мешает «Мстительнице» лететь с приличной скоростью, даже с дедвейтом... – Она сообразила, что бранные останки капитана Верранвелла все еще покоятся на «Веселой кобыле» и его бывшая команда может занервничать из-за неудачно выбранного слова². Фура поспешно улыбнулась, уточняя: – Я к тому, что нам совсем несложно буксировать вас, а заниматься ремонтом можно и в пути. Тиндуф и Паладин уже просчитали маршрут с учетом капризов солнечной погоды: путешествие займет всего семь-восемь недель. Но мы окажемся в пределах досягаемости подметалы задолго до того, как прибудем на Тревенца-Рич.

– И что из этого следует? – спросил Ласлинг.

– Прежде чем нас увидят оттуда, – сказала Фура, – наши корабли должны оказаться далеко друг от друга, двигаясь совершенно разными курсами, чтобы не было и намека на связь между нами.

– Постойте! – Коссел сощурилась с такой силой, будто ей что-то попало в глаз. – Почему в Тревенца-Рич должны отправиться оба корабля? Ведь только у одного на борту есть больной.

– Коссел, это в наших общих интересах. Мы должны позаботиться о нашей подруге Страмли и об одном пассажире, а вы, поскольку с вами эскадра поступила очень несправедливо, в Тревенца-Рич можете потребовать возмещения ущерба.

Ласлинг заерзал, шевеля кульями:

– Ты сказала, что цивилизация небезопасна для нас.

– Поэтому хорошо, что Тревенца-Рич можно назвать очагом цивилизации лишь с большой натяжкой. – Фура взяла пистоль, который лежал на салфетке, как пресс-папье, и постучала им по столу, подчеркивая свои доводы. – Этот веретенообразный мир сильно пострадал в крахе девяносто девятого года, а после Корректировки ему досталось еще сильнее. Банки обошлись с ним отвратительно. И до всех этих событий тамошние жители не очень-то жаловали финансовые учреждения, а теперь и подавно не любят их. Что еще лучше, Тревенца-Рич всегда приветчал экипажи частных агентов, предпочитая иметь дело с ними, а не с картелями, работающими на банки. Там не захотят связываться с эскадрой, а вас выслушают с сочувствием. Вас действительно выслушают, вот что я хочу сказать, – внимательнее, чем где-либо еще в Собрании. И как только вы поведаете свою историю, у других миров не будет выбора – им придется учитывать случившееся с вами.

– И мы будем жить долго и счастливо, – ухмыльнулась Коссел.

– Я не говорю, что на этом пути не будет препятствий, – вздохнула Фура, – Но мы с ними разберемся по ходу дела. – Она отпустила пистоль, позволив ему парить над ладонью, и понаблюдала за тем, как незримая сила развернула монету аверсом к Старому Солнцу. Затем

² Непереводимая игра слов: термин «дедвейт», характеризующий максимально возможную загрузку судна, в буквальном переводе означает «мертвый груз».

снова сжала кругляш в кулаке и улыбнулась собравшимся. – А пока сойдемся хотя бы на том, что в наших общих интересах добраться до Тревенца-Рич.

– Расскажи-ка о пассажире, – попросил Ласлинг.

Один за другим члены команды «Веселой кобылы» ходили посмотреть на Того Самого Щелкуна. Адрана охотно привела бы их всех сразу, но Фура не согласилась принимать в каюте сестер больше одного посетителя зараз, по крайней мере до тех пор, пока не будет твердо уверена в их лояльности.

– Он приехал с нами из Малграсена, – сказала Адрана, положив ладонь на гибернационный ящик. – Там нуждался в срочной эвакуации, потому что нажил врагов – очень серьезных врагов, и не только из соплеменников. Его приютил некто Даркли, раньше покупавший у него кости.

Настала очередь Рутера. Парнишка опустил на колени рядом с ящиком, и Адрана позволила ему осмотреть внешний корпус, включая часть, поврежденную мозаичниками.

– Как он умудрился нажить себе врагов, капитан Несс? Я думал, эти инопланетяне друг с другом неразлейвода.

Этот вопрос в той или иной форме задавали все.

– Мы не успели поговорить обстоятельно, прежде чем он улегся в ящик. Но, вероятно, это связано с тем, как устроен наш мир. Я имею в виду все миры, Собрание целиком. Вероятно, есть и какой-то секрет, связанный с пистолями, но и этим дело не исчерпывается.

– Тогда следует разбудить его и спросить.

Адрана улыбнулась наивности мальчика. Он явно был моложе ее на считанные годы и, возможно, начал карьеру космоплавателя гораздо раньше. Но между ними простиралась бездна житейского опыта, куда более холодная и неодолимая, чем расстояние между мирами. Она успела узнать и переоценить больше, чем этот простодушный ребенок за всю свою жизнь. Она часто задавалась вопросом, каково это – переступить границу между подростковым возрастом и зрелостью. Может, такой скачок от одного полюса опыта к другому сопровождается внезапным разворотом стрелки компаса? Так или иначе, граница была пройдена, однако Адрана это поняла лишь в тот момент, когда Рутер предоставил ей точку отсчета и шкалу, позволяющую измерить свой прогресс в вопросе взросления.

– Мы бы разбудили его, если бы это было так просто, – сказала она, не желая быть слишком суровой с юношей, поскольку знала, как на него повлияла смерть любимого капитана. – Но ящик перешел в автоматический режим гибернации, и мы не можем ускорить процесс или открыть крышку раньше времени. Это было бы слишком рискованно.

– И как долго это будет продолжаться?

– Пока ничего нельзя сказать наверняка. Он с нами три месяца, почти ровно три, и, как мы понимаем, это минимальный интервал сна. Но как долго щелкун пробудет в гибернации, зависит от факторов, совершенно неподвластных нашему контролю. Может, он вообще не проснется.

Рутер расстроился, как будто ему преподнесли подарок в роскошной упаковке, а потом заявили, что разворачивать нельзя.

– Получается, ваш пассажир может провести в этом ящике целую вечность?

– Не думаю, что так будет. На Тревенца-Рич нас ждут его друзья. Они наверняка знают, как разбудить его без осложнений.

– Но тогда говорить с ним будут они, а не вы.

– Да, ты прав... Есть вопросы, которые я хотела бы задать ему сама.

– Я видел один из их кораблей, – с воодушевлением сообщил Рутер. – Вроде это было где-то в окрестностях Хаззарди. Капитан Верранвелл велел всем нам подойти к иллюминатору и посмотреть. Это выглядело... Ой, даже не могу подобрать слова. Совсем не так, как ваш

корабль или любой другой обезьяний. Вуга сказал, что он похож на кусок замерзшего дыма; Коссел сравнила с осколком грязного льда с огоньками внутри; а я подумал, что он больше напоминает старый серый зуб. Однако у корабля пришельцев совсем не было парусов. Им не нужны паруса, чтобы плыть, куда захочется.

– Паруса хороши внутри Собрания, – терпеливо объяснила Адрана. – Но они совершенно бесполезны за его пределами – в Пустоши и огромных пропастях между звездами. Когда-то у нас, вероятно, были способы преодолевать эти расстояния, и готова спорить, что вовсе не со скоростью несколько тысяч лиг в час. Возможно, несколько миллионов лиг в час, если такое считалось достаточным. У инопланетян, которые прилетают в Собрание, чтобы вести с нами дела, должны быть корабли, способные перемещаться гораздо быстрее наших.

– Надо расспросить их об этом, – заявил Рутер с таким видом, словно за всю историю человечества никому не приходила в голову подобная мысль.

Адране стало неловко из-за того, что придется умерить его энтузиазм.

– Не думаю, что они захотят поделиться с нами технологией. Существует система, Рутер, и она подходит всем участникам. Мы, обезьяны, обретаемся вокруг Старого Солнца и ведем вполне сносную, хоть и недолгую жизнь. Иногда инопланетяне помогают нам – у них развита медицинская и прочие технологии, – но тщательно контролируют это дело. Мы не остаемся в долгу – у нас есть возможность извлекать пистолы из шарльеров, а инопланетяне не могут или не хотят заниматься этим самостоятельно. Они управляют банками, сняв это бремя с нас, что на первый взгляд кажется проявлением доброты. Им это выгодно: пистолы из шарльеров поступают в банковские хранилища, а что с ними происходит потом – поди знай. Мы решили, что пистолы – хорошая валюта, но инопланетяне явно ценят их намного выше. В этом смысле мы выступаем в роли средства производства. Такова система, и инопланетяне не сделают ничего, что могло бы ей навредить, по крайней мере пока вокруг Старого Солнца существует жизнеспособная цивилизация. В конце концов все закончится – я подразумеваю наше краткое славное Заселение – и инопланетяне либо послужат причиной финала, либо просто не смогут его предотвратить. Сама не знаю, какой вариант мне больше нравится. Приятно думать, что они куда сильнее, чем мы, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.